huxley

#4’21

альманах о философии, бизнесе, искусстве и науке

Алексей Коваль «Украинские свадебные портреты». Фрагмент диптиха, 2015. Медь. Эмали

huxleў

альманах о философии, бизнесе, искусстве и науке

huxleў
friends' club

Huxleў — это общественный альманах,
поддерживаемый такими читателями, как вы.

Это не коммерческое издание,
и, как видите, мы не размещаем рекламу.

Здесь нет предвзятости, скрытых планов
и отдельных интересов,
только одно следование нашей миссии.

Если вам нравится контент, подумайте о том,
чтобы сделать небольшое пожертвование.

Вместе мы сможем поддержать развитие философии,
науки и искусства в Украине.

Наша миссия — влиять на мышление лидеров
и их ценностные перспективы и действия
посредством слова и искусства

присоединиться
к клубу друзей Huxleў

Размер взноса в БФ «Интеллектуальный капитал» — на ваше усмотрение

КОНТРИБЬТОРЫ

Гарри Джейкобс
CEO Всемирной академии искусства и науки, президент Всемирного консорциума университетов, полноправный член Римского клуба

Виктор Сидоренко
народный художник Украины, кандидат искусствоведения, профессор живописи

Елена Бойцун
директор по инвестициям, Центральная и Восточная Европа, Luminate/Omidyar Network

Джеймс Гэлбрейт
американский экономист, профессор публичной политики и государственного управления, университет Техаса, Остин

Джо Стадвелл
писатель, журналист, доктор наук, преподаватель в Кембриджском университете, автор бестселлера How Asia works

Лана Митченко
программный директор KA Group

Михаил Минаков
философ и исследователь в области политической философии, политической теории и истории современности

Виктор Галасюк
президент Украинской ассоциации Римского клуба, член-корреспондент Всемирной академии искусства и науки

Алексей Ботвинов
пианист, народный артист Украины, основатель Odessa Classics

Надежда Крыжановская
кардиолог, кандидат медицинских наук, специалист anti-age медицины

Владимир Савчук
управляющий партнер группы консалтинговых компаний «Стратегический партнер», профессор Международного института бизнеса, председатель наблюдательного совета ГК «Нова Пошта»

Татьяна Лукинюк
генеральный директор Red Bull, профессор Киевской школы экономики, основательница Kyiv Bookworms Club

ОГЛАВЛЕНИЕ

008 Из речи Иосифа Бродского перед выпускниками Мичиганского университета

010–027 Huxleÿ 64. Корни и крылья с Борисом Бурдой: княгиня Ольга, Зельман Ваксман, Сергей Королев, Серж Лифарь

Глава 1: Философия

030–039 Всемирная перезагрузка: насколько «дивным» будет новый мир? Редакция Huxleÿ. По материалам книги COVID-19: The Great Reset

042–047 U-THINK: каким должен быть институт глобального управления в XXI веке? Гарри Джейкобс, Джеймс Гэлбрейт, Дмитрий Кулеба, Элиза Питер, Владислав Рашкован

050–055 Новая мистика & искусственный интеллект. Юк Хуэй. Беседовал Андерс Данкер

056–061 Фотософия — философский трактат без слов. Михаил Минаков

062–067 Полимат — лидер XXI века. Редакция Huxleÿ по материалам интервью с Вакасом Ахмедом и Питером Берком

068–073 Матриархат, патриархат или божественная андрогинность. Лариса Тарасюк

074–079 Последствия для человечества в случае отказа от мистики: «вечная философия» Олдоса Хаксли. Олесь Манюк

Глава 2: Бизнес

082–087 Best & Brightest.

Андрей Ставницер, Владимир Цой, Тарас Кицмей, Сергей Черненко, Наталия Кривда, Наталья Емченко, Вячеслав Климов, Алексей Тимофеев

090–097 Глобальный прорыв: «Шерп». Влад Школьник, Сергей Самохвалов

098–103 Футурология: будущее по расчету с поправкой на серендипность. Лана Митченко

106–111 Business intelligence: как снять свой бизнес с «якоря» и не разбиться о скалы? Владимир Савчук

112–117 Сколько длится беременность азиатского слона? Тест для лидеров

118–133 Серия заметок о мировом фронтире развития. Записки из Африки 1: Эфиопия. Джо Стадвелл

Глава 3: Наука

136–141 «Нобели» 2020-го: битва за человека и ее герои

144–151 Экзистенциальные риски и глобальное управление. Интервью с Яаном Таллинном. Беседовала Елена Бойцун

152–157 Разговор с ученым — Максимом Коваленко. Виктор Галасюк

Глава 4: Искусство

162–173 Китайские уроки Михаила Гуйды: как отличить искусство от неискусства. Влад Михеев

174–181 «Шоа». Фильм, содравший кожу с наших иллюзий. Влад Михеев

182–193 Уроки Вадима Перельмана: «Иль онай ау». Беседовала Жанна Крючкова

194–195 Одесская академия классической музыки

196–203 «Крымский Бетховен» Алемдар Караманов. Алексей Ботвинов

206 Литературный конкурс: Кибериада 2020–2021

207–213 Ольга Александрова. «Алгофобия»

216–223 Олдос Хаксли. «Портрет»

224 Я присоединился к клубу друзей Huxleÿ!

huxleў

HUXLEЎ WORLD

www.huxley.media
Весна 2021

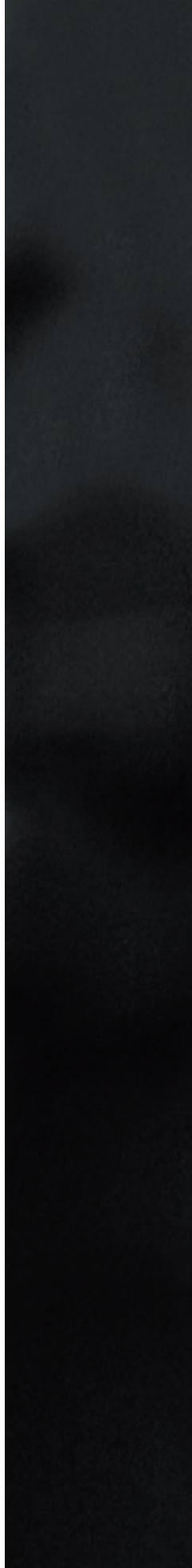
Учредитель и главный редактор Жанна Крючкова
Арт-директор Ольга Узлова

Издатель
ООО «Хаксли»

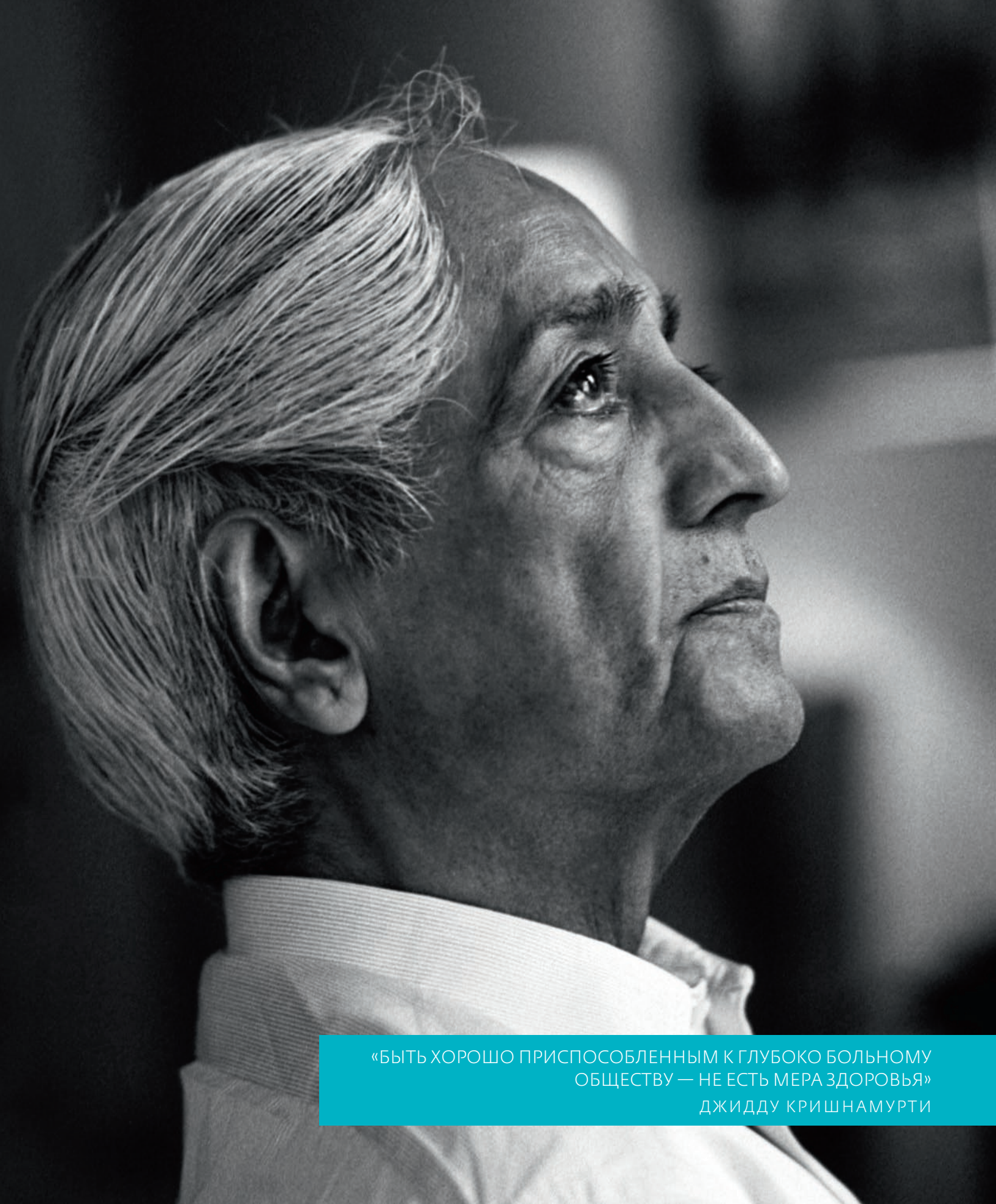
Адрес издательства и редакции:
01033, Украина, г. Киев, ул. Жилянская, 59, оф. 217
телефоны: +38 044 391 63 22, +38 044 391 63 23

Тираж: 4000 экз.

Влиять на мышление лидеров, их ценностные перспективы и действия посредством слова и искусства — миссия Huxleў



Джидду Кришнамурти, индийский духовный учитель, писатель и философ. Нью-Йорк, 1971. Photo by David Gahr/Getty Images



«БЫТЬ ХОРОШО ПРИСПОСОБЛЕННЫМ К ГЛУБОКО БОЛЬНОМУ ОБЩЕСТВУ — НЕ ЕСТЬ МЕРА ЗДОРОВЬЯ»

ДЖИДДУ КРИШНАМУРТИ

СЛОВО ИЗДАТЕЛЯ

Жанна Крючкова

издатель и главный
редактор Huxleў

В детстве я зачитывалась «Островом сокровищ» Стивенсона и приключенческой трилогией «Белый ягуар — вождь араваков» Фидлера. Предлагаю читателям отправиться в увлекательное путешествие, подобно героям книг. В этом помогут таинственные буквы на переплете номера. Но их тайна будет разгадана через 7 лет: когда вы соберете и поставите в один ряд все выпуски альманаха, то прочтете текст послания. Если о его содержании догадаетесь раньше, напишите мне и — случится чудо!

В 2012 году на фейсбуке отметила любимую цитату: *«Cras amet, qui numquam amavit, quique amavit, cras amet»*. В 2021-м, после интервью с режиссером Вадимом Перельманом, ее дополнила другая — *«Иль онай ау»* из фильма «Уроки фарси». Обе фразы — о любви, которой не хватает в мире.

Мы живем во времена цивилизационных сдвигов. Не случайно на обложке Huxleў — работа Виктора Сидоренко из проекта «Левитация». Человек не чувствует опоры. Отважившись на полет, он рискует потерять себя. Как быть? Прагматизм человечество не спасет, но сработают не имеющие цены высшие ценности. Я в это верю.

СЛОВО ПРИГЛАШЕННОГО РЕДАКТОРА

Андрей Чахоян

основатель Strategic Narrative
Consulting, Амстердам

Философ Джордж Беркли задавался вопросом: существует ли звук падающего дерева в лесу, если рядом нет того, кто может его услышать? Понятно, что удар о землю создает вибрацию. Но звуком она становится, только если будет услышана.

Событию необходим свидетель, а тексту нужен читатель. Я вспоминаю об этом, когда беру в руки очередной номер Huxleў. Что-то всегда меняется в нашем мире, когда человек и текст встречаются, почти как в квантовой механике, где существование стороннего наблюдателя в принципе невозможно.

В психологии есть такое понятие: «meaning-making» (смыслообразование). После года карантинов и локдаунов оно актуально как никогда. Стремление осмыслить сплетается с желанием придать смысл тому, чем мы заняты изо дня в день, чем мы живем, к чему стремимся. Мне кажется, именно в этом заключается миссия и сущность Huxleў — meaning-making.

«Красота в глазах смотрящего» — вместе с альманахом мы открываем для себя красоту искусства, силу мысли и смелость человеческого поступка.

АЛЬМАНАХ ДЛЯ ЛЮДЕЙ С ОТКРЫТЫМ УМОМ,
СПОСОБНЫХ К НЕЗАВИСИМОМУ МЫШЛЕНИЮ,
НЕ ПОДВЕРЖЕННЫХ БРЕМЕНИ ПРОШЛОГО ОПЫТА,
УКОРЕНИВШИХСЯ ОРТОДОКСИЙ
И ГОСПОДСТВУЮЩИХ УБЕЖДЕНИЙ

Huxley.media

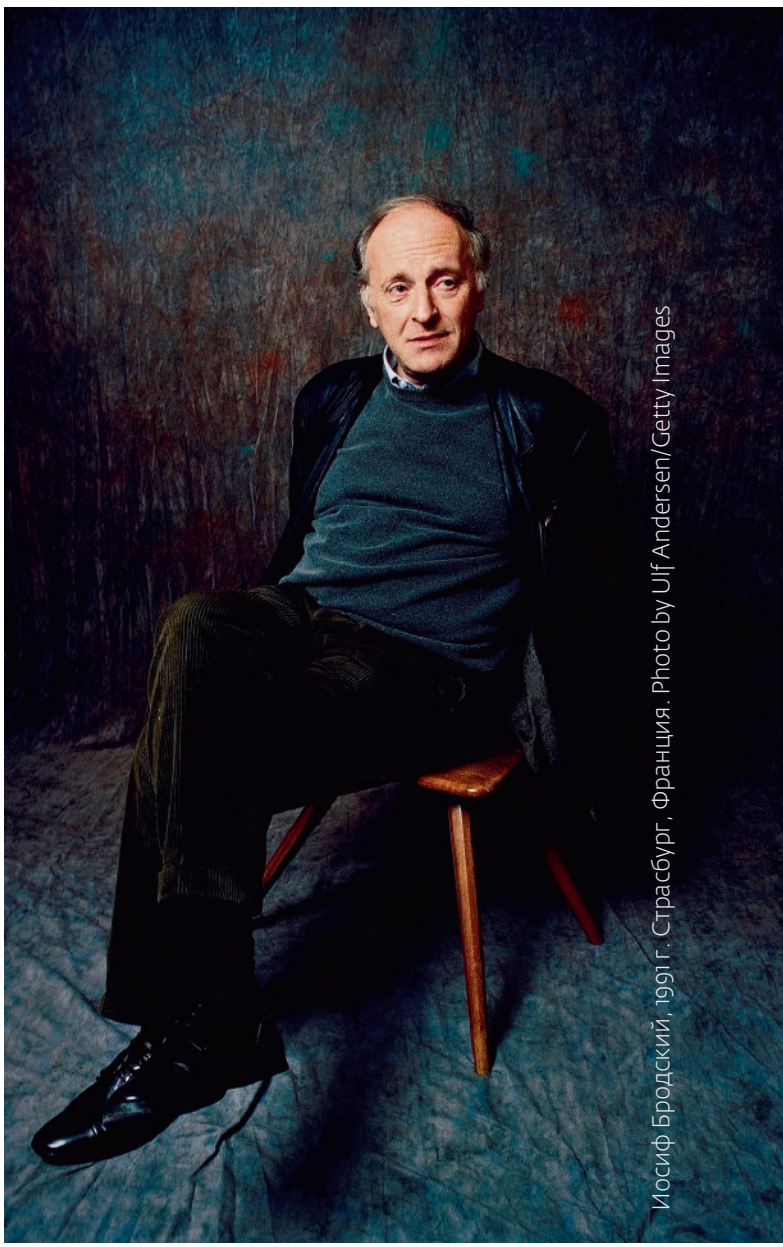
ЭТИКА МИРОВОГО ПИРОГА: КАК ПРИГОТОВИТЬ СПРАВЕДЛИВОЕ ОБЩЕСТВО?

Из речи Иосифа Бродского перед выпускниками Мичиганского университета, 1988 г.:

«Старайтесь не слишком полагаться на политиков — не столько потому, что они неумны или бесчестны, как чаще всего бывает, но из-за масштаба их работы, который слишком велик даже для лучших среди них, — на ту или иную политическую партию, доктрину, систему или их прожекты. Они могут в лучшем случае несколько уменьшить социальное зло, но не искоренить его. Каким бы существенным ни было улучшение, с этической точки зрения оно всегда будет пренебрежимо мало, потому что всегда будут те — хотя бы один человек, — кто не получит выгоды от этого улучшения.

Мир несовершенен; Золотого века никогда не было и не будет. Единственное, что произойдет с миром, — он станет больше, то есть многолюднее, не увеличиваясь в размерах. Сколь бы справедливо человек, которого вы выбрали, ни обещал поделить пирог, он не увеличится в размерах; порции обязательно станут меньше. В свете этого — или, скорее, в потемках — вы должны полагаться на собственную домашнюю стряпню, то есть управлять миром самостоятельно — по крайней мере той его частью, которая вам доступна и находится в пределах вашей досягаемости. Однако, осуществляя это, вы также должны приготовиться к горестному осознанию, что даже вашего собственного пирога не хватит; вы должны приготовиться к тому, что вам, по всей вероятности, придется отведать в равной мере и благодарности, и разочарования. Здесь самый трудный урок для усвоения — не терять усердия на кухне, ибо, подав этот пирог хотя бы однажды, вы создаете массу ожиданий.

Спросите себя, по силам ли вам такая бесперебойная поставка пирогов, или вы больше рассчитываете на политиков? Каков бы ни был исход этого самокопания — может ли мир положиться на вашу выпечку? — начните уже сейчас настаивать на том, чтобы все эти корпорации, банки, школы, лаборатории, или где вы там будете работать, и чьи помещения отапливаются и охраняются полицией круглые сутки, впустили бездомных на ночь, сейчас, когда зима».



Иосиф Бродский, 1991 г. Страсбург, Франция. Photo by Ulf Andersen/Getty Images

THE IDEA PAGE

«Цель не может оправдывать средства по той простой и очевидной причине,
что средства определяют природу цели»
ОЛДОС ХАКСЛИ

КОРНИ И КРЫЛЬЯ

Huxleў составил список из 64 выдающихся личностей, чьи корни глубоко уходят в украинскую почву, а крылья — слава о них выходит далеко за пределы Украины благодаря вкладу в мировую науку и культуру.

В рубрике «Корни и крылья», автором которой выступает Борис Бурда, легендарный игрок интеллектуальной игры «Что? Где? Когда?», обладатель «Бриллиантовой совы», мы публикуем истории тех, кто жил и творил на грани — на грани стран, культур и сложившихся представлений.

Этот выпуск посвящен четырем выдающимся людям, чей жизненный путь был связан с такими местами на карте Украины, как Киев, Новая Прилука в Винницкой области, Житомир.

Корни & Крылья

Алексей Коваль «Украинские свадебные портреты». Фрагмент диптиха, 2015. Медь. Эмали

КНЯГИНЯ КИЕВСКОЙ РУСИ ОЛЬГА, ПРИЧИСЛЕННАЯ К ЛИКУ СВЯТЫХ, — ПЕРВАЯ, КТО ПРИНЯЛ ХРИСТИАНСТВО

(ок. 893/920–969)

Святых в православной церкви очень много. Но и среди них есть некое ранжирование. Самый высший ранг — это апостол, к ним относятся ближайшие ученики и последователи Христа. Сравнимый ранг имеют равноапостольные святые — это те, кто особо прославился проповедью и обращением народов в христианство. Равноапостольных святых немного — в «Википедии» есть неполный список в двадцать восемь человек, но тем не менее ясно, что их число не так уж велико. И среди этих почитаемых святых сразу двое киевлян, а одна из них еще и женщина!

Об этом удивительном человеке я и попытаюсь рассказать. Стимулов для этого достаточно — мне представляется, что в основном она известна по деяниям, которые или вообще не заслуживают доброго слова, или крайне сомнительны. А самые замечательные ее свершения, достойные и похвалы, и доброй памяти, либо вообще не замечаются, либо упоминаются вскользь.

ЗАГАДКА РОЖДЕНИЯ

Откуда она, эта Ольга? «Повесть временных лет» говорит, что из Пскова. В ее житии уточняется, что она родилась в деревне Выбуты, примерно в 12 км от Пскова. В ряде документов XV века (на что они ссылались, непонятно) говорится, что она была дочерью Олега Вещего, который правил Русью до Игоря и пристроил дочку за наследника престола.

Мнение болгарских историков о том, что Ольга вообще их землячка, и указанный в летописи Плесков — никакое не старое название Пскова, а болгарская Плиска, в эту картину не укладывается никак.

Иоакимовская летопись, очень подозрительная по части вранья, возводит род Ольги к легендарному князю Гостомыслу, однако верить этому источнику — себя не уважать. А то, что украинский историк выводит ее происхождение не из Пскова и не из Плиски, а из прикарпатского города Плесненска —

это уж само собой. Не было бы такого — я бы удивился.

ЗАМУЖ ЗА КНЯЗЯ

Впрочем, откуда бы Ольга ни взялась, интереснее то, как она пробилась в княгини. Есть легенда о том, как Игорь, охотясь близ Пскова, воспользовался услугами перевозчика, чтобы перебраться через реку, и вдруг заметил, что перевозчик — девушка в мужском платье.

Его это так возбудило, что он немедленно сделал ей предложение, которое сейчас назвали бы непристойным, а тогда со стороны наследника князя по отношению к неизвестно кому имело силу приказа.

Якобы Ольга ответила: «Зачем смущаешь меня, княже, нескромными словами? Пусть я молода и незнатна, и одна здесь, но знай: лучше для меня броситься в реку, чем стерпеть поругание». Услышав эту речь, Игорь прекратил поползновения, и этому я верю — к подобным текстам ни один тогдашний князь был не готов. А вот то, что Игорь был так этими словами пленен, что, когда пришло время жениться, никого, кроме Ольги, не захотел — простите, вряд ли. Но легенда уже срослась с личностью, привести все равно необходимо.

КНЯЗЬ ОН ИЛИ КТО?

Просто женой большого начальника Ольга пробыла довольно долго, дело это нетрудное и веками практически одинаковое — «она езжала по работам, солила на зиму грибы, вела расходы, брила лбы, ходила в баню по субботам, служанок била, осердясь, — все это мужа не спросясь». А что за начальник был ее муж? Глава государства? Да, но государства странного, нам непривычного.

Корни & Крылья

Сергей Кириллов. «Княгиня Ольга (Крещение)».
Первая часть трилогии «Святая Русь», 1993. Холст, масло. 140x100 см

Командир большого воинского отряда, именуемого дружиной, — это точно. Опираясь на ее силу, он покорял соседние общины и время от времени приезжал к ним за данью — сколько это, он и сам не знал, мало ли сколько ему понадобится. За это он теоретически должен был оборонять их от

врагов и даже был мотивирован делать это, потому что с разоренного поселения дани не взять. Чиновников в его государстве нет, бюджета нет, казны никакой нет, кроме княжеской, вместо министров — княжеские слуги, вместо законов — княжеская прихоть.

Знаете, как именовали докладчика прошений при средневековых дворах? Рекетмейстер! Очень точное название… Это не так уж и опасно: кто недоволен — тому дружина объяснит, что зря он так. Но в такой системе таится одна ловушка, которую и современные князья не всегда замечают.

Постепенно любой такой князь «теряет берега» и умудряется «запинать» своих подданных до полной потери инстинкта самосохранения, а уж тогда они забывают, что все равно ничего сделать нельзя, и вытворяют что-то такое, что князь и вообразить никак не мог.

УБИЙСТВО И МЯТЕЖ

Поездка в поселение древлян, одного из славянских племен под властью Игоря и его команды, поначалу была рутинной. Приехали и собрали дань, ее размеры древлянам не понравились, но делать было нечего.

Однако уже на обратном пути Игорь решил вернуться к древлянам за добавкой, причем с малой частью дружины — чтобы с остальными не делиться.

Древляне поняли, что это все. Что если и сейчас он заберет, что захочет, то вернется еще раз и еще раз — кто ему помешает? Только они! Вот они и позаботились о том, чтобы Игорь больше никогда не пришел, — если верить византийскому императору Иоанну Цимисхию, его привязали к двум согнутым деревьям, а потом отпустили их, и деревья разорвали его на куски.

Держава Игоря повисла на волоске, и роль Ольги в ее спасении была огромна. Когда древлянский князь Мал, решивший, что именно он вотчину Игоря и унаследует, женившись на Ольге, обратился к ней с соответствующим предложением, она уже была готова дать ему ответ. По полной программе.

СКАЗКА О ПОБЕДЕ

Летописи рассказывают, что для начала она зарыла двадцать знатных древлян живьем в землю. Прибыли не знавшие об этом послы — их сожгли в бане.

Потом с малым отрядом Ольга поехала якобы выходить замуж за Мала, и на тризне по Игорю дружинники перерезали массу упившихся древлян. А потом, осадив древлянскую столицу Искоростень, она потребовала дань — трех голубей и трех воробьев из-под стрехи каждого дома. Получила и отпустила, привязав им к лапкам горящую паклю. Город сгорел.

Верите? Молодцы — у меня вот не получилось. Типичный бродячий сюжет, встречается и у Саксона Грамматика (у него Шекспир взял сюжет «Гамлета»), и у Снорри Стурлусона, автора «Младшей Эдды», и в шотландском фольклоре. Пусть уж будет и у нас…

Тем не менее военная победа над древлянами и полное их подчинение — исторический факт. Если не со всеми перечисленными зверствами, это даже лучше.

ЕЕ ЦЕРКОВНЫЕ ЗАСЛУГИ ПОЛУЧИЛИ ВСЕОБЩЕЕ ПРИЗНАНИЕ, А ВОТ О ТОМ, ЧТО ОНА ВПЕРВЫЕ СДЕЛАЛА КИЕВСКУЮ РУСЬ ЧЕМ-ТО ПОХОЖИМ НА СОВРЕМЕННОЕ ГОСУДАРСТВО, ОБЫЧНО ГОВОРЯТ ВСКОЛЬЗЬ. И СОВЕРШЕННО ЗРЯ…

СТРОИТЕЛЬНИЦА ГОСУДАРСТВА

А вот потом двузначное число лет, которое проходит до совершеннолетия ее сына Святослава, Ольга правит Русью сама. И за это время она последовательно и уверенно превращает ее из рэкетируемой территории в государство.

Она упорядочила налоги, установила их размер и время сбора. Она поделила подвластную ей территорию на административные единицы, в каждую

из которых теперь назначался княжеский администратор — тиун.

Она создала систему «погостов» — центров торговли и обмена, в которых более организованно проходил сбор налогов. Позже именно по погостам стали строить храмы.

Она наконец-то разделила государственную и личную княжескую казну. То, что она оставила после себя Святославу, было гораздо больше похоже на привычное нам государство, чем то, что она получила от Игоря.

КРЕЩЕНИЕ БЕЗ ОБРУЧЕНИЯ

Следующим ее историческим деянием было крещение — оно осуществилось в Константинополе, причем ее крестным отцом стал сам император Константин VII Багрянородный.

И тут не обошлось без легенды, согласно которой Константин влюбился в Ольгу и начал ее домогаться. Ольга ответила, что согласна только на законный брак, готова поменять веру, и даже пригласила императора в крестные отцы.

При крещении ей дали имя Елена. А когда таинство состоялось, она обрадовала императора тем, что он теперь ее крестный отец и на крестной дочери жениться не может. Верить этой легенде вы не обязаны по самым разным причинам. То, что история ее визита в Византию слишком похожа на притчу о Соломоне и царице Савской, наводит на определенные мысли о том, как скучно было летописцам описывать только то, что было.

А что до любви к крестной дочери, скажем, тому же Мазепе тот факт, что он крестил Матрену Кочубей, ну совершенно не помешал…

Принимали Ольгу благосклонно, но подарок при расставании вручили довольно скромный — 700 золотых солидов, чуть больше трех кило золота, пять с хвостиком миллионов гривен — в судах современной Украины лежит куча дел, в которых вменяемая взятка существенно больше. Но все равно из Византии к княгине-христианке поехали священники, и культурные связи укрепились.

Ольга всячески содействовала внедрению на Руси новой веры — строила церкви, принимала священников из Византии, способствовала хорошему отношению к христианству своих внуков Ярополка и Владимира (именно Владимир несколько позже стал крестителем Руси).

ОЛЬГА И СВЯТОСЛАВ

Но с сыном она ничего поделать не смогла — Святослав оставался верен прежним богам, а над желающими креститься насмехался (хотя и не преследовал). Когда Святослав стал совершеннолетним, власть перешла к нему, но он много времени проводил в походах, а за него оставалась мать, подчиняться которой уже привыкли.

Именно Ольга во время болгарского похода Святослава возглавила успешную оборону Киева от осадивших город печенегов и дождалась возвращения сына, который их прогнал.

Когда Святослав собрался возвращаться в Болгарию, Ольга сказала ему: «Видишь — я больна, куда хочешь уйти от меня?» Действительно, через три дня после этого, 11 июля 969 года, она скончалась.

АПОФЕОЗ

Бывший при ней священник-византиец организовал ее похороны по христианскому обычаю. Существует много сообщений о творимых ею после смерти чудесах — о всех святых пишут такое.

В первой половине XIII века произошла ее официальная канонизация, а в 1547 году она была причислена к лику равноапостольных святых и стала почитаться как покровительница вдов и новообращенных христиан.

Ее церковные заслуги получили всеобщее признание, а вот о том, что она впервые сделала Киевскую Русь чем-то похожим на современное государство, обычно говорят вскользь. И совершенно зря…

ПАМЯТЬ В НАШЕ ВРЕМЯ

Ольгу в наше время тоже помнят и чтут. В Пскове, который также претендует на роль ее родного города, есть и Ольгинский мост, и Ольгинская часовня, и два памятника ей. На Дальнем Востоке в ее честь назван залив Японского моря и поселок Приморского края.

Памятники ей установлены не только в Киеве и Пскове, но и в Москве, Владимире, Коростене, ее фигура есть на монументе «Тысячелетие России».

Ее имя носят сразу три ордена — царский, орден РПЦ и современный украинский. Улиц, названных в ее честь, простите за неумышленную рифму, не счесть — в Киеве, Львове, Ровно, Житомире, Днепре и еще в десятках районных центров.

Даже странно, что такая вполне заметная группа, как украинские феминистки, не избрала ее своим символом и покровительницей — лучшей рекламы им и не придумать.

НОБЕЛЕВСКИЙ ЛАУРЕАТ ИЗ ВИННИЦКОЙ НОВОЙ ПРИЛУКИ — ЗЕЛЬМАН ВАКСМАН, ОТКРЫВШИЙ АНТИБИОТИК СТРЕПТОМИЦИН

(1888–1973)

Его чтут и помнят в Виннице — еще бы, это единственный нобелиат, родившийся в Винницкой области! Все правильно: место его рождения — село Новая Прилука под Винницей (раньше думали, что он родился в селе Прилуки, но данные уточнились и Прилуки обновились).

Есть чем похвастаться и моей родной Одессе — знаменитая Пятая гимназия на Новорыбной, в которой учились Ильф, Петров, Чуковский и Жаботинский, выдала талантливому пареньку, которому не так просто было поступить туда из-за пресловутой «процентной нормы», аттестат экстерном.

Не меньше должны гордиться им и представители такой почтенной науки, как почвоведение, — много ли почвоведов получили Нобелевку по медицине? Как же вообще Зельману Ваксману удалось такое?

ПРОЦЕНТНАЯ НОРМА

Семья у Васкмана была не то чтобы бедная, но не такие уж и богачи — арендатор и хозяйка маленького магазинчика. На взятки и дорогих репетиторов, чтобы проломиться в гимназию через ту самую «процентную норму», не хватило — пришлось учиться в хедере, потом уж сдавать экстерном на аттестат о среднем образовании.

Получилось это не сразу. В Житомирском университете его срезали на экзамене по географии каверзным вопросом: «На какой реке стоит Берлин?» После Второй мировой это вряд ли считалось бы трудным вопросом, а тогда мелкую речушку Шпрее ему вспомнить не удалось…

Только через два года он повторил свою попытку в Одесской гимназии, и все получилось — Одесса без должных нахлобучек из столицы вечно вела неправильную национальную политику…

ЧЕРЕЗ ОКЕАН

А дальше что? В университете та же «процентная норма», да и плата за обучение непосильная, но обидней всего — государственная констатация того, что ты заведомо хуже, чем соученики.

Его двоюродные сестры уже проголосовали против такой политики — разумеется, ногами, если прочие виды голосования ничего не меняют, этот оказывается главным. Став американскими фермершами, они пригласили кузена к себе, и в 1910 году тот сошел с эмигрантского парохода — без гроша в кармане, но с немалыми надеждами, как миллионы ему подобных.

Чуток покрестьянствовав, молодой начинающий фермер поступил в сельскохозяйственный колледж в Ратгерсе и уже в 1915 году защитил магистерскую диссертацию.

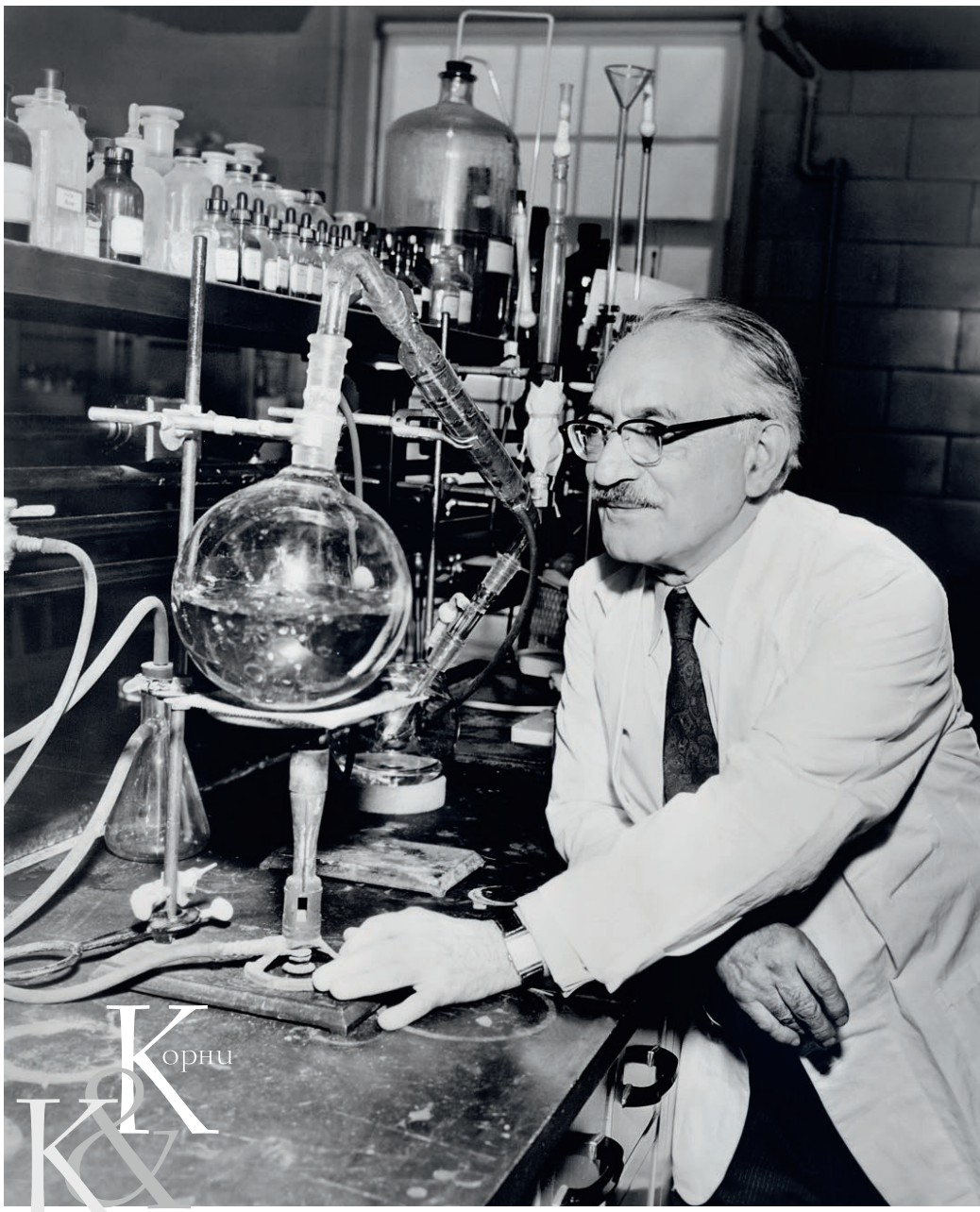
ПРИВЕЗЛИ ЛЮБОВЬ С СОБОЙ

А в 1916 году он женился, причем на своей же землячке, которая тоже эмигрировала в Америку из Новой Прилуки. Звали ее Барбара Дебора Митник, она была сестрой его лучшего друга Пейси Митника, эмигрировавшего вместе с ним (сестра приехала чуть позже).

Чтобы найти друг друга, им не надо было ехать в Америку. А если и было надо, то за чем-то другим. Похоже, что это другое они оба нашли — Барбара стала известной певицей, ее жизнь тоже сложилась счастливо и благополучно, причем не только семейная.

СПЕЦИАЛЬНОСТЬ

В 1918 году Ваксман уже доктор наук, в 1931-м — профессор (довольно стремительная научная карьера!). Уточнилась и его конкретная специализация — микробиология почвы. Потом он вспоминал, что интерес к почвоведению зародился у него еще на родине с ее знаменитыми черноземами.



Зельман Ваксман в своей лаборатории в Ратгерском университете, 1953 г.
New York World-Telegram and the Sun staff photographer. Фото Роджера Хиггинса

«Рядом с землей я решил искать ответы на многочисленные вопросы о цикличности жизни в природе, которые начали вставать передо мной» — говорил он потом.

Кстати, в 1924 году Ваксман ненадолго посетил родные места, поностальгировал чуток и уехал обратно в Америку — умный потому что… Впрочем, много ли тут надо было ума? Все близкие умерли, по селу

словно Мамай прошел — тут каждый догадается.

В процессе работы он обратил особое внимание на странные бактерии, образующие мицелий, подобный грибному, — актиномицеты. Позже они сыграют немалую роль в его научных успехах.

А пока он становится известным систематиком живой природы, дает имя ряду ботанических и микробиологических таксонов — их названия и сейчас дополняются в номенклатуре обозначением Waksman. Но это только прелюдия к его главному открытию…

ГИБЕЛЬ ПАЛОЧКИ КОХА

Толчок в правильную сторону его научным исследованиям дал заказ не очень характерной для почвоведов организации — Американской национальной ассоциации по борьбе с туберкулезом.

К туберкулезу в те времена отношение было примерно такое же, как к раку сейчас, — как к болезни крайне опасной, чаще всего приводящей к печальному исходу и ответственной минимум за двузначный процент смертей.

Тогда уже знали, что захоронения чумных больных опасны столетиями — микроб в латентном виде только и ждет, чтобы его выкопал какой-то глупый кладоискатель. А вот в могилах туберкулезников, по тогдашним данным, зараза долго таиться не могла.

Известного почвоведа попросили выяснить, почему это так и что именно в земле убивает уже открытые Кохом туберкулезные палочки, — не пригодится ли это для лечения?

НОВЫЙ КЛАСС ЛЕКАРСТВ

Все подтвердилось: палочки Коха гибли в земле очень быстро, но почему? Ваксман сделал блестящее и точное предположение — какие-то организмы, живущие в почве, выделяют вещества, которые для палочки Коха убийственны.

Он разработал методику поиска этих организмов и начал прочесывать частым гребнем всю совокупность обитающих в почве существ.

Уже известные ему актиномицеты вскоре дали первый результат — в 1940 году из них удалось получить вещество, вполне логично названное актиномицином и убивающее палочки Коха просто пачками.

Ваксман понял, что таких веществ может быть много, и заранее придумал им название — антибиотики.

Первый антибиотик, пенициллин, был уже выделен Флемингом в 1928 году, но тот и не предполагал, что это лишь одно из множества подобных веществ. А само слово *«антибиотик»* придумал винницкий уроженец…

НАЧИНАЛОСЬ С НЕУДАЧ

Актиномицином лечить не получилось — он исправно убивал не только туберкулезные палочки, но и зараженных ими морских свинок.

Через два года появился очередной антибиотик — стрептотрицин. Для него уже можно было подобрать дозу, которая приканчивала только палочки Коха, но не организм зараженного ими подопытного существа.

Но стоило чуточку ее превысить, как больная морская свинка, вместо того чтобы выздороветь, отправлялась на тот свет вслед за погибшими бактериями. Это называется «узкое терапевтическое окно» и делает применение такого лекарства малоосмысленным.

Убедившись в принципиальной правильности своей идеи, Ваксман продолжал исследование — шанс на то, что найдется антибиотик, опасный только для бактерий, явно был.

ЧИСТАЯ ПОБЕДА

Как часто бывает, он составил общий план исследований, а конкретную реализацию его частей поручил своим аспирантам. И вот один из них, Альберт Шатц, такой же потомок эмигранта из Российской империи, как и сам Ваксман, выполняя одну из стадий этого плана, получил новый антибиотик, который потом назвали стрептомицином.

Это было именно то, что надо, — микробы дохли, свинки жили. А что было уж совсем замечательно, стрептомицин прекрасно убивал именно тех микробов, на которых не действовал считавшийся в те времена почти панацеей от любой бактериальной флоры пенициллин.

Число исцеленных стрептомицином стремительно росло, а вместе с ним и слава его открывателей.

А в 1948 году они получили еще один, принципиально новый антибиотик — неомицин, который тоже быстро нашел применение в лечении бактериальных инфекций желудочно-кишечного тракта.

ПЕЧАЛЬНЫЙ ФАКТ

Но не стану умалчивать о неприятном нюансе.

Статья об открытии стрептомицина подписана и Ваксманом, и Шатцем, как основными авторами, патент на

это открытие — тоже на оба имени. А вот роялти от Фонда университета Рутгерса, которому Ваксман и Шатц передали свои авторские права, выплатили только Ваксману, причем деньги были немалые — 350 000 тогдашних долларов, сейчас это примерно четыре миллиона!

Ваксман то ли не исправил несправедливость вовремя, то ли вообще не собирался этого делать — сейчас не поймешь. Шатц мгновенно подал на него в суд (американцы в суд чуть ли не чаще подают, чем мы материмся, причем явно с большим эффектом).

КРАСИВЫЙ ФИНАЛ

Но рассказать об этом считаю правильным — пусть знают, что открытие не только слава и почет, но еще и испытание, и проблема.

Суда, собственно, не было — Ваксман и поделился гонораром, и признал роль Шатца в открытии, но личные отношения между ними уже были безнадежно испорчены.

НАГРАДА НЕ ДЛЯ ВСЕХ

В 1952 году Ваксману вручили за это открытие Нобелевскую премию, а Шатцу нет (с интересной формулировкой — «за исследования, которые привели к открытию стрептомицина» — а не за само открытие).

В результате этих противоречий в США даже были приняты нормативные акты, направленные на то, чтобы аспиранты получали должное признание и вознаграждение за свой вклад.

Немало почетных званий и наград досталось и Шатцу. А кто из них прав или хотя бы правее? И гадать не стану — они же договорились до суда, а кто я такой, чтобы эту договоренность отменять?

Далее, если забыть об этом суде, жизнь Ваксмана была успешной и радостной. На него сыпались награды, вплоть до креста Почетного легиона, он не только получал премии, в его честь учредили одну — Премию Зельмана Ваксмана за открытия в микробиологии.

Попечители Ратгерского университета даже создали специальный Институт микробиологии его имени, и на развитие этого института он сам отдал немалую часть своих гонораров — видите, совсем не жадина, что же он с Шатцем так?

Счастливой была и его семейная жизнь с супругой, добившейся немалой известности в качестве певицы, — вот только из-за подлого медведя, наступившего ему на ухо, он частенько засыпал на ее концертах, но с кем не бывает?

Умер он в 1973 году в уважении и почете.

ПАМЯТЬ

Ну, в США Ваксмана помнят, а как у нас? В 2003 году на его родине, в Новой Прилуке, открыли почетный знак в присутствии его сына, приехавшего по этому случаю из США.

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ, ЧТО САМО СЛОВО «АНТИБИОТИК» ПРИДУМАЛ УРОЖЕНЕЦ НОВОЙ ПРИЛУКИ? ВЫХОДЕЦ ИЗ УКРАИНЫ ЗЕЛЬМАН ВАКСМАН БЫЛ НАГРАЖДЕН НОБЕЛЕВСКОЙ ПРЕМИЕЙ ЗА ОТКРЫТИЕ ПЕРВОГО АНТИБИОТИКА, ЭФФЕКТИВНОГО ПРИ ЛЕЧЕНИИ ТУБЕРКУЛЕЗА, — СТРЕПТОМИЦИНА.

В 2018 году Укрпочта выпустила посвященную ему почтовую марку.

А что, в родной Виннице до сих пор нет улицы Ваксмана? Лезу в карту гугла — не нахожу. Задаю в Uber просьбу отвезти туда — требуют показать на карте, где это.

Но Сеть нашла все-таки одно объявление о продаже земельного участка — именно в Виннице, на улице Ваксмана, в микрорайоне Тяжилов!

Так что все не так безнадежно — просто мы исправляемся так быстро, что гугл за нами не успевает. Глядишь, и не опоздаем…

СЕРГЕЙ КОРОЛЕВ ИЗ ЖИТОМИРА ОТКРЫЛ ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ ПУТЬ В КОСМОС

(1907–1966)

Он родился в Житомире, и сейчас в этом городе есть его дом-музей. Существует дом-музей Сергея Королева и в Москве, где он работал в последние годы жизни. Но в Житомире его имя носит еще и Музей космонавтики — в отличие от такого же музея в Москве. Правда, близ Москвы есть город с двухсоттысячным населением, в 1996 году переименованный в его честь. В Одессе я не раз проходил мимо мемориальной доски Королеву — он здесь учился.

Учился он и в Киевском политехе, и сейчас на Музейной площади КПИ стоит памятник ему — впрочем, в мире масса таких памятников, даже в Мадриде есть!

ИЗВЕСТНЫЙ НЕИЗВЕСТНЫЙ

Но подавляющее большинство советских людей узнало о его существовании только из некролога.

Когда я мальчишкой-девятиклассником услышал его по радио, я сначала даже не понял, о ком скорбят, — в тексте не было ни слова о том, кто же такой Сергей Павлович Королев. Сообщать об этом категорически запрещалось, и в момент трансляции некролога запрет еще не успели отменить.

Это имя тщательно скрывали от враждебного Запада, где и так прекрасно его знали. Конструктор вертолетов Камов вспоминал, как в начале 60-х он прилетел в Париж на авиасалон Ле Бурже. Там его встретил старый знакомый, французский инженер Лявиль, и сразу засыпал вопросами:

«Как у вас там? Говорят, Лавочкин умер? Бедный Симон... А как дела у Сержа Королева? Как это — не знаешь кто такой? Он же у вас сейчас главный по ракетам...» А что Камов мог ему ответить?

ЭНТУЗИАСТ ПОЛЕТА

Королев заинтересовался летательными аппаратами еще в 16 лет, а в 17 уже стал автором проекта планера К-5, официально рекомендованного к постройке. Сам испытывал планеры в Коктебеле, получил диплом пилота-парителя. Спроектировал легкий самолет СК-4, на котором собирался устанавливать рекорд дальности.

Но по-настоящему он нашел себя в созданной по инициативе одного из «отцов космонавтики» Фридриха Цандера ГИРД — Группе изучения ракетного движения (ее участники, поначалу работающие сугубо на энтузиазме, называли эту организацию Группой Инженеров, Работающих Даром).

Уже 17 августа 1933 года первая ракета ГИРД успешно взлетела, и груп-

Юрий Гагарин и Сергей Королев, май 1961. Фото ТАСС

пу сразу взяло под крыло военное ведомство, сгоряча присвоив Королеву генеральское звание дивизионного инженера — и это в 26 лет! Работа шла успешно, новые проекты уже дошли до испытаний… И тут 27 июня 1938 года все кончилось — по дате легко догадаться, как…

ВРАГ НАРОДА

Королева арестовали вместе с создателями «Катюши» Клейменовым и Лангемаком, автором ракетных двигателей, на которых взлетел Гагарин, Глушко — «за ослабление оборонной мощи страны». Похоже, что автором доносов на них был человек, присвоивший славу Клейменова и Лангемака, — прямых доказательств нет, но косвенных, увы, слишком много…

Королева не просто били и пытали — его убили. Правда, он умер через много лет, но дальше станет ясно, почему я употребил именно это слово. Приговор был относительно мягкий для человека, включенного в списки по первой, расстрельной, категории, — всего 10 лет лагерей. Начинал он свою зэковскую жизнь «на общих работах», с кайлом в золотых шахтах Магадана.

Мать хлопотала о пересмотре его дела, но чуть при этом не погубила — его приказали отправить в Москву на пересмотр дела, но он заболел и не успел на последний в эту

навигацию пароход «Индигирка». Пароход затонул в шторм, не спасся ни один человек.

А срок после пересмотра уменьшили до восьми лет, благодетели… Зато махать кайлом ему больше не пришлось — решили использовать его по специальности.

РАБОТА ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ

Заключенный Королев был направлен в «шарагу» — НИИ за колючей проволокой — создавать новые самолеты вместе с заключенным Туполевым, заключенным Петляковым и другими подобными им преступниками, конструкторами не меньшего ранга. Товарищи по несчастью вспоминают его как крайнего скептика, циника и пессимиста с любимой фразой «Хлопнут без некролога».

Позже, встречаясь с сослуживцами на своей номенклатурной даче, которую охраняли такие же вертухаи, как и в «шараге», он признавался, что порой ему мерещилось, как его раболепный охранник врывается к нему ночью со словами: «А ну, падла, собирайся с вещами!»

Однако плохо работать Королев не умел нигде, и в 1944 году он был освобожден — со снятием судимости, но без реабилитации, просто за успехи в создании военной техники.

Реабилитируют его только в апреле 1957 года, примерно за полгода до запуска первого спутника. За отсутствием события преступления. Не было его — и все тут! А Колыма и «шарага» — были…

СПУТНИКИ И РАКЕТЫ

После войны он работает над ракетами, создает Р-5М — первую советскую ракету с ядерным боезарядом, потом межконтинентальную Р-7.

Но в 1955 году правительство одобрило его совместное с Келдышем и Тихонравовым предложение о создании искусственного спутника, и он справился с этой задачей за два года.

Все эскизы первого спутника он забраковал — «Не годится, потому что некруглый». Сопротивления воздуха в космосе нет — какая разница? А вот и есть — попробуйте теперь представить первый спутник некруглым. Не получится!

СТРОГИЙ НАЧАЛЬНИК

Сотрудники называли его «Эс Пэ», по инициалам — почти как «Северный полюс». Наверное, из-за суровости — его разносы вошли в легенду, всевозможные «объявляю выговор», «увольняю», «по шпалам — в Москву» из него так и сыпались.

Но есть и другая сторона этого. Его резкость так же часто направлялась на начальство, как и на подчиненных.

Он прекрасно умел закруглить скандал и извиниться, когда действительно был виноват, дружелюбно сказать: «Здорово я тебя? То-то. Ну ладно, работай…», а у начальника на голубом глазу поинтересоваться: «Это ничего, что я вас покритиковал?»

Подробно описавший Королева его сотрудник Марк Галлай заканчивает обзор противоречивых мнений о нем словами еще одного их коллеги: «А вообще-то жаль, нет на него Шекспира…» Может, еще будет?

А что касается его жесткости, то встречал я и мнение, что после его кончины освоение космоса стало идти более медленными темпами еще и потому, что сменивший его на должности главного конструктора был человек обаятельный и воспитанный…

ТОЧНЫЕ РЕШЕНИЯ

Зато, когда надо было решать, он брал это на себя. Когда начинали строить аппарат, спускающийся на Луну, были опасения — не утонет ли он в лунной пыли?

Легенда гласит, что Королев, выслушав это, сказал: «Ах, вот что вам не хватает…» и написал на листе бумаги: «Луна — твердая». Подпись, дата.

На самом деле его записка была чуть подробнее, но суть именно в этом — он принял решение, причем правильное. Свои решения он умел и обосновывать.

Когда из-за излишнего веса решали, снять ли с лунника установку, которая должна была заметить признаки жизни на Луне, если есть таковые, Королев просто велел вывезти эту установку в степь, включить и оставить на пару недель.

Позже она показала, что на Земле жизни нет, и уже никто не стал оспаривать ее снятие.

ОТСРОЧЕННОЕ УБИЙСТВО

Когда в начале 1966 года он собрался лечь в больницу на пару недель — утихомирить беспокоящий его геморрой — никто не ожидал беды. Но при операции нашли злокачественную опухоль, которую решили немедленно вырезать.

Однако дать ему общий наркоз оказалось неожиданно трудно — мешали сломанные когда-то челюсти. Трубку в трахею ввели неправильно, и Королев скончался прямо на столе.

Когда-то он писал: «...следователи Шестаков и Быков подвергли меня физическим репрессиям и издевательствам...» Рассказавший это Ярослав Голованов пишет, что и он не может доказать, что они сломали Королеву челюсть, что даже просто толкнули — и то нельзя, он может лишь попытаться увидеть...

Ладно, скажу более обтекаемо: кто сломал Королеву челюсть, тот его и убил. Будете возражать?

ПАМЯТЬ НА ЗЕМЛЕ

А помнить Королева будут всегда. Памятники ему установлены и в Москве, и в родном Житомире, и в Самаре, и в Чебоксарах, о Мадриде я уже сказал, и еще в куче мест. В городе его имени, Королеве, рядом стоят памятники ему и Гагарину — есть и еще такие места.

Проспектов Королева — минимум шесть, улиц Королева — два десятка с лишком, улиц Академика Королева — немногим меньше, суммарно более сорока.

Филателисты не нарадуются — Королеву посвящены семь советских марок, российская, казахская и три украинских. Плюс спецгашение к его 80-летию. Плюс сувенирные монеты — и два российских рубля, и две украинские гривны. Медали имени Королева присуждает и РАН (до 1991 года — АН СССР), и Роскосмос.

В его честь названы три школы, два университета, научно-исследовательский корабль и житомирский военный институт, и прочая, и прочая, и прочая... Всего не перечислить все равно.

ПАМЯТЬ В КОСМОСЕ

И не только Земля хранит эту память — его имя носит и астероид, и кратер на обратной стороне Луны, и кратер на Марсе. Долетят до Венеры, Меркурия и других планет — тоже назовут там что-то в его честь. Я в этом просто уверен.

В принципе, если кто-то этому не верит (вдруг такие найдутся), могу свою уверенность и подкрепить.

Лидер всепланетного стремления к Марсу, собирающийся добраться туда до 2025 года, поставивший задачу снизить затраты на космические полеты в 10 раз и успешно продвигающийся к этой цели, сейчас кто? Правильно: Илон Маск. Это совершенно серьезно и сомнению практически не подлежит.

Так вот, недавно он вышел на контакт с внуком Королева — захотел пообщаться — и не забыл назвать Сергея Павловича одним из лучших.

ПАМЯТЬ НА РОДИНЕ

Написав об этом в Твиттере, он транскрибировал его фамилию с украинского варианта — Корольов. Почему нет? Он появился на свет в Житомире, и память о нем там бережно хранят.

Напротив дома, где он родился и рос, — Музей космонавтики, носящий его имя. Прекрасный, с поразительными экспонатами, совершенно не хуже американского Авиакосмического музея, расположенного в Вашингтоне между зданием Конгресса и Белым домом.

А рядом — бережно сохраненная, где можно, и воссозданная в остальном квартира, в которой Королев родился и провел свои детские годы.

Найдите возможность там побывать — все равно всю полноту впечатлений от этого чудесного места я не передам. Это надо ощутить самому.

ИЛОН МАСК, ЛИДЕР ВСЕПЛАНЕТНОГО СТРЕМЛЕНИЯ К МАРСУ, СОБИРАЮЩИЙСЯ ДОБРАТЬСЯ ТУДА ДО 2025 ГОДА, НЕДАВНО ВЫШЕЛ НА КОНТАКТ С ВНУКОМ КОРОЛЕВА — ЗАХОТЕЛ ПООБЩАТЬСЯ — И НЕ ЗАБЫЛ НАЗВАТЬ СЕРГЕЯ КОРОЛЕВА ОДНИМ ИЗ СВОИХ КУМИРОВ.

СЕРЖ ЛИФАРЬ ИЗ КИЕВА — ЛЕГЕНДА МИРОВОГО БАЛЕТА

(1905–1986)

Откуда вообще берутся фамилии — дело забавное. Чехов, например, писал: «Нет такого предмета, который не подошел бы еврею для фамилии». Но куда еврейским фамилиям до таких запорожских шедевров, как Попсуйшапка, Скачистрибайло, Незовибатько, Умочиказан или Убийсобака? Даже юмором это назвать трудно — злая насмешка здесь самое обычное дело. В «Реестре запорожского войска» 1756 года вам попадется и Сергей Рострипа, и Панас Рябый, и Василь Нудьга, и Кузьма Глыста, и Лазир Видьма — как вам глянется такая компания?

А уж если фамилия происходит от профессии, то должно уж очень повезти, чтобы это было что-то безобидное, вроде Коваль, Музыка или Танцюра. Вот если профессия презренная и неуважаемая, за принадлежность к которой в Нидерландах еще в 1657 году к причастию не допускали, — тогда она для казачьей фамилии более чем годится.

ДЕТСТВО БЕЗ ТАНЦЕВ

Вот только кто бы поверил, что такая недостойная украинская фамилия станет одним из ключевых понятий такого высокого искусства, как французский балет? Правда, не в своем химически чистом виде Лихваренко или просто Лихвар — уже отец нашего героя стал называться Лифарем, поди еще догадайся, что это от ростовщика, на какое-то французское слово похоже. Но про балет все равно удивительно — вроде бы все считают, что для успеха в этом жанре надо заниматься с раннего детства, а мальчик Сережа, родившийся 20 марта 1905 года в семье помощника лесничего Михаила Лифаря, как минимум до четырнадцати лет о балете представления не имел.

Казачьим прошлым рода действительно интересовался — позже вспоминал, как, гостя у деда в Каневе, с интересом изучал пожелтевшие грамоты, полученные его предками от гетманов. А к танцам очень долго — буквально никакого отношения. Вот музыку любил, даже пел в церковном хоре Софийского собора. Но, играя на скрипке, не очень-то потанцуешь. Да и времена к танцам не очень располагали…

ДАЛЕКО ЛИ ДО ПАРИЖА?

Все изменил его приход в студию «Школа движения» Брониславы Нижинской, сестры выдающегося танцовщика, звезды дягилевских «Русских сезонов» в Париже Вацлава Нижинского, тоже родившегося в Киеве.

Поначалу Нижинская считала Лифаря совершенно бесперспективным,

Серж Лифарь, 1934 г. Буэнос-Айрес, Аргентина. Фото из коллекции Лиллан Алефельд-Лаурвиг

но его работоспособность, упорство и любовь к балету изменили ее мнение.

Тем не менее, когда Нижинская, уже перебравшись в Париж, пригласила туда для работы с самим Дягилевым пять своих лучших учеников, Лифарь в их число не вошел. Помог случай — один из отобранных отказался, освободив для него место. Было понятно, что в 1922 году любой бы с удовольствием перебрался из Киева в Париж.

Другой вопрос — как это сделать и получится ли это вообще.Чтобы вообще пересечь границу в 1922 году, требовалось огромное везение. Сергея ограбили, арестовали, четыре дня продержали в тюрьме *(сказать «сидел в тюрьме» было бы неправдой, в набитой камере было невозможно ни присесть, ни прилечь — все стояли)*.

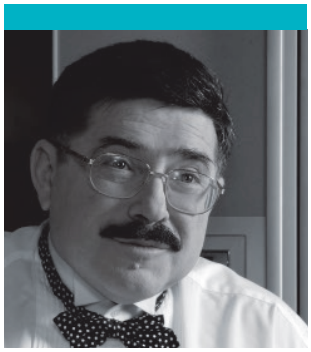
Он чудом бежал, чтобы не попасться снова в руки красноармейцев, спрыгнул с поезда на обледеневшую насыпь и еле унес ноги через заснеженный приграничный лес. Его ограбили и избили местные бандиты, не было ни билета, ни денег на него, но он попал на поезд — вцепился в поручень последнего вагона и провисел на нем все пять часов пути до Варшавы. Две недели он как-то просуществовал в Варшаве без жилья и денег, но за это время Дягилев прислал ему деньги на дорогу в Париж.

Вот такое получилось путешествие в один конец...

ЗВЕЗДЫ СЕРГЕЯ ДЯГИЛЕВА

Вновь прибывших танцоров показали Сергею Дягилеву. Многие из описавших эту сцену сходятся на одном: Дягилев выбирал замену Вацлаву Нижинскому. Что они имеют при этом в виду — вопрос интересный. Вацлав Нижинский был звездой дягилевских «Русских сезонов», прекрасным творческим партнером Дягилева — только творческим? Нет, разумеется, — интимным не в меньшей мере.

Дягилев придерживался нетрадиционной сексуальной ориентации, того же Нижинского не только жарко любил, но и жестоко ревновал. Когда Нижинский осмелился жениться на венгерской аристократке Ромоле де Пульски,



Борис Бурда
журналист и телеведущий, писатель, бард. Легендарный игрок интеллектуальной игры «Что? Где? Когда?», обладатель «Бриллиантовой совы»

ВОСХОДЯЩАЯ ЗВЕЗДА

Он практически сразу становится премьером дягилевского «Русского балета», исполняет в его спектаклях несколько главных партий. Их успех был настолько несомненным, что когда после смерти Дягилева его антреприза распалась, Лифарь поставил в Гранд-Опера балет «Творение Прометея», причем сделал это настолько блестяще, что ему сразу же предложили всего-навсего возглавить балетную труппу театра.

До Лифаря в Париже вообще исчез балет как отдельный спектакль — балеты показывали после оперных представлений, в качестве дополнительного развлечения. Лифарь позже писал:

НА ВРУЧЕНИИ ОРДЕНА ПОЧЕТНОГО ЛЕГИОНА ШАРЛЬ ДЕ ГОЛЛЬ СКАЗАЛ ЕМУ: «ВЫ СТОЛЬКО СДЕЛАЛИ ДЛЯ ФРАНЦИИ, СКОЛЬКО МАЛО КТО ИЗ ЗНАМЕНИТЫХ ФРАНЦУЗОВ. НЕ ПОРА ЛИ СТАТЬ ФРАНЦУЗОМ И ПО ПАСПОРТУ?» ЛИФАРЬ ОТВЕТИЛ: «СЕРДЕЧНО БЛАГОДАРЕН, МСЬЕ ПРЕЗИДЕНТ, ЗА ВАШЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ. НО Я НИКОГДА НЕ БЫЛ И НЕ БУДУ ФРАНЦУЗОМ — Я УКРАИНЕЦ».

Дягилев немедленно вышвырнул его из своей труппы и пару лет не поддерживал с ним никаких отношений.

Лифарь опасался чего-то подобного и поначалу держался с Дягилевым осторожно, но Дягилев сумел добиться от него взаимности. Они оставались вместе всю жизнь (не только вдвоем, были у Дягилева и другие симпатии, но это мало кого беспокоило). Лифарь ухаживал за Дягилевым во время его предсмертной болезни, и он умер у Лифаря на руках. Меняет ли это мое отношение к их творчеству?

К Дягилеву — может быть, немножко и меняет. Не только Нижинского, но и другого замечательного танцора, Мясина, он после разрыва личных отношений выгнал из всех своих проектов, а это уже точно злоупотребление служебным положением. Что же до Лифаря — лишь бы ему нравилось. Не наше это, сами понимаете какое, дело.

«В Парижской опере танец умирал, напоминая Спящую красавицу. Мне выпала честь оказаться ее волшебным Принцем. Я горд тем. Могу сказать без обиняков: дом развлечений я превратил в храм». Сенсацией стал поставленный Лифарем в 1935 году балет Артюра Онеггера «Икар». После него Лифарь получил звание «этуаль» *(«звезда»)* — первого танцовщика Гранд-Опера (раньше этого звания удостаивались только балерины-дамы).

ПРЕВРАТНОСТИ ВОЙНЫ

После поражения Франции в 1940 году Лифарь остался в Париже, и городские власти предложили именно ему возглавить Гранд-Опера в оккупированном городе. Как бы человек себя на таком посту ни вел — всем он не понравится. И Гитлера со свитой пришлось встречать, когда он осматривал достопримечательности захваченного Парижа, и на личном самолете Геринга в Берлин летал — там балеты ставить, и с Геббельсом вопросы организации зрелищ в «новой Европе» обсуждал...

От личной беседы с Гитлером Лифарь, правда, уклонился, Геббельсу портрет Вагнера работы Ренуара, несмотря на его требование, не отдал, театр, как мог, берег от разрушения, выполняя там работу не только директора, но и консьержа, и электрика, и курьера, и рабочего сцены... Продолжал много ставить, в том числе знаменитый балет «Ромео и Джульетта» и один из своих шедевров — «Сюиту в белом». Как это теперь оценить? Тогда поначалу оценили очень жестко — французское движение Сопротивления в Лондоне приговорило его к смертной казни. Дожидаться ее он не стал, бежал из Парижа — но куда? В Монако — формально другое государство, но такое, в котором Франция что хочет, то и делает, а в монакской армии людей меньше, чем в монакском военном оркестре! Ставил там балеты три года и ждал, чем это кончится.

А в 1947 году национальный французский комитет по вопросам «чистки» рассмотрел его дело и оправдал по всем позициям, полностью, даже официальные извинения принес. Лифарь вернулся в Париж, на свое рабочее место в Гранд-Опера, и никто его не преследовал. И мы, пожалуй, не будем — им там виднее. Или как?

ЗАВЕРШЕНИЕ КАРЬЕРЫ

В Гранд-Опера Лифарь проработал еще 11 лет, доведя счет поставленных там им лично балетов до двухсот. Его удостоили множества наград, в том числе и ордена Почетного легиона. На его вручении большой поклонник Лифаря Шарль де Голль сказал ему: «Вы столько сделали для Франции, сколько мало кто из знаменитых французов. Не пора ли стать французом и по паспорту?»

Лифарь ответил: «Сердечно благодарен, мсье президент, за ваше предложение. Но я никогда не был и не буду французом — я украинец». Так он и остался жить со своим нансеновским паспортом — документом полулегального эмигранта.

В 1958 году Гранд-Опера выезжал на гастроли в СССР, и Лифарь не получил визы — сослались на ошибку в заполнении документов. Он возмутился и подал заявление об отставке со всех постов в Гранд-Опера, и это заявление приняли — похоже, кое-кого в театре это даже обрадовало.

Он хотел вернуться, но помочь ему не смог даже де Голль, его верный поклонник. Говорил он об этом относительно спокойно: «Я никогда не мщу. Моя месть — мои достижения».

Занятий и после отставки у него хватало. Он читал лекции по истории танца в Сорбонне, был ректором Университета танца в Париже и почетным президентом Национального совета танца при ЮНЕСКО.

СЧАСТЛИВЫЙ КОНЕЦ

А в 1959 году Лифарь наконец-то женился! Его избранницей стала шведская графиня Лиллан Алефельд-Лаурвиг, давняя его поклонница. С ней он благополучно и счастливо прожил 27 лет — до самой смерти. Лучше поздно, чем никогда!

Это касалось и возвращения в родные места — в 1961 году он был почетным гостем Первого международного конкурса молодых артистов балета в Москве и смог инкогнито приехать в Киев, побывать на могилах родителей на Байковом кладбище и встретиться с родными. Но это было в первый и в последний раз…

Он скончался в Лозанне в 1986 году, а похоронен был на знаменитом кладбище русской эмиграции в Сент-Женевьев-де-Буа. На его могиле, вроде бы по его собственному желанию, написали только четыре слова — «Serge Lifar de Kiev».

ОТ МОНЕТЫ ДО ТРАМВАЯ

Память великого танцора и балетмейстера увековечена многократно. В Украине выпустили посвященную ему марку и памятную монету.

Его супруга подарила украинским музеям 817 предметов из его коллекции, в том числе орден Почетного легиона, «Золотую туфельку», украшенную бриллиантами, пуант Анны Павловой, работы Шагала и Пикассо, чемоданчик Сергея Дягилева, бюст Лифаря, созданный скульптором Бельмондо, отцом кинозвезды, — все это можно увидеть в киевских музеях.

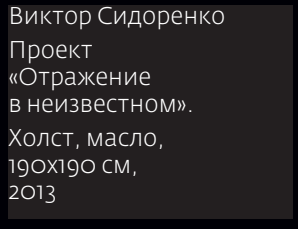
Мемориальные доски украшают дом в Париже, в котором он жил, и здание киевской Восьмой гимназии, в которой он учился. Его имя носит академия танца в Киеве, киевская улица и даже станция скоростного трамвая — это почесть уникальная, никто из героев моей рубрики, о которых я уже писал, ее не был удостоен!

О, сколько нам открытий чудных готовит просвещенья дух…

Глава I

Философия

мысль без пределов



Виктор Сидоренко
Проект
«Отражение
в неизвестном».
Холст, масло,
190x190 см,
2013

ВСЕМИРНАЯ ПЕРЕЗАГРУЗКА: НАСКОЛЬКО «ДИВНЫМ» БУДЕТ НОВЫЙ МИР?

редакция Huxley
по материалам книги COVID-19: The Great Reset

Авторы: Клаус Шваб

немецкий экономист, основатель и бессменный президент Всемирного экономического форума в Давосе

Тьерри Маллере

французский экономист, издатель аналитического журнала «Ежемесячный барометр»

Говорят, однажды Зигмунд Фрейд вынужден был признать, что сигара в руке курильщика — это всего лишь сигара, а не фаллический символ.

Нечто похожее происходит и с книгой COVID-19: The Great Reset, название которой переводят как «Великая перезагрузка» или, что, вероятно, даже точнее, как «Великий сброс», «Великое обнуление». Одни называют ее книгой года. Другие — скандалом года, откровением «мировой закулисы» и связывают с ней различные теории заговоров.

В любом случае, следуя примеру Фрейда, давайте для начала будем считать COVID-19: The Great Reset всего лишь книгой, хотя и знаковой для всего человечества и поэтому обязательной к прочтению.

Попробуем, не вдаваясь в крайности интерпретаций, разобраться, о чем все-таки нам хотели рассказать ее авторы — основатель Всемирного экономического форума в Давосе Клаус Шваб и издатель аналитического журнала «Ежемесячный барометр» Тьерри Маллере. Альманах Huxleў предлагает вам самим сделать выводы, ознакомившись с тезисной «выжимкой» из весьма насыщенной цифрами и смыслами книги.

МИР НИКОГДА НЕ БУДЕТ ПРЕЖНИМ

Мировой кризис не имеет аналогов в современной истории. Это кризис «библейских» масштабов. Мир, каким он был до коронавируса, больше не существует и к «докоронакризисной норме» больше никогда не вернется. Изменения, формирующие «новую нормальность» будут радикальны, нелинейны и скачкообразны. Они будут происходить неожиданно и быстро.

На протяжении истории человечества пандемии всегда были источником радикальных социально-экономических изменений. Подпитывая разного рода фобии и массовую истерию, эпидемии травматичны по своей природе. И меры по их сдерживанию всегда являлись частью политического арсенала.

Поэтому нет ничего нового ни в ограничениях, связанных с COVID-19, ни в том, что действия властей, которые пытаются защитить нас, часто воспринимаются как акты угнетения.

В отличие от эпидемий прошлого, таких как чума или оспа, COVID-19 не представляет новой экзистенциальной угрозы. Он не приведет к массовому голоду, миграциям, войнам, сменам

режимов или истреблению людей. Однако масштаб трансформационного шока от коронакризиса вполне может быть сравним со Второй мировой войной. Сегодняшний мир намного более взаимосвязан и взаимозависим, чем мир прошлого, поэтому влияние пандемии выходит далеко за рамки статистики, относящейся к «просто» смерти, безработице и банкротствам.

ВООБРАЖАЯ НЕМЫСЛИМОЕ

С одной стороны, пандемия ускорит системные изменения, которые были очевидны до кризиса:

частичное «отступление» от глобализации, рост напряженности между США и Китаем, ускорение автоматизации, фобии, связанные с контролем над обществом, запрос на политику социального благополучия, рост национализма, массовые миграции, усиление влияния новых технологий и интернета.

С другой стороны, пандемия может спровоцировать изменения, которые ранее казались немыслимыми:

новые формы денежно-кредитной политики (например, «вертолетные «деньги»), пересмотр социальных приоритетов и политических целей (общее благо, справедливость), новые подходы к социальному обеспечению и налогообложению, а также радикальные геополитические преобразования.

Возможности, которые нам предоставит «новый порядок», ограничены только нашим воображением. Мы должны воспользоваться этим беспрецедентным шансом, чтобы переосмыслить наш мир, предложить идеи того, как может выглядеть постпандемический мир. Книга COVID-19: The Great Reset — попытка определить наиболее желательные и устойчивые формы нового мира.

МАКРОПЕРЕЗАГРУЗКА

Макроперезагрузка произойдет в контексте трех определяющих характеристик современного мира:

1. Взаимозависимость

Мир «гиперсвязан» — это побочный эффект глобализации и технического прогресса. Кишору Махбубани, академику и дипломату из Сингапура, принадлежит следующая метафора. Представим, что 7 миллиардов человек, населяющих планету Земля, больше не живут в 193 отдельных лодках (странах). Теперь это 193 отдельных каюты на зараженном вирусом круизном лайнере. Вопрос: должен ли каждый из них убирать только личные каюты, игнорируя коридоры и вентиляционные колодцы снаружи, по которым распространяется вирус? Ответ однозначен: человечество должно заботиться о глобальной лодке в целом.

Во взаимозависимом мире изолированных рисков — экономического, геополитического, социального или экологического характера — не существует. Риски провоцируют и усиливают друг друга, производя «каскадные эффекты». Риск инфекционных заболеваний будет неизбежно влиять на другие риски, такие как неэффективность глобального управления, социальная нестабильность, безработица, финансовые кризисы, вынужденная миграция и др. Взаимозависимость сводит на нет «разрозненное мышление».

2. Скорость

Благодаря интернету в современном мире все движется намного быстрее, чем раньше. Сегодня «интернет вещей» соединяет 22 млрд устройств в режиме реального времени, а к 2030 году их число достигнет 50 млрд. Чем общество богаче, тем больше оно ощущает дефицит времени. Исследования показали, что люди в богатых городах всегда ходят быстрее, чем в бедных, — они не могут позволить себе временные потери. Наша культура настолько одержима скоростью, что некоторые эксперты говорят о «диктатуре срочности». Избиратели и потребители становятся нетерпеливыми, не оставляя руководителям время на принятие решений. Их потребность в стратегической перспективе находится под давлением требования немедленных решений. «Срок годности» политика, управленца, продукта, идеи или проекта сокращается резко и непредсказуемо. По данным Microsoft, веб-сайту достаточно замедлиться на четверть секунды, чтобы проиграть в конкурентной борьбе. Пандемия COVID-19 охватила большую часть мира с такой ошеломляющей скоростью, что государства и система здравоохранения оказались к ней не готовы. Наша когнитивная сфера страдает от «экспоненциальной близорукости». Психологи установили, что когда нам нужно предсказать экспоненциальный процесс, мы недооцениваем его в 10 раз. В одном из романов Эрнеста Хемингуэя герои ведут такой диалог: «Как ты стал банкротом?» — спросил Билл. «Двумя способами, — сказал Майк. — Постепенно, а затем внезапно». То же самое происходит и с нашим миром: сначала он меняется постепенно, а затем весь сразу.

3. Сложность

Поведение сложных систем непредсказуемо, потому что мы плохо различаем причинно-следственные связи между их элементами. Чем сложнее система, тем больше вероятность, что что-то может пойти не так. Есть три фактора сложности — количество элементов в системе, характер взаимосвязи между ними и наличие нелинейных элементов. О последних мы слышим, когда речь заходит о «черных лебедях», «известных неизвестных» или «эффектах бабочек». Поэтому неудивительно, что мы часто ассоциируем сложность мира с «сюрпризами», «турбулентностью» и «неопределенностью».

Пандемия — это сложная адаптивная система взаимозависимости и взаимосвязей, которая больше, чем сумма ее частей. Она провоцирует множество «черных лебедей» через эффекты второго, третьего, четвертого и более порядков. Сами по себе они предсказуемы, но вместе с другими рисками создают идеальный шторм, который застает врасплох. Сложность ограничивает наше знание и понимание вещей. По сути, пандемия погрузила нас в квантовый мир — нелинейный, неопределенный, взаимосвязанный, меняющийся в зависимости от позиции наблюдателя.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПЕРЕЗАГРУЗКА

Экономика COVID-19

Современная экономика радикально отличается от экономики, существовавшей всего несколько десятилетий назад, не говоря уже о минувших столетиях. Глобальная экономическая катастрофа, с которой мы сейчас сталкиваемся, является самой серьезной из зарегистрированных с 1945 года. Скорость, с которой она протекает, не имеет аналогов в истории. История эпидемий прошлых веков говорит нам об экономической аберрации — значительных противоречиях между интересами общественного здравоохранения и интересами экономики. Макроэкономические последствия могут сохраняться в течение 40 лет, существенно снижая реальные доходы и деловую активность. Почему с COVID-19 должно быть иначе?

Хотя есть и серьезное отличие. После эпидемий прошлого, таких, например, как чума XIV века, уничтожившая 40% населения Европы, заработные платы росли и условия труда улучшались. Но в случае с COVID-19 нет уверенности, что рабочая сила преодолеет сопротивление капитала — технологии изменили баланс сил.

Неопределенность

COVID-19 — мастер маскировки, проявляющийся в разнообразных симптомах, которые сбивают с толку медицинское сообщество. Высокая степень неопределенности затрудняет точную оценку риска, который он представляет. Это тормозит разработку адекватной экономической стратегии и стратегии здравоохранения.

По какому бы из трех базовых сценариев («пики и спады», «вторая большая волна» и последующий спад, «медленное затухание») ни развивалась пандемия, активность COVID-19 до 2022 года будет значительной. Следовательно, полноценное восстановление экономики раньше этого времени не начнется.

Жертвовать жизнями ради роста — это ошибка

Спасать жизни или спасать экономику — ложная дилемма. Согласно исследованию Имперского колледжа Лондона, ограничения, введенные в марте 2020 года, предотвратили 3,1 миллиона смертей в 11 европейских странах. Компромисса между здоровьем и экономикой не существует. Ослабление ограничений и правил социального дистанцирования приводит к тому, что еще больше людей заражается и не участвует в работе компаний. Кроме того, многие боятся выходить на работу из страха заразиться. Возврат к потребительской и инвестиционной «нормальности» произойдет только тогда, когда придет уверенность, что пандемия уже позади.

Рост и занятость

Во время Великой депрессии 1930-х годов и кризиса 2008 года потребовалось несколько лет, чтобы ВВП сократился на 10%, а безработица превысила 10%. В условиях пандемии резкий рост безработицы и резкое падение ВВП произошли в марте 2020 года всего за три недели. Никогда раньше экономический коллапс не протекал такими сверхбыстрыми темпами. Продолжительность и сила воздействия спада на рост ВВП и занятость зависят от многих факторов и до конца не ясны.

Экономический рост

Сбой в функционировании мировой экономики привел к тому, что государства стали прибегать к разным формам самоизоляции, сокращая национальное и мировое потребление и производство. Последствия этих решений были весьма драматичными, потому что они касались, прежде всего, сферы услуг — самого крупного сектора в любой развитой экономике (около 70% ВВП и более 80% занятости в США). За банкротствами и потерей рабочих мест в этой сфере может последовать мировой коллапс потребительского спроса и бизнес-инвестиций, увеличение превентивных сбережений населения и миграция капиталов.

Занятость

Пандемия сталкивает экономику с кризисом рынка труда гигантских размеров. Всего за два месяца, март и апрель 2020 года, более 36 миллионов американцев потеряли работу, что перечеркнуло десятилетний прирост рабочих мест. Согласно прогнозам, безработица в США в ближайшее время может достичь 25% — уровень, сравнимый с Великой депрессией. В глобальном масштабе для полного восстановления рынка труда могут потребоваться десятилетия. Наиболее мрачной ситуация выглядит для двух категорий людей: молодежи, которая пытается найти свое место на рынке труда, и работников, которые могут быть заменены роботами. Рынок труда будет становиться все более поляризованным. На одном полюсе — высокооплачиваемая работа для избранных, на другом — исчезновение множества рабочих мест и низкооплачиваемый труд. При этом мы можем стать свидетелями

глобального инновационного взрыва в сотнях тысяч новых микроотраслей.

Как может выглядеть будущий рост

Новая экономическая «норма» может характеризоваться крайне низкими темпами роста. Восстановление допандемического уровня ВВП у большинства стран может занять многие годы. В таких условиях «тирания роста ВВП» неоправданна. «Одержимость ВВП» не гарантирует улучшения уровня жизни и социального благополучия. Поэтому мы должны изменить мировоззрение и перейти к «бюджету благополучия». В цифровой экономике все больше возрастает разрыв между измеряемой и реальной экономической активностью.

Модель развития, ориентированная на производство, с наступлением Четвертой промышленной революции становится неактуальной. Новая модель экономического мониторинга, *во-первых*, должна учитывать ценности, создаваемые за счет неоплачиваемого труда (например, труда домохозяйки) и уничтоженные в результате бурного роста некоторых видов экономической деятельности. *Во-вторых*, нам потребуется понимание реального распределения экономической выгоды, систематический учет динамики неравенства. *В-третьих*, необходимо лучше измерять и контролировать устойчивость экономики по разным параметрам: институты, инфраструктура, финансовый, природный, социальный капитал, инновационные экосистемы и т.д. Отраслями, которые могут предложить среду, способную повысить инклюзивный и устойчивый динамизм, могут стать такие отрасли, как **Зеленая экономика** (зеленая энергетика, экотуризм, экономика замкнутого цикла), **Социальная экономика** (уход за детьми и пожилыми людьми, образование, здравоохранение).

В мае 2020 года более 1100 экспертов мира опубликовали манифест, предлагающий стратегию сокращения роста с целью выхода из экономического и гуманитарного кризисов. Концепция нулевого или даже отрицательного роста ради устойчивого развития предполагает новые модели потребительского поведения, где нормой становится добровольное ограничение потребления в некоторых нишевых сегментах. Например, снижение потребления мяса или уменьшение числа авиарейсов. Однако стоит остерегаться чрезмерного увлечения «неростом», так же, как и ничем не ограниченным стремлением к росту.

Дефляция или инфляция?

Необходимо определить опасный для экономики уровень как инфляции, так и дефляции. Потому что с дефляцией связаны коллапс рынка труда и падение цен на сырье, а инфляция ведет к постоянному бюджетному дефициту и потенциально может перерасти в гиперинфляцию. Износ инфраструктуры, устаревшие технологии, высокий уровень безработицы и низкие доходы населения на протяжении многих лет будут ограничивать потребительский спрос и увеличивать сбережения граждан. Эти факторы будут сдерживать инфляцию. Богатые страны ожидает «японизация» экономики. Напомним, что для Японии последних десятилетий был характерен структурно слабый спрос, очень низкая инфляция и мизерные процентные ставки.

Судьба доллара США

Многие аналитики считают, что пандемия станет катализатором процессов, которые положат конец господству доллара как глобального валютного резерва. По их мнению, неприемлемый уровень долга в конечном итоге достигнет порога, за которым неамериканские инвесторы не захотят его финансировать. Кроме того, эксперты указывают на несовместимость статуса доллара как глобальной резервной валюты с растущим экономическим национализмом внутри США. Скептики подчеркивают, что использование американской администрацией доллара в качестве геополитического оружия неизбежно будет подталкивать держателей этой валюты к поиску альтернатив. Хотя, надо признать, в обозримом будущем жизнеспособных альтернатив у доллара все же нет — юань, евро или виртуальные валюты в силу многих причин на эту роль пока не годятся. Поэтому судьба доллара США будет зависеть исключительно от того, что будет происходить в самих США, от их геополитики, доверия к американской экономике и привлекательности американской социальной модели.

СОЦИАЛЬНАЯ ПЕРЕЗАГРУЗКА

Социальные потрясения, вызванные COVID-19, могут продолжаться еще долгие годы. Негодование масс будет направлено на те правительства, которые не смогли организовать адекватный ответ на вызов пандемии. Постпандемическая эра откроет период массового перераспределения доходов от богатых к бедным и от капитала к труду. COVID-19, скорее всего, похоронит неолиберализм, отдававший предпочтение конкуренции, а не солидарности, созидательному разрушению, а не вмешательству правительства, экономическому росту, а не социальному благополучию. Неслучайно две страны, которые в последние несколько лет с наибольшим рвением придерживались политики неолиберализма, — США и Великобритания — относятся к числу тех, кто пострадал во время пандемии больше всего.

Неравенство

COVID-19 — это не «великий уравнитель». Наоборот, он обнажил существовавшее и раньше «великое нера-

венство», усугубил различия в уровне доходов и возможностей.

Высшие и средние классы имели возможность удаленно работать и обучать своих детей самостоятельно, не выходя из дома, в то время как представители рабочего класса ее не имели, поскольку не могли работать онлайн.

COVID-19 показал, что государство меньше всего ценит тех, в ком больше всего нуждается общество: медсестер, уборщиц, курьеров, работников пищефабрик, домов престарелых и складов. Многие данные свидетельствуют, что в ближайшее время неравенство, вероятно, усилится. Но в дальнейшем тенденция может измениться, если общество не согласится с тем, что менеджер хедж-фонда, чей вклад в экономическое и социальное благополучие сомнителен, получает в миллион раз больше, чем медсестра. К сожалению, история свидетельствует: этот оптимистичный сценарий не обойдется без больших потрясений.

Социальная нестабильность

Социальные волнения — одна из самых серьезных опасностей: когда люди не имеют работы, доходов и перспектив на лучшую жизнь, они часто прибегают к насилию. За последние два года по всему миру произошло более 100 значительных антиправительственных протестов.

Массовые протесты так же, как и эпидемии, взаимодействуя с другими факторами, могут создавать вышеупомянутые каскадные эффекты. Причем наиболее индивидуалистические общества, такие как США, подвержены большему риску, чем европейские или азиатские страны, которые либо имеют большее чувство солидарности (как в Южной Европе), либо лучшую социальную систему для помощи обездоленным (как в Северной Европе). Важно подчеркнуть, что мы не обречены на социальные беспорядки: у правительств есть все инструменты для борьбы с неравенством.

Возвращение «большого» правительства

Один из великих уроков истории человечества в том, что кризисы способствуют укреплению могущества государства, начиная с системы налогообложения. COVID-19, как и войны прошлого, приведет к увеличению налоговой нагрузки. Максимальная ставка подоходного налога во Франции в 1914 году была равна нулю; через год после окончания Первой мировой войны — 50%. Во время Второй мировой войны подоходный налог в Америке превратился из «классового налога» в «массовый налог», при этом количество плательщиков выросло с 7 миллионов в 1940 году до 42 миллионов в 1945 году. В конце Второй мировой войны многие другие страны ввели аналогичные и часто экстремальные налоги и меры. В Великобритании максимальная ставка подоходного налога выросла до ошеломляющих 99,25%!

Коронавирус изменил представление о сложном и хрупком балансе между частной и общественной сферами в пользу последней. Вмешательство государства в экономику произошло очень быстро и в беспрецедентных масштабах. Поскольку только правительства обладали властью и возможностями принятия решений, предохраняющих от социально-экономической катастрофы. В будущем они, скорее всего, захотят в интересах общества переписать некоторые правила игры и будут постоянно повышать свою роль.

Общественный контроль над частными компаниями увеличится, налогообложение будет расти. Руководителям предприятий во всех отраслях и во всех странах придется адаптироваться к усилению государственного вмешательства. Приоритетом финансирования станут сферы, способные защитить общества от множества рисков. В первую очередь научные исследования, медицина, образование. Даже когда мы начнем выходить из этого кризиса, мы должны осознавать, что за углом наверняка поджидает другой кризис. Мы не можем предсказать, как будет выглядеть следующий — кроме того, что он будет отличаться от предыдущего.

Социальный договор

Пандемия заставит многие страны пересмотреть условия общественного договора, которые регулируют отношения между людьми и госучреждениями. Фундаментальными причинами утраты веры в социальные контракты является рост неравенства, неэффективность политики распределения благ, исключительность одних и маргинализация других, общее чувство несправедливости.

В последние годы ряд международных организаций и аналитических центров предложил новые принципы, на которых может базироваться современный общественный договор:

1) расширенное по сравнению с нынешним предоставление социальной помощи и качественных социальных услуг;

2) усиление защиты работников, особенно наиболее уязвимых слоев.

Общественный договор также должен включать в себя определенное представление о правах и свободе граждан. Поскольку чрезвычайные полномочия государства требуют разрешения от народа и должны иметь некоторые ограничения. Коллективный пересмотр социальных контрактов не может также игнорировать и мнение молодого поколения, которое требует радикальной альтернативы нынешнему курсу.

ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ ПЕРЕЗАГРУЗКА

Нового глобального порядка больше нет, мир начал хаотический переход к неопределенности. Различные формы национализма приходят на смену сотрудничеству. Определяющим элементом геополитической нестабильности является изменение соотношения сил Запада и Востока. Мы имеем дело с так называемой «ловушкой Фукидида»: структурным напряжением между восходящей державой (Китай) и правящей державой (США). Оно растянется на долгие годы и неизбежно приведет к росту нестабильности. Многим странам, которые ранее полагались на США, придется заботиться о себе самим. XXI век, скорее всего, будет эпохой без абсолютного гегемона. Идеологические конфликты уступят место конкуренции за ресурсы, подпитываемой национализмом. В «эпоху энтропии» нельзя исключать ни одного экстремального сценария — к примеру, распада некоторых «несостоятельных» государств, «нефтегазовых» стран, возможного развала ЕС, войны между Китаем и США.

Глобализация и национализм

Мировая экономика настолько сложна, что окончательно положить конец глобализации невозможно. Однако социальные издержки, вызванные асимметричными эффектами глобализации, и связанная с ними реакция могут ее замедлить и даже вернуть назад. Пандемия усилила эти тенденции. Новую реальность описывает концепция «трилеммы глобализации» экономиста из Гарварда Дэни Родрика. Она предполагает, что из трех составляющих — экономической глобализации, политической демократии и национального государства — эффективно и бесконфликтно в любой момент времени могут существовать только две. В нынешних условиях это означает, что глобализацию необходимо сдерживать, если мы не хотим отказаться от некоторого национального суверенитета или некоторой демократии. Рост национализма в условиях сильной экономики и высокого уровня неравенства неизбежен.

Стремление к локализации наблюдается еще с 2008 года, но в постпандемическую эпоху оно будет нарастать. Больше всего деглобализация скажется на всемирной цепочке поставок, хотя их разрыв будет дорогим и болезненным. Наиболее приемлемой, «облегченной версией» глобализации может стать регионализация. Уже сегодня три государства, составляющие Северную Америку, больше торгуют друг с другом, чем с Китаем или Европой. В дальнейшем Северная Америка, Европа и Азия все больше внимания будут уделять региональной самодостаточности, а не глобальным цепочкам поставок. Протекционизм возведет высокие барьеры для свободного движения капиталов, товаров и людей. Мировая торговля почти наверняка сократится, глобальные институты будут деградировать, а национальные власти — проводить политику сдерживания свободного движения международных капиталов. Поспешный отход от глобализации нанесет колоссальный ущерб экономике каждой страны. Чтобы этого не произошло, нужно прийти к социально и экологически устойчивой, справедливой форме глобализации, к более эффективному управлению. Если мы не улучшим функционирование и легитимность наших глобальных институтов, мир скоро станет неуправляемым и очень опасным.

Глобальное управление

Глобальное управление охватывает совокупность институтов, политик, норм, процедур и инициатив, с помощью которых национальные государства пытаются справиться с транснациональными вызовами. Очевидно, что в разделенном мире, без воли национальных государств к международному сотрудничеству, глобальное управление невозможно. Глобальные риски, связанные с пандемиями, изменением климата, терроризмом, можно уменьшить только коллективно.

Но, к сожалению, сейчас мы живем в обществе, в котором, на самом деле, никто ни за что не отвечает. Это уже не тот мир, в котором решающее слово оставалось за самыми богатыми и влиятельными странами G20 или G7. Это мир G0 или, что еще хуже, G-минус 2 (США и Китай). Глобальные проблемы все чаще оказываются вне контроля даже самых могущественных национальных государств. Из-за отсутствия «комитета по спасению мира» риски возрастают. «Общий институциональный упадок» (термин Ф. Фукуямы) увеличивает хрупкость системы.

Примером неудачи глобального управления может служить ситуация с COVID-19, когда страны изначально предпочли действовать в одиночку, что серьезно подорвало попытки сдержать распространение первой волны пандемии. Мир станет очень опасным местом, если мы не исправим многосторонние институты. Глобальная координация и устойчивое международное сотрудничество необходимы, чтобы перезагрузить мировую экономику после эпидемиологического кризиса.

Растущее соперничество между Китаем и США

COVID-19 явил миру «новый тип холодной войны» между Китаем и США. После 40 лет стратегического партнерства эти страны неспособны преодолеть разделяющие их идеологические и политические разногласия. Пандемия лишь усилила конкуренцию между ними. В этом противостоянии не существует «хорошей» и «плохой» стороны, а есть некие интерпретации,

обусловленные различиями в истории и культуре. В «квантовом мире» объективной реальности нет. Представление о ней зависит от позиции наблюдателя. В этом смысле «китайская», «американская» и другие точки сосуществуют в едином континууме, и все они реальны! Неудивительно, что аналитики приходят к диаметрально противоположным выводам. Одни видят США победителем, другие утверждают, что Китай уже победил, третьи заявляют, что победителей не будет. Но истина в том, что мы очень мало понимаем, к чему приведет мир конкуренция между Китаем и США.

Хрупкие и нестабильные состояния

Хрупкость государства остается одной из самых серьезных глобальных проблем. Сегодня, по оценкам, около 1,8–2 миллиардов человек живут в нестабильных государствах, и в постпандемическую эпоху их число увеличится.

В сложном, адаптивном и нелинейно устроенном мире хрупкое государство внезапно может превратиться в государство-неудачника, или его положение может быстро улучшиться благодаря иностранному капиталу либо посредничеству международных организаций. Однако для наиболее уязвимых стран динамика возможна только в одном направлении: от плохого к худшему. В беднейших странах сбой в торговых цепочках и цепочках поставок, потеря доходов и проблемы с занятостью станут причиной политической нестабильности и массовых вспышек насилия, которые будут иметь глобальные последствия.

В зону риска в первую очередь попадают государства с сырьевой экономикой. Но дестабилизация хрупких стран негативно отразится и на богатых, которые столкнутся с новыми волнами массовой миграции.

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ПЕРЕЗАГРУЗКА

С точки зрения глобального риска пандемию можно приравнять к изменению климата и коллапсу экосистемы. COVID-19 уже дал нам представление о том, какие экономические последствия может повлечь за собой полноценный климатический кризис и коллапс экосистемы. Но есть и отличия. Пандемии представляют собой мгновенный риск, неизбежность и опасность которого видны всем. А в случае с изменением климата и экосистем мы сталкиваемся с проблемой временной асинхронности, которая порождает «трагедию горизонта»: риски изменения климата могут показаться далекими и не слишком актуальными, хотя требуют немедленной реакции. В случае с пандемией причинная связь между вирусом и заболеванием очевидна, но экологические риски трудно связать с конкретным событием. Поэтому большинство граждан будут склонны больше сопротивляться политике ограничения, связанной с экологическими рисками. Тем более, что экологические и климатические риски, в отличие от пандемии, требуют изменения социально-экономической модели и модели потребления.

Природа и зоонозные заболевания

Ученые доказали, что, разрушая экосистемы, люди избавляют вирусы от их естественных носителей и сами провоцируют новые эпидемии, такие как COVID-19. С 1970 года интенсивные практики землепользования оказывают беспрецедентно негативное воздействие на природу. Неудивительно, что за последние 50 лет количество зоонозных заболеваний увеличилось в четыре раза. Сельскохозяйственное и промпроизводство растет вслед за ростом населения, увеличивая риск новых эпидемий. Поэтому основным противоядием от зоонозных заболеваний является переосмысление наших отношений с природой, сохранение окружающей среды и защита биоразнообразия.

Загрязнение воздуха и риск пандемии

По данным ВОЗ, 90% населения мира дышит воздухом, который не соответствует правилам безопасности и вызывает преждевременную смерть 7 млн человек ежегодно. Исследования показали, что чем выше уровень загрязнения воздуха, тем выше вероятность смерти от болезни, вызванной коронавирусом. Это означает, что люди, живущие в сильно загрязненных городах, столкнутся с большим риском заражения.

Локдаун и выбросы углерода

По мнению ООН, необходимо сдерживать глобальное повышение температуры ниже 1,5 °C, сокращая ежегодные выбросы на 7,6% в течение следующего десятилетия. Нам кажется, что индивидуальные действия не имеют большого значения по сравнению с размером выбросов, которые производят различные предприятия. Однако это не так. Недавний отчет об устойчивом развитии показывает, что выбросы углерода, генерируемые при производстве электроэнергии, эквивалентны мировой авиационной отрасли. Поэтому, если некоторые привычки, которые мы усвоили во время пандемии, трансформировать в структурные изменения в поведении, климатический результат может быть другим. Отказ от авиаперелетов, меньше поездок на авто, больше удаленной работы, отдых ближе к дому — все это в комплексе может привести к сокращению выбросов углерода.

Другая экологическая политика

Сосредоточившись на восстановлении экономики после пандемии, правительства будут поддерживать и стимулировать отрасли, произво-

дящие выбросы углерода, и отменят строгие экологические стандарты. Стремясь увеличить доходы, компании сочтут вопросы климата второстепенными. Низкие цены на нефть могут побудить потребителей и предприятия и далее полагаться на углеродоемкую энергию. Но есть веские доводы, чтобы заменить эти тренды на другие. Некоторые ответственные лидеры, противостоящие пандемии, могут сделать так, чтобы кризис «не пропал даром». И принять пакет стимулов для перехода на чистую энергию. Например, предоставить финансовые выгоды компаниям с низкоуглеродными бизнес-моделями. Пандемия повысила нашу осведомленность о рисках. Теперь мы понимаем, что у нас есть всего лишь пара лет, чтобы принять коллективные и индивидуальные изменения поведения, которые помогут справиться с последствиями глобального потепления и изменения климата.

По мнению группы американских и европейских ученых, коронавирус укрепил мотивацию к изменениям и запустил новые инструменты и стратегии социальной активности. В том числе и борьбу за «зеленый тренд» и более экологичное будущее.

ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ ПЕРЕЗАГРУЗКА

За последние годы мы стали свидетелями впечатляющего технологического прогресса, который принесла Четвертая промышленная революция: искусственный интеллект, автоматизация, роботы, инновации в генетике и синтетической биологии... Пандемия еще больше ускорит процесс технологических изменений и «цифровой трансформации». Многие потребители, ранее не желавшие слишком сильно полагаться на цифровые приложения и сервисы, были вынуждены изменить свои привычки. Переход к «бесконтактной экономике», цифровому формату профессиональной и личной жизни будет поддержан регулирующими органами. Социальное и физическое дистанцирование, вероятно, сохранятся и после того, как пандемия утихнет. За ними последует «экономическое дистанцирование» — ускорение темпов автоматизации. Консалтинговая фирма Bain & Company считает, что количество компаний, внедряющих автоматизацию бизнес-процессов, удвоится в течение следующих двух лет.

Цифровые технологии, помогающие дистанционно отслеживать контакты и контролировать самочувствие, уже стали важными компонентами реакции системы здравоохранения на COVID-19. При этом в некоторых странах посчитали возможным пренебречь конфиденциальностью, внедряя принудительную цифровую слежку с помощью электронных браслетов и приложений, используя без согласия людей данные их мобильных телефонов и кредитных карт. Ложную дилемму между конфиденциальностью и здоровьем можно решить с помощью приложений для добровольного отслеживания контактов. Сегодня в мире существует около 5,2 миллиардов смартфонов. Опросы, проведенные в США и Европе во время карантина, показали, что число граждан, которые отдают предпочтение отслеживанию смартфонов государственными органами, неуклонно растет. Кризис коронавируса отступает, и люди начинают возвращаться на работу, однако компании будут продолжать наблюдать и записывать, что делает их персонал, оправдывая надзор заботой о его здоровье и безопасности. Одно из косвенных преимуществ такого наблюдения — мониторинг производительности сотрудников. В постковидном мире экстремальные меры могут стать нормой. И все больше экспертов, писателей и политиков говорят о рождении новой, цифровой антиутопии. «Капитализм слежения» серьезно трансформирует экономику, политику, общество и личную жизнь. Однако сценарии-антиутопии — это не смертельный исход. В постпандемическую эпоху личное здоровье и благополучие станут приоритетными для общества, поэтому джинна тотального надзора не вернут обратно в бутылку. Но мы должны контролировать и использовать преимущества технологий, не жертвуя нашими индивидуальными и коллективными ценностями и свободами.

МИКРОПЕРЕЗАГРУЗКА

У некоторых лидеров может возникнуть соблазн вернуться к старым традициям и нормам, восстановить то, что работало в прошлом. Однако этого не произойдет — «обычный бизнес» умер, заразившись COVID-19. Некоторые отрасли разорены изоляцией и мерами социального дистанцирования. Другим сложно восстанавливать упущенные доходы. Ключевой проблемой для большинства предприятий, вступающих в посткоронавирусное будущее, станет поиск баланса между тем, что функционировало раньше, и тем, что необходимо для процветания в условиях «новой нормальности». Трудности в первую очередь коснутся малых предприятий. Большинство из них будет иметь дело с таким соотношением затрат и доходов, которое поставит их в невыгодное положение по сравнению с более крупными конкурентами. Но маленький размер может дать некоторые преимущества в мире, где гибкость и скорость будут иметь решающее значение с точки зрения адаптации. Микросброс заставит каждую компанию в каждой отрасли экспериментировать с новыми способами ведения бизнеса. Те, кто адаптируется, в конечном итоге обратят кризис в свою пользу.

Микротрендами постпандемической эры станут:

1) ускорение «оцифровки» бизнеса;

2) приоритет устойчивости и безопасности поставок над максимизацией эффективности;

3) активное вмешательство правительств в жизнь компаний;

4) для создания устойчивой стоимости и репутационного капитала бренда ключевым понятием станет «stakeholder capitalism» — погоня за финансовой прибылью больше не может быть целью компаний, они обязаны служить всем заинтересованным сторонам, а не только акционерам;

5) последствия карантина скажутся на всех отраслях, меняя потребительское поведение и правила на рынках, — компании будут вынуждены постоянно адаптироваться и изобретать себя заново;

6) личная физическая и психическая устойчивость, комплексный подход к благополучию на личном и корпоративном уровне: мы не можем быть здоровыми индивидуально в нездоровом мире.

ИНДИВИДУАЛЬНАЯ ПЕРЕЗАГРУЗКА

Для многих COVID-19 стал потрясением. Он вынудил большинство людей во всем мире самоизолироваться от семей и друзей, привел в полный беспорядок личные и профессиональные планы, подорвал чувство экономической, психологической и физической безопасности. Стресс, порожденный ограничениями и чувством неуверенности в завтрашнем дне «перезагрузил» наше отношение к миру и другим людям, обнажив как лучшие, так и худшие стороны нашей природы. Обычно стихийные бедствия, такие как ураганы и землетрясения, объединяют людей. Пандемии же, наоборот, разобщают. Потому что представляют собой не кратковременное событие, а продолжительные бедствия, которые вызывают постоянное чувство беспокойства, неопределенности и недоверия к другим, коренящееся в первичном страхе смерти. Когнитивное закрытие часто требует черно-белого мышления: вопрос, кому мы доверяем или не доверяем, становится критическим. Люди по своей природе социальные существа. Если лишить нас социального взаимодействия, наша жизнь переворачивается с ног на голову. В первые месяцы пандемии произошел рост домашнего насилия, а также взрыв психических расстройств. И на данный момент непонятно, сможем ли мы полностью вернуться к нашему прежнему образу жизни. Вместе с тем экзистенциальные кризисы, сталкивая нас с нашими собственными страхами, предоставляют больше возможностей для самоанализа. Пандемия COVID-19 заставила многих из нас замедлиться и задуматься о том, кто мы, что для нас действительно важно и чего мы хотим. Зачастую в изоляции активизируются творческие способности. Нет никаких сомнений, что в ближайшие несколько лет мы станем свидетелями творческого взрыва стартапов, прорывов в области науки и искусства. Пандемия изменила наше чувство времени — оно стало аморфным и недифференцированным. Но, возможно, эти наблюдения заставят некоторых из нас пересмотреть отношения со временем и больше ценить его драгоценные моменты. Пандемия поменяла наши модели потребления, которые нетождественны счастью и самореализации, ведь удовлетворение необязательно должно зависеть от безжалостного потребления — возможно, как раз наоборот. COVID-19 перезагрузил наше отношение к природе. Теперь мы знаем, что отсутствие контакта с природной средой снижает иммунитет, провоцирует различные воспаления, вредит нашему физическому и психическому благополучию.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

COVID-19 вызвал серьезные изменения в экономике и обществе, обострил проблемы, существовавшие до пандемии. Мы не знаем, каким мир будет завтра, но без Великой перезагрузки он будет глубоко ущербным. Мы обязаны начать ее, не дожидаясь глобальных конфликтов или революций.

Если судить по статистическим данным, состояние мира по сравнению с прошлым улучшилось «в среднем». Но в «среднем» — это далеко не для всех. Нужно подчеркнуть, что:

1) поведенческие реакции людей определяются не статистикой, а нарративами и эмоциями;

2) вместе с улучшением условий жизни растут и ожидания людей.

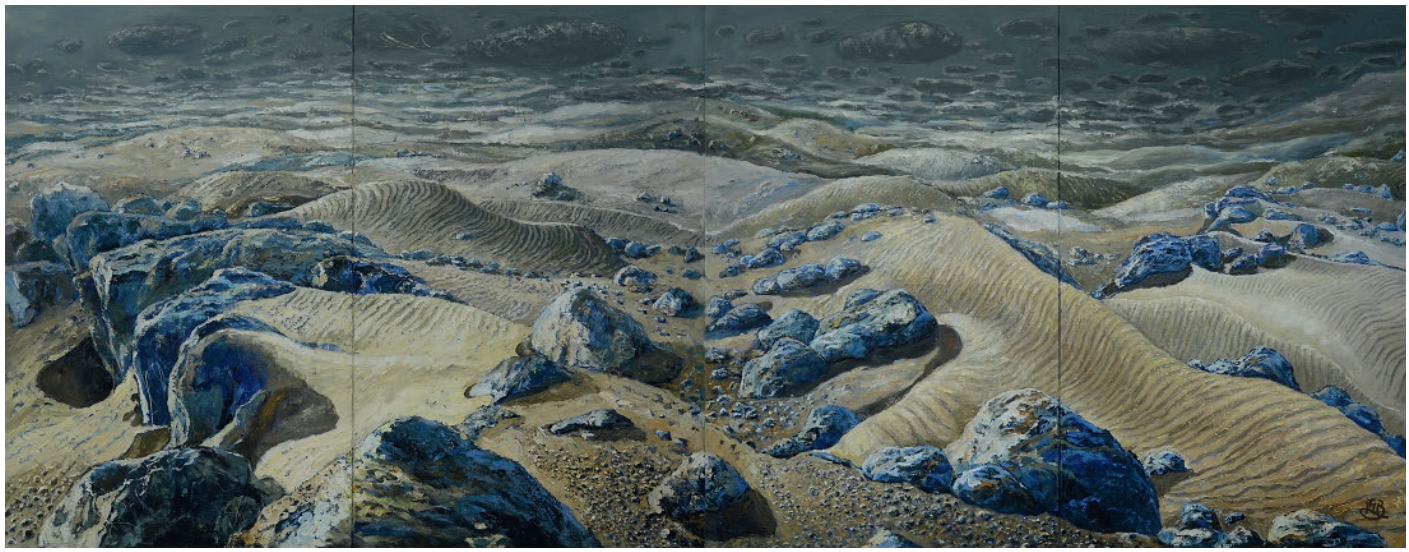
COVID-19 — одна из наименее смертоносных пандемий за последние 2000 лет. Однако из-за того, что в современном мире эпидемиологические, социальные и другие риски взаимосвязаны, ее последствия не менее разрушительны.

Существует риск того, что после пандемии мир станет еще более разделенным и конфликтным. Но возможен и альтернативный сценарий, при котором сотрудничество между странами позволит быстро и мирно перезапустить экономику и к 2030 году достигнуть целей устойчивого развития.

Успешное преодоление коронакризиса вдохновит нас на борьбу с другими экзистенциальными рисками:

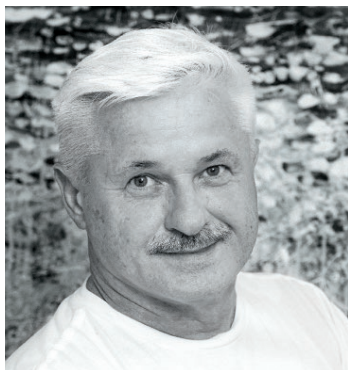
1) ядерной угрозой;
2) изменением климата;
3) сверхэксплуатацией природных ресурсов;
4) последствиями различий в уровне жизни у народов мира.

Сегодня по всему миру возникают движения, требующие «лучшего будущего» и перехода к экономической системе, приоритетом которой является коллективное благополучие.



«Начало», 2017.
Холст, масло, 140x356 см

«Соединение времени», I–II, 2021.
Холст, масло, 90x120 см



Владимир Подлевский, Чернигов — Киев
родился 11 октября 1960 г.

Львовская академия искусств

«Утреннее переплетение», 2018.
Холст, масло, 140х140 см

U-THINK:

КАКИМ ДОЛЖЕН БЫТЬ ИНСТИТУТ ГЛОБАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ В XXI ВЕКЕ?

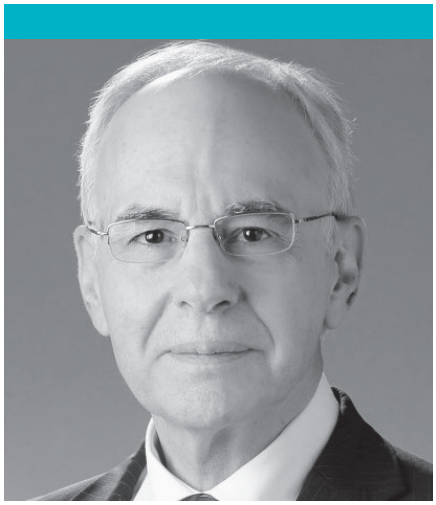
Наша многосторонняя система (ООН, международные организации) изначально была разработана для предотвращения новой мировой войны путем ликвидации конфликтов между национальными государствами.

Она была основана на узкой концепции безопасности как военной самообороны и ненападения. Эти институты в значительной степени, хотя и очень несовершенно, предотвращали или уменьшали случаи насильственных конфликтов между державами.

Сегодня человечество сталкивается с гораздо более широким спектром угроз безопасности. Помимо пандемии, они включают посягательства на свободу людей и средств массовой информации, экономический и финансовый кризисы, рост безработицы и неравенства и, конечно же, высшую экзистенциальную угрозу — изменение климата.

Вопрос в том, соответствуют ли по-прежнему своей цели институты глобального управления, или нам нужно пересмотреть и изменить нашу концепцию, чтобы устранить весь спектр угроз ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ.

«Каким должен быть институт глобального управления в XXI веке?» — спрашивает Huxley авторитетных экономистов и социальных мыслителей из разных стран.



ГАРРИ ДЖЕЙКОБС

CEO Всемирной академии искусства и науки, президент Всемирного консорциума университетов, полноправный член Римского клуба, автор «Книга: духовная личность в поисках живой организации»

Сегодня величайшие и неминуемые угрозы человечеству носят скорее глобальный и общечеловеческий характер, а не национальный, политический или военный.

К ним относятся отсутствие продовольственной безопасности, безработица и экономическая нестабильность, растущее неравенство, поляризация общества, отход от демократических ценностей, а также необузданный рост и нерегулируемое применение новых технологий без учета их разрушительного для общества воздействия на людей.

Мы жили в период деформации времени, когда строительство империй и военные конфликты были в порядке вещей. Эпоха империй давно умерла, но не мышление, на основе которого она процветала. Система ООН была огромным достижением 75 лет назад, в момент создания, но сегодня она не может решать глобальные проблемы XXI века.

Некоординированная, состязательная и неэффективная реакция стран на пандемию COVID-19 иллюстрирует систему, застрявшую в прошлом и неспособную думать и действовать от имени всего мира.

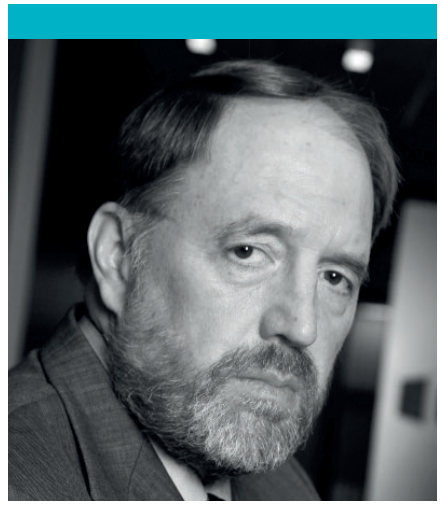
Наши сегодняшние неудачи — плохое предзнаменование того, как человечество будет бороться с гораздо более серьезной угрозой изменения климата, которая не за горами. Нам необходимо заново изобрести многосторонность, чтобы сделать ее поистине универсальной, демократичной и основанной на широком участии. Национальные государства больше не являются единственными игроками или эффективными представителями человечества и его устремлений.

Нам нужна инклюзивная демократическая многосторонняя система, которая обеспечит истинное место быстро расширяющемуся глобальному гражданскому обществу и представит голос сознания и совести человечества в целом.

Всемирная академия искусства и науки работает над инициативой глобального референдума.

Глобальный референдум — это практическое решение и высшее достижение. Считаю, что это тот «лунный выстрел», который способен изменить отжившую парадигму.

Помимо референдума, мы работаем над другими идеями по изменению парадигмы, в том числе над финансированием ЦУР (цели устойчивого развития) с помощью цифровых валют центральных банков, над проектом по перенаправлению финансовых ресурсов частного сектора на цели ЦУР (включая масштабную жилищную программу для людей с низким доходом), продвигаем экономически эффективный проект гарантии занятости для дополнения бизнес-циклов частного сектора, новый тип исследовательского института по ЦУР и безопасности человека, сокращающий разрыв между исследованиями и их реализацией.



ДЖЕЙМС ГЭЛБРЕЙТ

американский экономист, профессор публичной политики и государственного управления, университет Техаса, Остин

На самом деле, послевоенная мировая система вышла далеко за рамки узких гарантий безопасности и милитаризма. Скорее, она была направлена на предотвра-

щение новой европейской и мировой войны (отказавшись повторить ошибки Пруссии в 1871 году и «Совета четырех» в Версале в 1919-м), а также на создание общего блага для победителей и побежденных. МВФ, Всемирный банк и ITO/GATT/WTO были элементами этой стратегии — и когда они оказались недостаточными, был добавлен план Маршалла. Вместе они сформировали архитектуру социал-демократического миропорядка, конкурирующего с СССР и Коминтерном. На какое-то время это придало глобальному капитализму прогрессивный и эгалитарный оттенок, смягчило его резкие грани и выдвинуло на первый план его привлекательный динамизм.

Проблемы появились, когда Советский Союз потерял моральное превосходство после вторжения в Чехословакию в 1968 году, а затем ослаб и в конечном итоге рухнул. После чего приверженцев прогрессивных ценностей на Западе убавилось. Как следствие, Запад вернулся в неолиберальные джунгли дерегулированных рынков и долгового рабства, что неизбежно привело к нестабильности, ненадежности и кризису.

Чтобы выйти из кризиса и избежать возврата к предпосылкам войны, необходимо и достаточно восстановить систему экономического и экологического менеджмента, которая регулирует глобальные финансы и координирует эффективные усилия по сокращению бедности, созданию стабильного среднего класса и предотвращению дальнейшего ухудшения состояния глобальной окружающей среды.

Это, несомненно, является предварительным условием выживания цивилизации.

ДМИТРИЙ КУЛЕБА

дипломат, министр иностранных дел Украины, член СНБО

Современная международная система родилась из пепла пожарищ Второй мировой войны. Рассказы о том, что новая система возникнет благодаря реформам — это научная, но все же фантастика. Новая система без какой-то новой катастрофы невозможна. Так что приходится жить с нынешней, неидеальной, но работающей.

Один из самых устаревших рудиментов, который многих раздражает и уже не соответствует реалиям, — это состав постоянных членов Совета Безопасности ООН, а также механизм применения ими права вето.

Проблема состоит в том, что вето вместо сдерживания используется для прикрытия агрессии и ограничения возможностей защищать права человека в мире.

Для того чтобы сформулировать параметры более эффективной системы глобального управления, нужно исходить из вызовов, которые стоят перед миром в этом столетии: военные агрессии, регулирование интернета, борьба с пандемиями, торговые войны, изменение климата.

Мир без угроз безопасности людей и государств — это утопия: даже для того чтобы свести преступность до нуля в отдельно взятом государстве, пришлось бы создать тоталитарный строй.

Где есть свобода, там есть преступность.

Но это не значит, что мир не может быть безопаснее. Просто нужен баланс безопасности и свободы, новый уровень адаптивности, точности прогнозирования и эффективности коммуникации.

Ключевыми действующими лицами XX века были лидеры. В XXI веке в моду вошло слово «институции». Их сегодня хвалят на каждом шагу. Но это в какой-то мере уже о прошлом.

Современный тренд — сообщества очерчивают новый горизонт организации мира.

Поэтому я думаю, что более эффективная система глобального управления, способная повысить уровень безопасности не ограничивая уровень свободы, должна основываться на децентрализации, цифровизации, открытом обществе и экономике, свободной торговле, кибер-защите и демократическом контроле.

ЭЛИЗА ПИТЕР

директор PWYP, ранее — старший политический советник The Elders (сообщество бывших глав стран и лауреатов Нобелевских премий)

Это очень актуальный вопрос. Пандемия COVID-19 выдвинула на первый план неспособность международного сообщества эффективно сотрудничать в борьбе с глобальной угрозой, которую невозможно нейтрализовать с помощью армий и оружия. Но это также позволило возобновить разговоры о неравенстве, солидарности и типе общества, экономическом развитии и будущем, которое мы хотим оставить нашим детям.

Хотя Организация Объединенных Наций и Бреттон-Вудские учреждения (Всемирный банк и МВФ) были созданы в другую эпоху и, безусловно, нуждаются в реформе, ценности, на которых они были основаны, актуальны как никогда: равное право всех людей на достойную жизнь, стремление к миру и процветанию для всех. Эти принципы должны использоваться в наших ответных мерах на пандемию и последовавшие за ней экономические и социальные кризисы.

Несовершенна не столько сама международная архитектура, сколько основная концепция, на которой она построена: суверенные государства, защищающие жизненно важные «национальные» интересы своих граждан. Каковыми могут быть национальные интересы в XX веке?

В глобализованном мире, в котором развитие человечества немыслимо без международного сотрудничества (торговли, научных инноваций, образования, технического прогресса и т. д.), а угрозы выходят за пределы национальных границ (загрязнение, изменение климата, утрата биоразнообразия, химическое оружие, пандемии), подходы, ориентированные исключительно на унитарное государство, уже не актуальны и неэффективны.

В основном они на руку краткосрочным интересам политиков-популистов, которые демонизируют «других» (перекладывая вину за пандемию, войны, бедность на иммигрантов, меньшинства, на демонизированных «иных»), что в лучшем случае ничего не решает, а в худшем — приводит к смертельным конфликтам.

Что нам нужно, так это новое поколение политических лидеров, которые разделяют эмпатию, мужество и международное сотрудничество, выходя за рамки узкого определения национальных интересов, чтобы эффективно справиться с трагедией общества и спасти человечество от роковых ошибок.

ВЛАДИСЛАВ РАШКОВАН

директор PWYP, заместитель исполнительного директора в МВФ

COVID-19 привел нашу цивилизацию на перекресток двух дорог. С одной стороны — глобальные тренды XXI века: автоматизация и диджитализация, connectivity, демографические и климатические изменения, перемены в глобальной расстановке сил и неизвестность, как все это повлияет на нас сегодня и на будущие поколения.

С другой стороны — назревающие вопросы, катализатором для которых стала сама пандемия: не наблюдаем ли мы кризис идей гуманизма сейчас, есть ли еще спрос на мультилатерализм, не изменится ли вектор глобализации, как преодолеть ускоряющуюся дивергенцию между бедными и богатыми странами, жива ли концепция либерального мира, и все так ли востребованы экономические свободы?

Пандемия напомнила, что эти задачи даже при решении на национальном уровне могут повлиять на жизнь людей во всем мире, а сле-

довательно, требуют глобальных решений. При этом доминирующая парадигма глобального управления послевоенной эпохи, в которой сосуществовало много разных групп стран, — от G7 и G20 до G24 и G77 — устарела и требует модернизации.

Как говорит Ян Бреммер, в реальности мы имеем мир в форме G2 — двухполярный мир, который характеризуется конкуренцией между США и Китаем.

У нас есть всего два выхода из этой ситуации — или мир начнет делиться по этим двум осям, как уже было в середине XX века, или же крупнейшие сверхдержавы изобретут институциональный механизм глобальной кооперации и сотрудничества.

Именно США и Китай должны найти модель, как не только ликвидировать барьеры для международной торговли и создать новые возможности для миграции рабочей силы, знаний и капитала, но и минимизировать сопутствующие глобализации риски — в первую очередь климатические.

Если эти два государства продолжат войну, то от концепции мультилатерализма мы быстро скатимся к поляризованному регионализму с сопутствующей ему концепцией «я в домике», при которой все национальные страны останутся один на один с глобальными проблемами.

Путем применения «мягкой силы» именно G2 должны иметь возможность убедить страны G20, а затем и другие страны ООН в признании глобальной ответственности за достижение SDG и необходимости создания более стабильной Global financial stability net.

Такая стратегическая договоренность во имя всего мира поможет существующим организациям (и ООН, и МВФ с Мировым банком, и ВТО с ВОЗ) более координированно отвечать на возрастающие вызовы.

Вопрос в одном: как усадить США и Китай за стол глобальных переговоров?

А что думаете вы?

Если у вас есть экспертное мнение по вопросу
«Каким должен быть институт глобального управления в XXI веке?»,
присылайте ответы на chief.editor@huxley.media

«Меандр», 2015.
Офорт, 62x86 см

«Сад. Хризантемы», 2013.
Офорт, акварель, 62x86 см

«Натюрморт I», 1996.
Офорт, 65x55 см

Оксана Стратийчук, Киев

родилась 22 мая 1968 г.

Киевский государственный художественный институт

НОВАЯ МИСТИКА & ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ

Юк Хуэй

гонконгский философ, автор книг и статей по философии техники, медиатеории и кибернетике

Беседовал Андерс Данкер

АНДЕРС ДАНКЕР (А. Д.): В своей книге о технологиях в Китае вы обсуждаете концепцию «синофутуризма» — китайского видения будущего, которое существенно отличается от того, что мы имеем на Западе. В то же время вы указываете на то, что Китай становится все больше похожим на Запад и, таким образом, рискует разорвать связи со своими собственными традициями. Вы описываете новые отношения между Западом и Востоком как «дезориентацию». Что влечет за собой этот процесс?

ЮК ХУЭЙ (Ю. Х.): Греки проводили различие между Западом, который немцы до сих пор называют das Abendland (вечерней страной), и Востоком. То, что считается Западом и Востоком, менялось много раз. Для греков Востоком были Египет и Персия, а не Китай и Япония. Географическая ориентация также была технической проблемой, потому что только с помощью новых навигационных инструментов Запад открыл земной шар.

Начиная с XVI века Китай и Япония отставали от Западной Европы в области технологий и знаний. Как прямое следствие, империи Востока были наконец вынуждены открыть свои ворота и принять колонизирующие силы Запада.

Китай не был завоеван писаниями, ценностями или идеями европейцев, он был завоеван технологическими открытиями и изобретениями.

Если мы посмотрим на историю Восточной Азии (скажем, Кореи, Китая и Японии), мы увидим, что каждая из этих стран в какой-то момент решила, что они хотят «догнать Запад».

Одной из причин была война — конкуренция и военные действия были тесно связаны с колонизацией. Фактически Китай начал модернизацию только после поражения в опиумных войнах против Британской империи в конце XIX века.

А. Д.: Поражение часто означает, что вам нужно копировать побеждающего врага. Должны ли мы принять эту логику, когда дело касается модернизации, независимо от того, насколько мы хотим отказаться от культурного империализма и универсальной истории, в которой одни страны и регионы более развиты, а другие отстают?

Ю. Х.: Давайте вспомним, что Освальд Шпенглер в книге «Человек и техника» (1931 г.) отмечает, что европейцы совершили серьезную ошибку, экспортируя свои технологии в другие страны в конце XIX века. По его мнению, они должны были держать их при себе, чтобы сохранить лидерство. То, что Япония победила Россию в 1905 году, было сигналом о том, что вскоре она сможет превзойти Запад в технологическом потенциале.

На протяжении веков Япония сопротивлялась прямой конкуренции с Западом — например, ограничивая свою артиллерию луками и стрелами и запрещая оружие более чем на 200 лет, чтобы защитить традиционные самурайские боевые действия на мечах. Разве не удивительно, что японцы начали модернизацию только после того, как американские военные корабли вынудили их открыться для мировой торговли?

Западу потребовались сотни лет на модернизацию. Япония выполнила задачу в рекордно короткие сроки, перейдя от средневековья к гипермодерну за 150 лет. То же самое и с Китаем.

Мартин Хайдеггер писал в 1940-х годах, что только когда коммунизм придет к власти в Китае, технологии станут «бесплатными». Что он имел в виду? «Свободный» означает, что он может быть везде — что больше нет сопротивления. Хайдеггер говорит о технологической планетаризации.

Он утверждает, что цивилизация как таковая будет основана на западноевропейской мысли, поскольку другие культуры не смогли противостоять европейским технологиям. Нет смысла писать местную историю и поддерживать региональные традиции, если вы не знаете, что делать, когда Google выходит на мировую арену. Как правило, вы отдаляетесь и защищаете свою культуру от новых технологий или маргинализируете себя как подчиненного.

В условиях глобализации произошло то, что западные культуры проникли в другие культуры и перевернули их с ног на голову.

А. Д.: В течение долгого времени, как вы указываете в своей книге, Китай имел более высокий технологический уровень, чем страны Запада. И все же модернизация Китая по-прежнему следовала западному образцу. Неужели мир потерял возможность увидеть подлинно китайскую современность?

Ю. Х.: Это большой вопрос. Его тщательно изучил великий китаевед и философ технологий Джозеф Нидэм, который был всемирно известным биохимиком до

того, как стал китаистом, написав и отредактировав великий труд в 26 томах под названием «Наука и цивилизация в Китае» (1954–2016 гг.).

Он задал вопрос: если мы согласимся с тем, что некоторые науки были более развиты в Китае и на Востоке, чем на Западе до XVI века, какие решающие условия остановили Китай и развитие современных технологий? Я попытался перефразировать этот вопрос. Если вместо этого предположить, что Китай и Европа двигались в двух разных направлениях в своем научном развитии, мы также можем избежать утверждения, что одна часть мира опережает другую.

А. Д.: А что такое космотехника?

Ю. Х.: Для греков «космос» означает упорядоченный мир. В то же время концепция указывает на то, что лежит за пределами Земли. Нравственность — это в первую очередь понятие, касающееся человеческого царства.

Космотехника, по моему мнению, — это объединение морального и космического порядка посредством технической деятельности. Если мы сравним Грецию и Китай в древние времена, мы обнаружим, что у них очень разные представления о космосе, а также очень отличающиеся концепции морали. Арбитраж между ними тоже происходит по-разному, с разными технологиями.

Космотехника типа «небесной науки» невозможна в наше время, когда больше нет концепции «небес», как это было в прошлом. Как и у других крупных стран, у Китая есть спутники, вращающиеся вокруг него.

Небеса стали мирским местом, используемым людьми, и больше не могут играть роль морально узаконивающей силы.

А. Д.: В «Рекурсивности и непредвиденности» вы говорите о необходимости «рекосмицировать мир». Вы позаимствовали этот термин у Огюстена Берка, который указал, что в современном мире больше нет космоса, понимаемого как моральный и значимый порядок, и что колонизация Западом лишила другие культуры их отличительных концепций космоса.

Он говорит, что у Вселенной, как ее описывают в науке, нет ничего общего с классическим космосом, поскольку научное объяснение не имеет никакого морального значения. Означает ли это, что перед нами стоит задача рекосмизации не только нашего мира, но и самой Вселенной?

Неужели Вселенная, открытая астрономами, все еще ждет, чтобы ей было придано должное моральное значение?

Ю. Х.: Когда мы думаем об астрофизике, мы видим Вселенную как термодинамическую систему, которая неумолимо движется к разрушению и тепловой смерти, где звезды являются не чем иным, как основными элементами ядерных реакций, и где их мерцание не имеет к нам никакого отношения. В этом смысле рекосмизация Земли и Вселенной кажется абсурдной; это не может привести ни к чему, кроме поверхностного мистицизма и наивности.

Астрофизика сообщает нам только определенные факты о Вселенной. У нее нет амбиций рассказывать нам, как жить. Какую жизнь мы должны представить в свете недавних астрофизических открытий? У физики нет цели ответить на эти вопросы.

«Рекосмизация» не означает возвращение звездам и космосу некоторой таинственности или придание технологии мистического значения, а скорее понимание того, что мы должны развивать такие образы жизни, которые разрешают конфликт между современной наукой и традициями, между технологиями и мистицизмом, — говорим ли мы о китайском Дао или Дазайне Хайдеггера.

Мы должны дать нерациональному место в культуре, которая в остальном рациональна, — например так, как поэзия дает неизвестному место в общении посредством нетрадиционного и парадоксального использования языка.

Искусство и философия не могут выбирать науку в качестве отправной точки. Если они это сделают, они станут примечаниями к позитивизму.

Они не должны отказываться от науки, но обязаны указывать ей путь к другим способам понимания мира. Перефразируя Жоржа Кангильема, мы должны вернуть технологии к жизни.

А. Д.: А как насчет людей, которые хотят развивать новые технологии, чтобы начать новую жизнь в космосе? Это тоже космотехника? Например, ракетные миллиардеры Безос и Маск, мечтающие о колониях в космосе и колонизации Марса?

Ю. Х.: В книге Ницше «Веселая наука» (1882 г.) есть замечательный отрывок, в котором он говорит о

Юк Хуэй. Фотография Хадсона Хайдена

«горизонте бесконечного». Он описывает современных людей, которые покинули землю в поисках бесконечного, но, когда они находятся посреди океана, нет ничего страшнее бесконечности — нет больше дома, в который можно было бы вернуться.

Желание современников, описанное Ницше, продолжает вызывать эффект дезориентации, в то время как чувство, что больше нет дома и некуда возвращаться, обеспечивает огромный рынок для психотерапии и духовного спасения. Тоска по бесконечному переносит нас к сверхчеловеческому.

Для Жана-Франсуа Лиотара существуют как положительные, так и отрицательные бесконечности, которые связаны с различными формами рациональности. Позитивистская, плоская сверхчеловечность захватывает нас в жесткие технологические системы, как мы видим в Китае с системой социального кредита.

Положительное сверхчеловеческое — это то, что «внутреннее во мне, больше меня самого» — например Бог для святого Августина. Мы, люди, несем в себе что-то сверхчеловеческое, несводимое к человеческому, но поддерживающее с нами высочайшую близость.

В начале своей книги «Человек» (1998 г.) Лиотар спрашивает, не является ли главной задачей науки готовиться к смерти Солнца, которая, конечно, невообразимо далеко пребывает в будущем, но которая также влечет за собой уничтожение всех живых существ на Земле.

Ракетные миллиардеры, будучи трансгуманистами, хотят преодолеть конечность: конечность человеческой жизни и жизни как таковой.

Это стремление к бесконечному также подразумевает неограниченное накопление капитала.

А. Д.: Окажемся ли мы в положении, когда критика технологий функционирует как часть одной и той же технологической системы, то есть когда критика становится просто еще одним входом, еще одной петлей обратной связи, запрограммированной в механизм?

Если мы действительно мыслим кибернетически, то, когда мы ремонтируем или модернизируем машину, программу или механизм, разве мы не становимся частью машины, инструментом для ее улучшения?

Ю. Х.: Да, согласно тому, что мы называем кибернетикой второго порядка, люди и машины связаны в рекурсивном движении, которое становится примером того, что Гегель называет диалектикой господин-раб.

Для Гегеля эта диалектика была о власти, знании и признании. Мастер использует подчиненного для работы и обслуживания. Но кто здесь хозяин, а кто раб?

Машины — рабы, но в то же время хозяева, потому что люди должны их обслуживать и зависеть от них. Когда мы смотрим на себя как на слуг машины, мы приходим к тому, что Гегель называет несчастным сознанием.

Чтобы преодолеть несчастное сознание, нам нужно либо гегелевское примирение, либо ницшеанское стремление к власти. В настоящий момент, однако, трудно добиться признания машин, если мы не закодируем их жестко, чтобы безоговорочно подчинить себе; это то, что предлагается в так называемой «AI-этике».

А. Д.: Чтобы у нас был реальный выбор в отношении растущего влияния новых технологий, нам также необходимо исходить из того, что технологическая эволюция не является детерминированной, то есть что мы могли бы разработать радикально иные технологии, чем те, которые есть сегодня. Действительно ли мы свободны выбирать и формировать технологии будущего?

Ю. Х.: История случайна, а это просто означает, что могло быть иначе. Если бы монголы завоевали весь мир, у нас была бы другая мировая история и, вероятно, другое понимание истории как таковой. В свете этого важно быть открытым для разных вариантов будущего, чтобы увидеть многочисленные возможности.

То, что наше представление о технологическом будущем действительно имеет значение в наши дни, я могу проиллюстрировать на собственном опыте. Недавно я читал курс философии технологий в Германии, на котором было 25 студентов, в основном гуманитарных специальностей. Я спросил их: «Каким вы видите будущее с учетом последних достижений в области искусственного интеллекта и генной инженерии?» Девяносто процентов из них заявили, что считают наши перспективы на будущее безнадежными.

Причина, очевидно, в том, что у них есть очень определенные представления о будущем, — например, что они будут заменены машинами. Им придется обновиться, чтобы найти место в обществе. Лично я не думаю, что это единственный ответ. Мы не должны уступать таким взглядам, а должны активно им противостоять.

А. Д.: Разве технологический детерминизм, столь распространенный в Кремниевой долине, не является просто шумихой, как если бы он говорил: «Эти вещи уже в пути, так что лучше опередить события, чем утруждать себя сопротивлением»?

Ю. Х.: Эта риторика является причиной того, что все эти технологические компании нанимают футуристов. Хуже всех, конечно, Рэй Курцвейл, который утверждает, что так называемая сингулярность близка, и к 2025 году мы станем бессмертными. Я говорю во всех своих книгах: мы не должны поддаваться такой детерминистской пропаганде из Кремниевой долины.

А. Д.: Как насчет исследовательской программы Илона Маска Neuralink, которая направлена на подключение компьютеров к мозгу? Как вы ответите на его тезис о том, что люди должны обновляться, чтобы оставаться актуальными, когда искусственный интеллект начинает превосходить нас?

Ю. Х.: Очень расплывчато, если не нелогично, сказать, что мы должны опережать технологии, поскольку, если «мы» — это человечество, то оно состоит из этих технологий. Мы в этом случае всегда будем только опаздывать. Исследования интерфейса человек-машина существуют уже давно, и желание усовершенствовать человека (включая интеллект, эмоции и продолжительность жизни) было основной мотивацией для этого вида исследования, также известного как трансгуманизм.

В прошлом совершенствование человека осуществлялось через образование — эстетическое воспитание, физическую дисциплину, интеллектуальное развитие и так далее.

По мнению Маска, образование будет заменено аппаратом с микрочипом мозга.

Это подрывает идею гуманизма Просвещения, согласно которой разум, а не микрочипы, должен быть посредником между человеком и миром.

А. Д.: Так куда же нам нужно двигаться?

Ю. Х.: Люди решили для себя проблемный вопрос: «разрезать» или «соединить». Биотехнология представляет новую евгенику, которая лежит в основе биополитики XXI века. Повышение интеллекта дает больше шансов на трудоустройство и успех. Если вы помните знаменитое японское аниме «Призрак в доспехах» (1995 г.), там анархисты превратились в киборгов, то есть проиграли, по сути, свою битву.

А. Д.: Итак, что нам остается — общая идея о том, что у нас нет выбора, что невозможно отключиться от этих биополитических сетей и грядущих обновлений нашего тела и нашей жизни?

Ю. Х.: Именно потому, что наша идея «прогресса» подразумевает историческое движение к единой цели, она сопротивляется любой автономной тенденции и разнообразию в эволюции. Как следствие, свобода и демократия находятся под угрозой.

Вдобавок к этому идеология Кремниевой долины все чаще рассматривает свободу и демократию как несовместимые цели. Это, в частности, касается инвестора Питера Тиля: для него нет сомнений в том, что свобода в первую очередь означает экономическую независимость, свободу для транснациональных корпораций.

Огромные инвестиции в биотехнологии — это подготовка к тому времени, когда этические ограничения будут преодолены или отменены, чтобы технологии биологического вмешательства могли свободно циркулировать на рынке. Это гигантская сила, которую каждый чувствует, но никто не знает, как она проявится или как люди отреагируют. Для меня это тот момент, когда техногенное разнообразие становится важным и решающим. Если нам не удастся продемонстрировать, что есть другие альтернативы, трансгуманистическая идеология покорит весь мир. А это — шаг к гибели.

А. Д.: Должны ли глобализированные технологии стать универсальными в том смысле, что их будут рассматривать как истинные, необходимые и обязательные?

Ю. Х.: Если вы прочитаете статью Генри Киссинджера «Как заканчивается Просвещение», опубликованную в выпуске The Atlantic за 2018 год, поймете, как Просвещение зависело от новой технологии печатного слова — для распространения своей философии. Киссинджер говорит, что теперь у нас есть технология, которая распространяется, но которой не хватает философии. Это ведет к концу Просвещения.

Однако в этом аргументе есть слепое пятно, а именно то, что претензии Просвещения на универсальность сохраняются даже после его конца под видом «технологии». В этом смысле технология сама по себе становится универсальной. Итак, что нам нужно сделать, так это радикализировать критику Киссинджера, отвергнув это понимание технологического развития как чего-то заданного и предопределенного, то есть как чего-то универсального.

А. Д.: Тем не менее разве мы не должны быть в состоянии принять лучшее из гуманизма Просвещения, которое приучает нас к разуму и позволяет нам перемещаться между нами и миром?

Ю. Х.: Понимание Киссинджером Просвещения ограничено тем, что мы называем Эпохой Разума, которая заключалась в борьбе с суевериями, несправедливостью и бедностью. Распространение идеалов Просвещения важно для понимания современных демократий. Мой ответ Киссинджеру не следует понимать как претензию по отношению к Просвещению.

Проблема, скорее, в том, что своей критикой он способствует универсализации сомнительного мышления. Статья Киссинджера — это приглашение осмыслить новую форму политики, новую форму технологической глобализации и новый мировой порядок. Даже если его статья содержит критическую ноту, она навязывает нам опасный образ мышления, политику, стремящуюся к технологической сингулярности, особенно в отношении военных технологий, наблюдения и управления.

В ближайшие годы все будет вращаться вокруг искусственного интеллекта. Китай, Россия и Америка стремятся быть лидерами в этой области.

Это развитие нельзя рассматривать как продолжение Просвещения. Технологическая сингулярность — это совершенно апокалиптическая, чудовищная цель.

А. Д.: В этом отношении представляют ли глобализация и синхронизация технологий всемирно-исторический уровень риска? Влияют ли эти факторы на климатический кризис, учитывая, что атмосфера Земли поглощает побочные продукты современных технологий? Можем ли мы назвать глобальное потепление отрицательной универсальностью, как это делает Дипеш Чакрабарти, определяя человечество как источник крупномасштабного комплекса проблем?

Ю. Х.: То, что мы сейчас называем антропоценом, является следствием технологической и промышленной экспансии после Второй мировой войны. Основной предпосылкой этого периода роста была быстрая индустриализация. Индустриализация за последние 70 лет — прямая причина глобального потепления и начала антропоцена. Мы стали зависимыми от индустриальной формы жизни, поэтому единственное возможное решение — изменить наши отрасли. Но мы не можем отбросить промышленность и технологии — это утопия. Единственный путь — дополнить их новой мистикой, открывающей радикально новые, нетехнологические возможности жизни.

Источник: On Technodiversity: A Conversation with Yuk Hui. 09.06.2020

ФОТОСОФИЯ — ФИЛОСОФСКИЙ ТРАКТАТ БЕЗ СЛОВ

Михаил Минаков

философ и исследователь в области политической философии, политической теории и истории современности

«В главах «Фотософии» (Киев: Лаурус, 2017), философского трактата без слов, я пытался визуально осмыслить и мысленно визуализировать идеологическую силу зрительной креативности человека», — Михаил Минаков, философ и исследователь в области политической философии, политической теории и истории современности.

Фотография затрагивает три сферы реальности: **видение** (конститутивная человеческая способность), **образ** (воспринятая реальность) и **свет** (необходимое условие видимости образа). Практикуя фотографию, философ может понять видение, образ и свет иначе, чем мысля дискурсивно.

Эта фотографически-философская рефлексия — или фотософия — идет далеко за рамки зеркального отражения показанного и увиденного.

Свет (φῶς) — это то, что единит фотографическое искусство с онтологией: момент выявления бытия совпадает с великим космическим разделением на тьму и свет.

Этот момент особенно выразительно описан в древних гимнах упанишад, где взывают к Брахману:

«Веди меня от небытия к бытию.
Веди меня от тьмы к свету».

(Брихадараньяка упанишада, 3.28)

Разделение тьмы и света делает возможным восприятие светящегося смысла, поскольку в хтонической тьме идеи-эйдосы невидимы. Можно лишь попытаться представить себе форму этих идей во тьме до бытия.

Гегель, например, предпринял попытку представить жизнь идей до сотворения мира в «Науке логики», а Михаил Врубель — в своих орнаментах для киевского собора Св. Владимира.

Фотософский момент космического «разлучения» света и тьмы — это мгновение, предшествующее нравственному отделению добра и зла, когда

«...виде Бог свет, яко добро, и разлучи Бог между светом и между тьмою».

(Бытие, 1:4)

Именно эта доля секунды в огромной истории творения делает фотографию особенной: она действует в моменте, когда нечто начинает видимо отличаться от ничто. В фотософский момент свет позволяет видеть, в то время как соприсутствующая тьма еще отрицает возможность морального суждения. Таким образом, фотософия имеет доступ к миру, в котором еще видны следы хаоса-порядка, до разлучения добра и зла.

Свет делает возможной феноменологию как таковую, в частности ее проект у Мартина Хайдеггера. Свет является предпосылкой для свидетельства феномена (φαινόμενον) о себе, ибо феномен — это явление, то, что являет и показывает себя.

Φαίνω означает «свет, освещенное», поэтому

«φαινόμενα, "феномены", суть совокупность того, что лежит во свете дня или может быть выведено на свет».

(Хайдеггер «Бытие и время» , §7A)

Свет в соседстве с тенью не только проявляют мир в том виде, каким он был до появления зла, но до деления на истинное и ложное. Способность видеть открытое на свету — αἴσθησις — проявляется задолго до λόγος, до познания.

«Αἴσθησις, изначально чувственное восприятие чего-то, является "истинным" в греческом смысле и, действительно, более изначальным, чем упомянутый λόγος».

(там же, §7B)

Примерно в то же время, когда Хайдеггер готовил свою радикальную онтологию, Дзига Вертов стал использовать глаз кинокамеры, чтобы схватывать реальность, в которой присутствуют не только свет и тьма. Камера подарила возможность фиксировать мгновение, собирать эти фиксации и воспроизводить

«График в Бога»
Киев, 2015

реальное в его ритме. Это вдохновило Вертова и его товарищей по «Кинокам» объявить крестовый поход против постановок во славу документалистики. Камера должна документировать реальность в ритме танца света и тени.

Эти фотософические открытия начала XX века воодушевили последующие поколения философов на работу с визуальным. Массовое производство и умножение образов стимулировали философскую работу с визуально-воображаемым, с симулякром и спектаклем. Философская проницательность развивалась одновременно с погружением человека в мир, структурированный визуальными господством и подчинением, где визуальное доминирует настолько, что мир утратил ясность своих очертаний.

В этом отношении Ги Дебор был одним из первых, кто указал на размытость образа реальности.

«Образы, оторванные от различных аспектов жизни, теперь слились в едином бурлящем потоке, в котором былое единство жизни уже не восстановить. Реальность, рассматриваемая по частям, является к нам уже в качестве собственной целостности, в виде особого, самостоятельного псевдомира, доступного лишь созерцанию».

(Дебор, «Общество спектакля», фр. 2)

Дебор торопил философов замечать все новые препятствия на пути доступа человека к своей подлинности, учиться видеть современный мир заново.

«Жемчужный берег»
Свиноуйсьце, 2014

И философия училась видеть вселенную симулякров, скрывающую реальность, и как меняются в спектакле этого мира господство и подчинение.

Один из способов справиться с ситуацией жизни в нарочито показанном мире — практиковать фотографию. Это позволило Сонтаг отвергнуть Дебора и вернуть Платона в обсуждение современности:

«Ненасытность фотографического глаза меняет условия заключения в пещере — в нашем мире. Обучая нас новому визуальному кодексу, фотографии меняют и расширяют наши представления о том, на что стоит смотреть и что мы вправе наблюдать».

(Сонтаг, О фотографии, с. 12)

Сила фотографии — в способности (о)ценить мир и его вещи в новой онтокультурной ситуации.

Таким образом, фотография становится сродни философии. Это слияние лучше всего проявляется в критической силе фотософии, в которой мышление и зрение сливаются воедино.

Фотография — это еще один способ практикования критической философии в эпоху противоречия между визуальной гегемонией и освобождением.

«Падшее просвещение»
Киев, 2015

«Настоящее и сверхнастоящее»
Львов, 2016

«Храм за забором»
Киев, 2013

ПОЛИМАТ* — ЛИДЕР XXI ВЕКА

Согласно основательному исследованию Бернис Эйдусон, охватывающему несколько десятилетий, нобелевские лауреаты в 25 раз чаще, чем средние ученые, пели, танцевали или играли на музыкальных инструментах.

Более того, многие приписывают свои научные открытия именно таким непрофессиональным занятиям.

редакция Huxleў по материалам интервью с

Вакасом Ахмедом

**основателем DaVinci Network,
художественным руководителем The Khalili Collections**

Питером Берком

экспертом по истории культуры нового и новейшего времени, медиевистом

* Полимат — универсальный человек (polymathēs, греч. πολυμαθής — от πολυ «много» и μαθής — «занятия»)

Вакас Ахмед. Фотография Адриана Фиска

Всемирный экономический форум (ВЭФ) объявил познавательную гибкость одним из лучших навыков, необходимых для достижения успеха на рабочем месте в 2020 году. Но что означает когнитивная гибкость?

Я хочу начать с тезиса, с которым многие не согласятся, но который при этом невозможно опровергнуть, если проанализировать историю человечества, его философию, культуру и науку. Сложно отрицать разворачивающийся на наших глазах глубокий экономический, политический и цивилизационный кризис.

И мой тезис таков: из кризиса нас может вывести навык, которым обладает особый тип людей — полиматы.

Полиматами обычно называют людей ренессансного типа, хотя они встречались на всех этапах истории человечества. Поэтому их точнее назвать людьми исключительной кросс-дисциплинарной универсальности, выраженной посредством мысли и/или действия.

«ИЗ КРИЗИСА НАС МОЖЕТ ВЫВЕСТИ НАВЫК, КОТОРЫМ ОБЛАДАЕТ ОСОБЫЙ ТИП ЛЮДЕЙ — ПОЛИМАТЫ» —

Вакас Ахмед,

международный авторитет в области междисциплинарного мышления.

Основатель DaVinci Network — глобального движения, призванного раскрыть многогранный потенциал людей во всем мире.

Художественный руководитель The Khalili Collections — одной из самых масштабных частных коллекций произведений искусства в мире.

Иными словами, они являются многомерными умами, которые стремятся к самореализации в наиболее полном и совершенном смысле. Обладая таким мышлением, они отвергают доминирующую систему пожизненной «специализации» и вместо этого стремятся преуспеть в нескольких, казалось бы, не связанных областях — одновременно или же последовательно.

Квинтэссенцией, своего рода выжимкой из способностей полиматов, является навык, называемый когнитивной гибкостью. Существуют различные определения этого термина, и его часто разбирают в таком свободном стиле.

Некоторые исследователи подчеркивают эффективность способности мозга «переключаться» на различные когнитивные навыки.

Полиматы — это те, кто стремится увидеть нечто интегральное в потоке информации, нечто, что объединяет человека и Вселенную и служит высоким стратегическим задачам, далеко выходя за пределы сиюминутной выгоды и пользы.

В конце XVIII века интеллектуалы стали меньше рассматривать Вселенную как одушевленное существо, а больше — как машину.

В XX веке это превратилось просто-напросто в эпидемию: узкие специалисты полностью вытеснили полиматов. Цена за отказ от «непрактичности» полиматов оказывается очень высокой: социальные кризисы, экологические проблемы, то есть все, что чревато кризисом человечности, в конце концов.

Питер Берк

Polymaths. Challenge of time/ Washingtonpost, 02.10.2020

Другие фокусируются на радикальных сдвигах в мышлении, поведении и взглядах, в зависимости от меняющихся ситуаций или обстоятельств.

Возможно, наиболее удачная и тонкая интерпретация когнитивной гибкости исходит от самого автора теории — профессора Рэнда Спиро. Он описывает это как *«способность самопроизвольно реструктурировать свои знания во многих отношениях, в адаптивном ответе на радикально меняющиеся ситуационные требования»*. То есть она обеспечивает универсальность, необходимую для эффективного решения новых проблем и вызовов.

Какими бы ни были вариации, когнитивная гибкость — это навык с огромными практическими и профессиональными преимуществами. Я уже говорил о полиматах, а в бизнесе это может быть продемонстрировано, когда консультант эффективно переключается в работе с различными клиентами в заметно разных секторах; или, возможно, серийный предприниматель плавно переходит из одного стартапа в другой, из одного сектора в другой и т.д.

Такое переключение может быть одновременным или последовательным, или и тем и другим. Таким образом, это также важно для тех, кто стремится монетизировать несколько талантов и опыт, чередуя работу над различными проектами.

Оптимальный путь к творчеству

Что менее понятно — и все же самое интригующее — это связь когнитивной гибкости с повышенной креативностью и воображением. На самом деле, Спиро настаивает на том, что высшая форма когнитивной гибкости способствует творчеству. Это потому, что оно «требует идей, аналогий, шаблонов и перспектив вне области, над которой вы работаете».

Теперь мы знаем, что многие творческие открытия, которые традиционно связаны с микропрофилизацией, в действительности находились под влиянием универсальности с поддержкой когнитивной гибкости. Возьмите случай с лауреатами Нобелевской премии, которые, к удивлению некоторых, являются одними из самых универсальных умов в мире.

Согласно основательному исследованию Бернис Эйдусон, охватывающему несколько десятилетий,

эти нобелевские лауреаты в 25 раз чаще, чем средние ученые, пели, танцевали или играли на музыкальных инструментах, в 17 раз больше имели шансов стать художниками, в 12 раз — написать стихотворные или прозаические произведения, в восемь раз больше возможностей заняться декоративной работой с деревом или каким-либо другим ремеслом, в четыре раза больше шансов стать музыкантами и вдвое больше шансов стать фотографами.

Более того, многие приписывают свои научные открытия именно таким непрофессиональным занятиям.

Регулярное переключение между, казалось бы, разными областями создает новые пути, которые, в свою очередь, позволяют по-новому взглянуть на конкретную область своей деятельности.

В крайних случаях мы видим такую творческую изобретательность, когда когнитивный сдвиг индуцируется основными «событиями»: неврологическими состояниями, духовными переживаниями, психоделическими наркотиками или средствами, усиливающими познавательную способность, — например синдром внезапного инсайта или шаманская церемония аяуаски.

Мы могли бы начать с радикальной реформы системы образования. В настоящее время учащиеся вынуждены рассматривать знания как фрагментированные, разрозненные школьные предметы и поэтому испытывают трудности, когда реальные проблемы, которые по своей сути являются сложными и междисциплинарными, требуют ответа.

В связи с этим Спиро подчеркивает острую необходимость в системах обучения, которые способствуют «приобретению передовых знаний в сложных, плохо структурированных областях».

Как лучше реализовать, например, интегративное управление и межотраслевые инновации? Или как лучше всего управлять несколькими заинтересованными сторонами, каждая из которых имеет разные точки зрения?

До тех пор, пока бизнес-школы не разработают такие программы, для нас было бы мудро извлекать уроки тех, кто, очевидно, освоил этот навык.

Создание новых связей

Гибкость познавательных способностей чаще всего ассоциируется с уже упомянутыми полиматами — людьми исключительной универсальности, которые преуспевают во многих, казалось бы, не связанных областях. Вспомните Леонардо да Винчи или Бенджамина Франклина; или выдающихся людей нашего времени, возможно, таких как Натан Мирволд, Стори Масгрейв или Мэй Джемисон.

Подобные эрудиты демонстрируют исключительную гибкость познания таким образом, что они могут опираться на множество совокупностей знаний из разных дисциплин, чтобы внести творческий вклад в конкретную область или решить многогранную, сложную проблему.

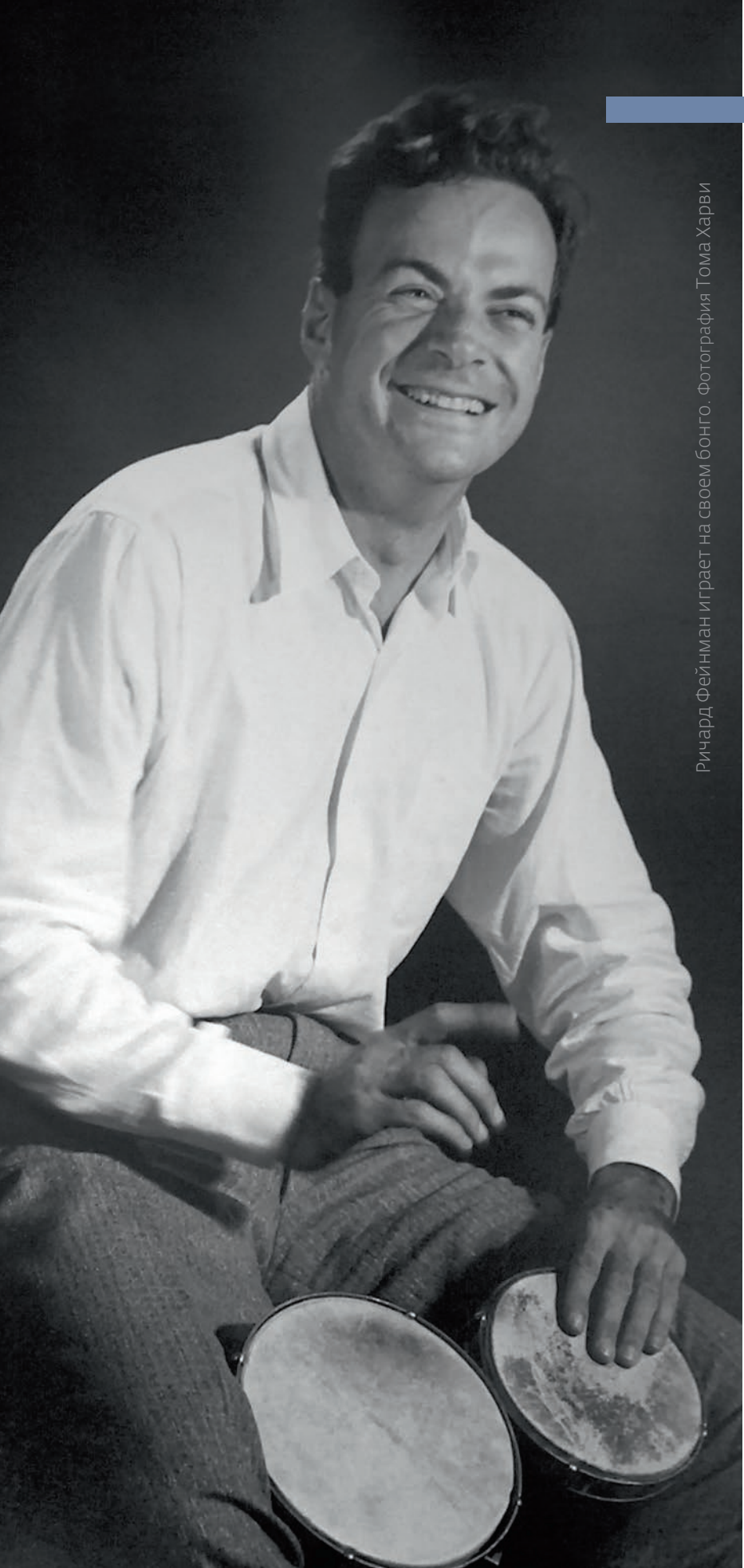
Чему нас может научить подход полиматов?

Методы мышления — восприятие перспективы, параллельное, системное мышление и открытость, дополняемые такими инструментами, как критическое мышление, которые позволяют эффективно применять первопринципы к различным проблемам, имеют решающее значение для развития гибкости ума.

Например, метод параллельного мышления Эдварда де Боно (популяризируемый в его пользующейся спросом книге «Шесть шляп мышления») побуждает группу людей коллективно жить в разных ракурсах, объединяя «шляпы» в группу.

«Если у вас есть творческий ум, — настаивает он, — вы можете стремиться развивать идеи практически в любой области».

Этому, безусловно, помогает непредвзятость. Чем больше областей знаний и опыта мы можем накопить и добавить в наш репертуар, тем больше перспектив нам удастся раскрыть и синтезировать, чтобы сформировать (или, по крайней мере, сообщить) нашу собственную более объемную, более богатую перспективу мира. Открытость — это личностная черта (одна из «большой пятерки»), но даже без такой склонности можно развивать то, что зоолог Десмонд Моррис называет неофильной (любящей знания) тенденцией (или врожденным любопытством), через воздействие нового опыта, постоянное отражение и критику статус-кво.



Ричард Фейнман играет на своем бонго. Фотография Тома Харви

«В ТЕХ РЕДКИХ СЛУЧАЯХ, КОГДА МЕНЯ ПРИГЛАШАЮТ КУДА-ТО ПОИГРАТЬ НА БОНГО, НИКТО НЕ СЧИТАЕТ НУЖНЫМ ПРИ ПРЕДСТАВЛЕНИИ ПУБЛИКЕ УПОМЯНУТЬ, ЧТО Я ЕЩЕ И ФИЗИК-ТЕОРЕТИК» —

Ричард Филлипс Фейнман (1918–1988),

американский физик,
один из создателей квантовой электродинамики.

Лауреат Нобелевской премии по физике (1965), премий Эйнштейна, Эрнеста Лоуренса и т.д.

Являлся членом Американского физического общества, Бразильской академии наук и Лондонского королевского общества.

Он был музыкантом, художником, увлекался биологией, дешифровкой кодов, взломом сейфов, изучением японского языка
и письменности майя.

Его автобиографическая книга «Вы, конечно, шутите, мистер Фейнман!» (1985 г.) стала бестселлером.

Основатель Google Сергей Брин рассказал в одном из интервью, что эта книга вдохновила его посвятить карьеру технологиям, где смешаны наука и творчество.

Создание новых связей также важно. Системный подход, который рассматривает мир как сеть связей, а не как отдельные сегменты знаний, является распространенным мировоззрением полимата. Это повышает когнитивную гибкость, потому что переключение между доменами происходит естественно и без проблем. Фактически он перестает быть переключателем в разуме, а скорее является процессом, посредством которого одна ситуация или поле органично перетекает в другую.

Когнитивная гибкость — это не просто модная причуда, но и обязательный навык, необходимый для навигации по двум фундаментальным реалиям XXI века: нелинейным изменениям и сложности.

Динамичные нелинейные изменения, которые должны ударить по миру труда в ближайшие десятилетия, дают понять, что некоторые формы экспертизы будут иметь более короткий срок годности, чем другие. Это может быть связано с экспоненциальным ростом автоматизации и компьютеризации, или, возможно, потому что данная работа просто перестает быть актуальной для рынка или общества.

В результате серийные изменения в карьере в начале-середине XXI века не будут редкостью. Историк и футурист Юваль Ной Харари в своем «21 уроке для XXI века» заключил:

«Чтобы идти в ногу с миром 2050 года, вам нужно будет не просто изобретать новые идеи и продукты — вам, прежде всего, придется заново изобретать себя в очередной раз».

Это делает когнитивную гибкость — мозговой ключ к переосмыслению — основной чертой, которую нужно развивать в предстоящие годы.

Когнитивная гибкость, пожалуй, наиболее важна для лидеров, сталкивающихся со сложными проблемами. На самом деле, ведущие футуристы, похоже, все чаще соглашаются с необходимостью использования когнитивно-гибких полиматов в качестве лидеров.

Андерс Сандберг, нейробиолог и философ Института будущего человечества при Оксфорде, настаивает на том, что *«по крайней мере в течение следующих нескольких десятилетий, пока машины не станут умнее людей, а они никогда не станут, человеческий эрудит будет очень важен для общества».*

По словам технолога и футуриста Рэя Курцвейла, это связано с тем, что

«все чаще решения проблем находятся на пересечении нескольких областей... эксперты в узкоспециализированных областях могут быть частью команды, но руководителю группы необходимо объединить несколько областей».

Уже не удивительно, что понятия гибкого мышления, универсальности и междисциплинарности (все это в основном обеспечивается когнитивной гибкостью) вместе формируют бурный дух времени в управленческом и деловом дискурсе.

Об этом свидетельствуют недавние популярные книги, такие как «Идеи повстанцев» Мэтью Сайеда, «Эластик» Леонарда Млодинова и «Рейндж» Дэвида Эпштейна, а также бесчисленные статьи и блоги на этот счет.

Влиятельный предприниматель и автор пользующейся популярностью книги «От нуля к единице» Питер Тиль прямо заявляет:

«Многие предприниматели мирового уровня — они не специалисты, они — что-то близкое к эрудитам».

С этим, безусловно, трудно не согласиться.

В итоге полиматы и их навык когнитивной гибкости — единственный маяк грядущих турбулентных перемен.

По материалам Waqas Ahmed. Cognitive flexibility: the indispensable skill that will future-proof your career/ Fast Company, 16.06.2020

МАТРИАРХАТ, ПАТРИАРХАТ ИЛИ БОЖЕСТВЕННАЯ АНДРОГИННОСТЬ

В современном обществе прослеживаются кардинальные перемены в положении мужчин и женщин. Уже давно угасает модель патриархата, мужевластие, в наше время никому не интересна модель матриархата, когда властвует женщина и превращается в маскулинный образ.

Как обрести статус-кво и, не заигрываясь, уйти от патологических форм межличностных отношений? Ответ на этот вопрос помогут найти истины античной и классической философии.

Лариса Тарасюк
доктор философских наук, доцент, преподаватель Института психологии и предпринимательства

Роботизация способа жизни современного человека вытесняет сотворчество, индивидуальное в личности, ее идентичность. Важно задуматься и осознать необходимость настоящей, реальной культуры, которая способствует раскрытию всех потенциальных возможностей в человеке и являет его как со-творца, созидателя и воплотителя своего проекта жизни в целостном единстве.

Современное общество ставит перед нами новые вызовы, которые зачастую не могут обеспечить навязанные псевдоформы.

Человек нуждается совсем в иной культуре отношений, которая обязана быть более человечной.

Андрогинность — феномен целостности человека

Выдающийся мыслитель античности Платон описал в своем известном диалоге «Пир» феномен целостности человека. Согласно ему, ранее землю населяли существа, которые вмещали в себе и мужское, и женское подобие.

Они обладали богоподобными качествами и возможностями. Боги им позавидовали, наслали на них разрушительные силы, и они раскололись пополам. С тех пор каждый человек ищет свою утраченную половинку, но не в буквальном смысле. Речь идет о необходимости восстановления своей утраченной целостности.

Создание такого баланса и гармонии мужских и женских энергий даст состояние целостности и максимальную силу проявить и раскрыть себя.

Андрогинность — это качество целостности человека, которое дает возможность союза всего лучшего в мужском и женском, в отношении к миру.

Например, можно усилить женский фермент в культуре, уравновесить добротой и мягкостью силовые струны в современном мире. Напор, подавление, жесткость можно сбалансировать, оставив свободу выбора, эмпатией, толерантностью. Женские качества способны усилить мужские и наоборот. Мы говорим о таком их сочетании, таковой их гармонии и балансе, которые способствуют максимальному раскрытию личности.

Этика Канта

Этика Канта — это описание морали как высшего, «чистого» отношения человека к человеку, человека как личности к человеку как таковому — как к цели, а не средству. Теория родоначальника немецкой классической философии гласит, что такое отношение между людьми и есть уровень высшей культуры.

Но почему ей так сложно воплотиться в обществе? Возможно, потому что не хватает качеств души, которые смогли бы поднять человека на более высокий уровень развития.

Развиваться, возвысившись над собой прежним

Наш мир — мир количества, не качества, и порой человек теряется и расщепляется количественным в ущерб качественному. Поэтому не насыщается, не имеет полноты во всем. Радости сменяются тусклыми мерцаниями, и людям остаются лишь их подобия.

Человеку необходимо осознанно ориентироваться в выборе культурных и моральных идеалов и ответственно участвовать в формировании своей системы ценностей. Тогда не сложно будет совершить выбор в пользу настоящей духовной культуры, а не довольствоваться ее имитациями.

Стендаль в свое время говорил: «В любви душа обволакивает собой тело, у нагого тела появляется как бы новая душа — любовь».

Платон сказал бы, что, пропитываясь этой любовью, тело становится телесно выраженной душой и душевно наполненным телом.

Культура с истинными ценностями несет заряд моральности, образованности, красоты, жажды раз-

виваться и становиться лучше, она всегда действует созидательно, она не разрушает внутри целостной структуры человека. Более того, она несет любовь, любовь ко всему.

Это — отношения, построенные на высших идеалах, это вытеснение старых моделей отношений, разрушительных и угнетающих достоинство и свободу личности.

Развитие невозможно без утверждения ценностей на личностном уровне, что позволяет реализовать потенциал уникальности, неповторимости своей индивидуальности, формирования качественно новых отношений, новых моделей сотворчества, партнерства.

Модель андрогинности, андрогинной культуры дает возможность проявления всего наилучшего в человеке, что раскрывается через партнерство мужчины и женщины в разнообразных формах.

Революция взаимоотношений между мужчиной и женщиной

Межличностные отношения — это наша культура восприятия, которая желает быть более гуманной. Пересмотрев внутри себя проявление мужских и женских энергий, осознавая их работу в самом себе, человек может подняться на более качественный уровень отношения: к человеку другого пола, к миру, к Абсолюту. Выход из таковой революции — это равенство мужчин и женщин, равенство людей, разных душой и телом.

Качества мужчины и качества женщины могут активизировать друг друга. Мы говорим о таком их сочетании, таковой их гармонии и балансе, которые способствуют максимальному раскрытию личности.

Сегодня существуют разные возможности развития моделей партнерских отношений на основе высших ценностей — любви, уважения, достоинства, свободы, творчества, взаимопонимания.

Леонардо да Винчи. Рисунок андрогина с двумя головами. Фрагмент, 1500-е

Нежность
женское качество.

Заботливость, бережливость
мужские качества.

В сочетании этих двух потоков проявляется тонкость восприятия, теплота в отношениях и в отношении, а также способность понять и раскрыть.

В отрицательном проявлении — грубость и неотесанность провоцируют невежество, хамство.

Почитание
чисто женская энергия, мужскому потоку принадлежит **разумность**.

Рассудительность
В сочетании этих двух энергий рождается благоговение перед жизнью, стремление созидать.

В негативном аспекте проявляется обесценивание, нивелирование, разрушение того, что есть, и крайняя точка этих минусовых энергий — цинизм.

Целостность и целеустремленность
женская и мужская энергия соответственно.
В сочетании двух потоков рождается соборность, полнота, благо.

В негативном проявлении — дележ, желание «урвать кусок», расщепление, в личностном аспекте потеря своей цельности и воли.

Многообразие, широта души
женское качество.

Умеренность
мужское качество.
В сочетании эти энергии дают наполненность, достаточность.

В минусовом — проявляется всеядие (как противоположное женскому многообразию), чрезмерность (противоположное умеренности), скопидомство и крайняя точка — алчность.

Андрогиния
женская энергия.

Андрогинизм
мужская энергия.
Каждая из них проявляет такой баланс и сочетание женского и мужского, который дает наиболее полное раскрытие личности, ее реализацию. При этом в совершенстве проявляются наилучшие качества женских или мужских энергий, соответственно полу. Это цельная личность, которая раскрывает новые программы.

В негативном проявлении — застывание, распад, деградация, расщепление сознания до отклонений психики (крайняя точка).

Имманентность
женская энергия.

Тотальность
мужская энергия.

В сочетании два этих потока дарят покой и способность к самообладанию и могуществу.

В деструктивном проявлении — полное отсутствие себя со всевозможными подменами. Это постоянное проявление себя в масках, когда человек забыл, кто он есть на самом деле, и забыл свою роль (крайняя точка).

Эти примеры указывают на то, что свойства мужской и женской энергии способны усиливать и раскрывать новые качества души.

СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО НУЖДАЕТСЯ СОВСЕМ В ИНОЙ КУЛЬТУРЕ ОТНОШЕНИЙ, КОТОРАЯ МОГЛА БЫ ПРОЯВИТЬ ВСЮ СУТЬ ГУМАНИЗМА.

Лариса Тарасюк
доктор философских наук, доцент, преподаватель Института психологии и предпринимательства, Киев

Система ценностей человека — движущая сила прогресса

Нельзя легкомысленно и поверхностно относиться к системе ценностей человека. Сегодня эти понятия порой покрывают сарказмом, скептицизмом, даже цинизмом.

Человек в ответе за формирование своей системы ценностей, развитие своего мировоззрения. Мы чаще сталкиваемся с дилетантством, чем с профессионализмом.

Здесь очень важную роль играет нравственная составляющая. Потому что одним из ее аспектов является ответственность человека за свои действия, поступки.

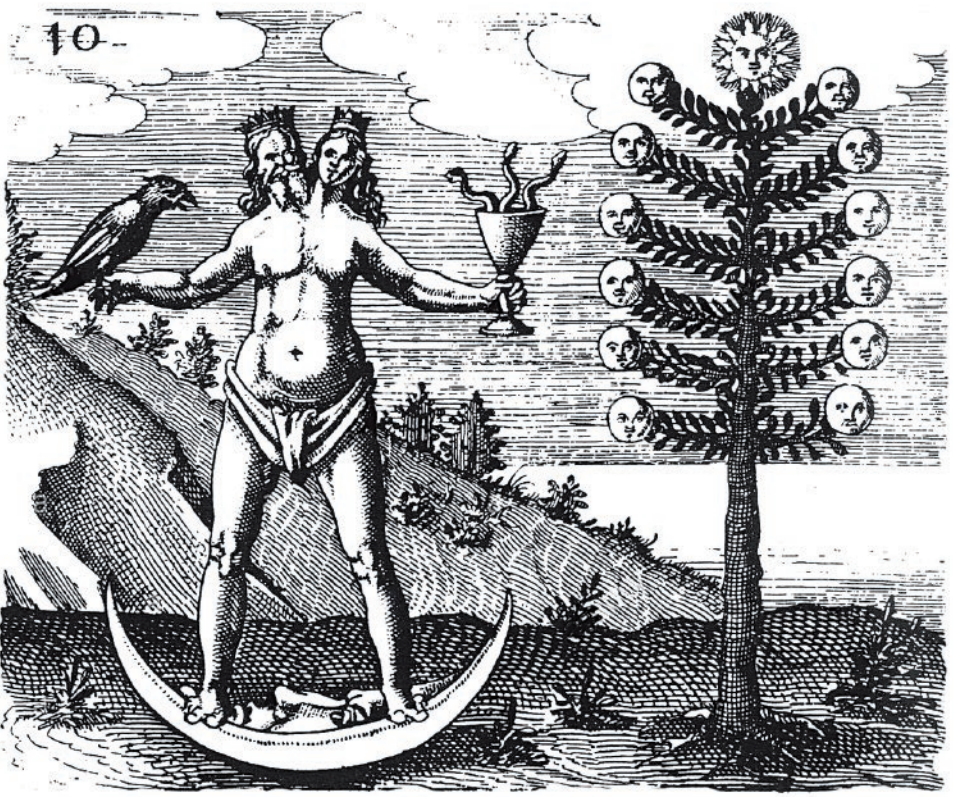
Каждый человек, его система ценностей и есть часть общей культуры. Идеалы духовной культуры выступают единством национального и общечеловеческого. Она невозможна как без ценностей культуры конкретного народа, так и без общенациональных ценностей, созданных человечеством.

Ценностный смысл духовной культуры может выступать движущей силой общественного прогресса только тогда, когда творческий потенциал такой культуры основывается на общей системе ценностей, сформировавшихся на протяжении всей истории.

Современное общество нуждается совсем в иной культуре отношений, которая могла бы проявить всю суть гуманизма.

Тогда человеку не придется выбирать среди различного рода симулякров и псевдоформ.

Его «ясность, точность сознания» будет направлена на истинные смыслы.



Иоганн Даниил Милиус «Андрогин-ребис», Philosophia reformata, гравюра, 1622

THE IDEA PAGE

«Когда вы сомневаетесь в человеке, самое лучшее — это допустить, что он честнее, чем вы полагаете»
ОЛДОС ХАКСЛИ

ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА В СЛУЧАЕ ОТКАЗА ОТ МИСТИКИ: «ВЕЧНАЯ ФИЛОСОФИЯ» ОЛДОСА ХАКСЛИ

Олесь Манюк
кандидат философских наук

Мы — современные люди. И хотя современность включает в себя многое, называя себя «современными», мы прежде всего подразумеваем, что есть некие установки, которые объединяют всех нас в единое целое.

Это убеждения о всесилии науки, необратимости прогресса и почти абсолютный социальный конформизм.

Эти убеждения настолько сильны, что я даже назвал бы их верованиями. Для нас и прогресс, и наука, и т.д. — само собой разумеющаяся и, главное, безальтернативная ценность. Я не сочту преувеличением, если напишу, что социум стал своего рода высшим мерилом всех и вся.

Об этом исчерпывающе написал перуанский писатель, лауреат Нобелевской премии, Варгас Льоса в программной статье под названием «Цивилизация спектакля». Льоса утверждал, что современная цивилизация возвела в ранг высшей ценности развлечения, легкомыслие и избегание всего трудного — в этом солидарно подавляющее большинство человечества.

В итоге все мы попадаем в ситуацию, когда философия и сложная, высокая культура оказываются не просто невостребованными, не просто пребывают где-то на обочине, а обесцениваются, перемещаются в один ряд с модой и кулинарией. Льоса делает неутешительный вывод: сейчас в культуре то место, которое было занято философией, заполнено безымянными креативщиками из рекламных агентств.

Человек в ущербе

От себя добавлю: с наукой, которая ныне по своему влиянию стала чем-то сродни религии, — подобная же история. Что такое наука в классическом смысле? Это постановка проблем и поиск.

А сейчас это машина по конвейерному изготовлению ответов на все вопросы — не случайно появился мем «британские ученые». Особенно это заметно в модных «нейронауках», которые зачастую пытаются свести сознание к функциям нейронных сетей, по сути,

к чистой физиологии. Да и в целом фундаментальные науки уже давно пребывают в стагнации: как заметил один из основателей теории струн, с начала 70-х годов не было выдвинуто ни одной принципиально новой гипотезы в области теоретической физики (прежде всего, квантовой механики). Практически полвека застоя.

Какую картину мы получаем в результате? Вместо личностного разнообразия — однородный социум с отдельными микрогруппами в своем составе. Вместо философии — реклама, вместо религии — наука. Какие же цели в итоге ставит перед собой такой социум? И есть ли у него цели в принципе?

Когда-то Платон рассматривал общество как пространство, в котором происходит раскрытие потенциала человека — в первую очередь его разума и эстетического чувства. Разумеется, материальные потребности также в этом обществе удовлетворялись, но — подчеркиваю — как платформа для обеспечения раскрытия высших способностей. Потом, правда, появился Аристотель с его определением человека — «общественное животное», однако и в его представлении общество — это некое одухотворенное состояние, хотя и регулируемое единым законом.

РАЗВЕ НЕ ТОТАЛИТАРНЫЕ ГОСУДАРСТВА ПРОВОЗГЛАСИЛИ ЛОЗУНГИ БОРЬБЫ С «МИСТИКОЙ И СУЕВЕРИЯМИ»?

А вот в XX веке произошли радикальные изменения. Возникло то, что испанский философ Ортега-и-Гассет назвал «массой». Парадоксально, но социальный и технический прогресс привел к тому, что появилось огромное множество людей, которые в комфортных условиях свели свою жизнь исключительно к потреблению благ цивилизации при полном игнорировании высокой культуры, благодаря которой эти блага возникли.

Такие люди присутствовали во всех социальных стратах, но особенно много их было (и опять парадокс) в среде технических работников и представителей экспериментальной науки (к чему, по Ортега-и-Гассету, предрасполагал сам эксперимент, опирающийся на рутинные, механические операции).

Испанский философ назвал подобных персон «невежественными учеными», которым не требовалось сложное мышление и знание целого, а достаточно было лишь их собственной узкой специализации. И эти тенденции привели к тому, что в развитом индустриальном пространстве второй половины XX века окончательно сформировалось общество, которое немецкий философ Герберт Маркузе назвал «обществом одномерных людей».

Это социум, который обладает, на первый взгляд, множеством личных свобод (особенно в сравнении с прошлым), однако сам феномен личности исчезает — у подавляющего большинства. Люди сформированы практически одинаковыми, да еще к тому же скрыто навязанными потребностями. Потребностями, исходящими из самого низшего витального уровня человеческого существования (фигурально выражаясь, «хлеба и зрелищ»). Результат оказывается ужасающим — витальный образ жизни, жизни потребления удовольствий, становится единственно возможным. Подчеркиваю — безальтернативным, т.е. высокая культура формально не искореняется, не подавляется или отбрасывается, а становится «невидимой», своего рода слепым пятном.

А сейчас — цифровые технологии и технологии искусственного интеллекта доводят (или уже довели) «общество одномерных людей» (или «цивилизацию спектакля», по Льоса) до своего пика. Еще немного — и любые, не только витальные, потребности получат возможность как неограниченного удовлетворения, так и неограниченного разнообразия.

Исчезнет даже скука — как единственная зацепка, способная пробудить осознание.

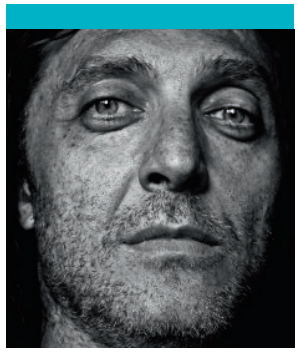
Общество окончательно превратится в сферу услуг, где люди редуцируются до производителей услуг и одновременно их потребителей, без малейшего понимания шокирующей бессмыслицы этого состояния. Общество и люди, его составляющие, поистине и, увы, окончательно станут одномерными. Инакомыслие бу-

дет объявлено болезнью, а здоровьем — наоборот, полное слияние с одномерным социумом.

Но от того, что черное назовут белым, а болезнь — здоровьем, суть не изменится.

Джидду Кришнамурти очень точно написал когда-то: «Приспособление к глубоко больному обществу — не есть мера здоровья».

И действительно, за одномерность придется расплачиваться — лишенное смысла человеческое существование неизбежно включит механизм самоуничтожения — на телесном ли уровне (в виде тяжелых патологий), на социальном (беспричинное насилие или, наоборот, полная социальная «анемия», терроризм, конфликты и т.д. — очень точно такой вариант будущего описан Стругацкими в «Хищных вещах века») или на уровне природных катастроф (экологические бедствия, пандемии, изменения климата и т.д.).



Олесь Манюк
кандидат философских наук, психоаналитик лакановского направления, личный ученик мастера Сяо Вэйцзя (тайцзи-цюань внутренних покоев семьи Ян по линии Ван Юньцюаня), ученик мастера Дзогчен Чогьяла Намкая Норбу

ее, следуя за ренессансным неоплатоником Фичино, вечной философией).

Самое важное в человеческой жизни, а именно ее смыслы, не сводятся и не выводятся из материального (и витального) уровней человеческого существования. Они принципиально им запредельны. Хаксли утверждал, что рационалисты эпохи Просвещения и их наследники — позитивисты, аналитические философы и т.д. — ошиблись, полагая, что тайна, трансцендентное ведет к порабощению человека.

Ссылки на религиозный обскурантизм, по Хаксли, некорректны — поскольку религии по большей части занимались клишированием тайны, превращением ее в перечень примитивных догматов (тоже своего рода плоский рационализм, как ни странно). Но ведь и рационализм стал практически религией, с ее примитивными догматами и ее некритической верой вкупе с фанатизмом.

ДЖИДДУ КРИШНАМУРТИ ОЧЕНЬ ТОЧНО НАПИСАЛ КОГДА-ТО: «БЫТЬ ХОРОШО ПРИСПОСОБЛЕННЫМ К ГЛУБОКО БОЛЬНОМУ ОБЩЕСТВУ — НЕ ЕСТЬ МЕРА ЗДОРОВЬЯ».

Шанс для человечества по Олдосу Хаксли

Можно ли изменить, переломить ситуацию (равносильный вопрос — можно ли избежать катастрофы)? Пусть мизерный шанс, но все же имеется. Об этом написал Олдос Хаксли.

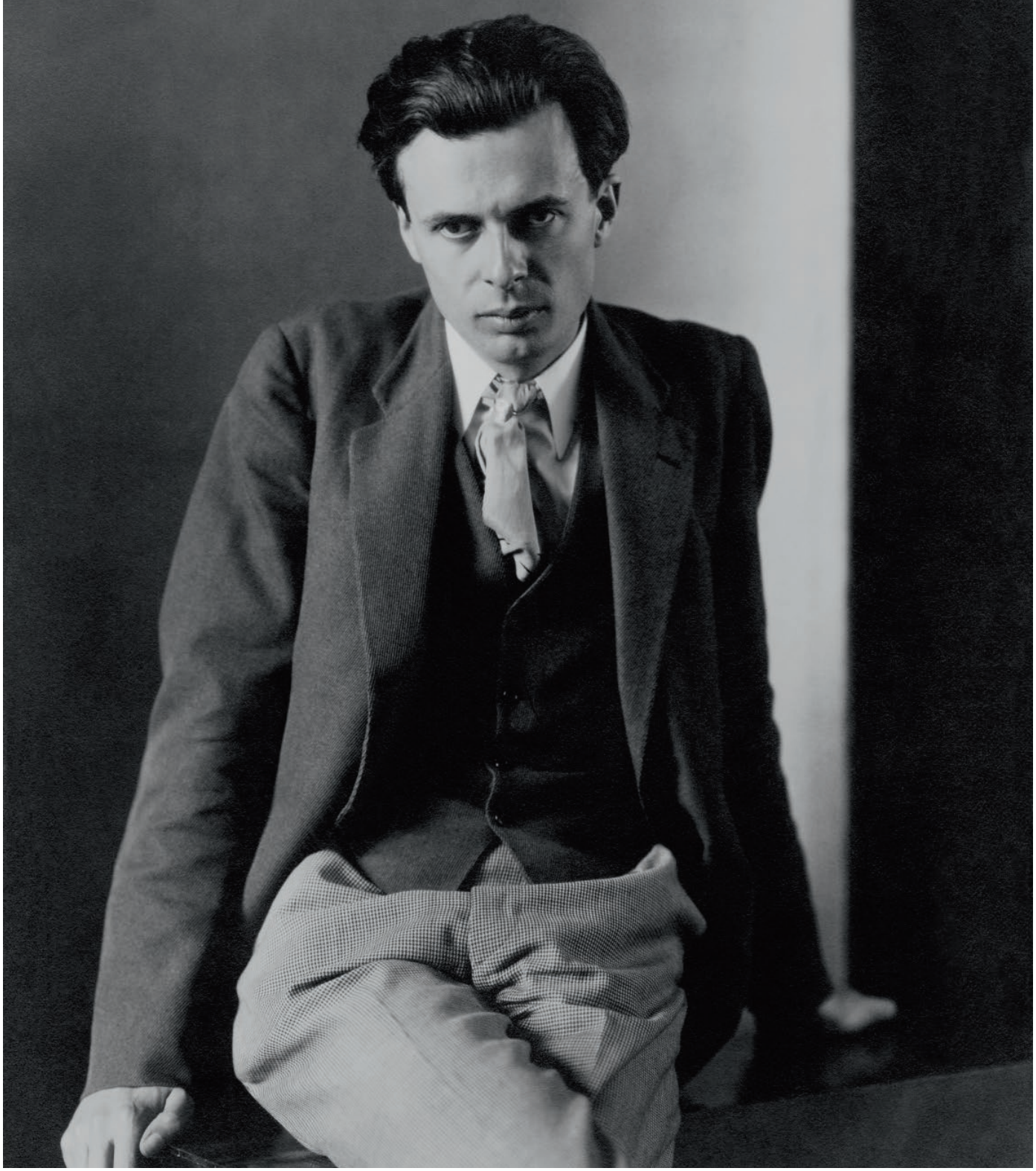
Его предложение: необходимо искоренить или хотя ограничить воинствующий рационализм, стремление редуцировать и мир природы, и мир человека к простым и понятным алгоритмам.

Нужно заново переоткрыть тайну, которая составляла ядро великих метафизических традиций древности (сам Хаксли назвал

Вспомним Французскую революцию, которая началась под знаменами искоренения предрассудков и проповедовала культ Разума. Напомню: закончилась она массовыми репрессиями и гильотиной. Та же история с большевистской революцией, якобы борющейся против предрассудков. Свет разума оборачивается кровавыми жертвами.

Но, видимо, как писал, Гегель, история учит тому, что она ничему не учит. И снова — плоский рационализм торжествует и задает тон, снова пытается — и довольно успешно — искоренить запредельное, не замечая ужасающих последствий своих действий.

Понятно, что послание Хаксли обращено не к таким адептам-фанатикам рационализма,



Олдос Хаксли, 1928 г. www.alamy.com

И ПОТОМУ ХАКСЛИ СНОВА И СНОВА ПОВТОРЯЕТ: «ОСНОВА НАШЕГО УМА И ЖИЗНИ — МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ ТАЙНА, ОТКАЗ ОТ МИСТИКИ В ПОЛЬЗУ ПРАКТИЧНОСТИ И КОНТРОЛЯ ВЕДЕТ НЕ К УЛУЧШЕНИЮ ЖИЗНИ, А К КРАХУ ВСЕЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ».

моментально подвергающим остракизму за «ненаучность» любое инакомыслие (напомню об остракизме Шелдрейка с его гипотезой морфогенетического поля). Хаксли обращается к тем, кто еще способен сомневаться и мыслить, — и рассчитывает на их солидарность. Поскольку иного выхода из кризиса он не видел. Да его и правда не существует. Или солидарность мыслящих и их совместные действия по возвращению запредельного в культуру и общество, или угасание (и гибель) человечества. Не стоит ждать, когда катастрофа разгорится в полной мере, как говорит китайская пословица, «надо лечить болезнь, когда она только проявилась». Нынешняя болезнь общества, увы, проявилась давно — но пока еще время есть. И от каждого из нас зависит — воспользуемся ли мы шансом.

Демистификация губительна для человечества

Когда-то великий философ Людвиг Витгенштейн написал: «Не надо бояться идти сколь можно далеко в поисках истины, истина еще дальше». Олдос Хаксли был одним из немногих гуманитариев XX века, который имел мужество идти так далеко, как мог, и даже дальше.

Проанализировав ловушки и ужасы грядущего в романе «О дивный новый мир» (почти пророческую правоту которого мы можем наблюдать сегодня), Хаксли задал себе один-единственный вопрос: почему будущее окажется столь жутким? Его поиски ответа на этот вопрос привели в область столь необычную, что публикация «Вечной философии» вызвала некоторую оторопь в интеллектуальном истеблишменте. И не без оснований.

В «Вечной философии» Хаксли отправился в путешествие к истокам человеческого разума. Исследуя его начала, обращаясь к разным мыслителям и культурам, Хаксли обнаружил, что природа человеческого ума восходит к Абсолютной Основе всего мироздания. К той самой мистике, победа над которой стала знаменем прогресса. Античные и индийские философы, средневековые теологи, даосские и буддийские мудрецы — все они, согласно наблюдениям Хаксли, настойчиво говорили об одном и том же.

О том, что человеческое сознание не ограничивается телом и выходит за его пределы. О том, что нет явлений и вещей, независимых от сознания. О том, что отказ от мистики практически всегда приводит к плачевным последствиям — и для отдельного человека, и для общества, и для цивилизации в целом.

Напуганное чудовищными событиями XX века, человечество устремилось к ясным и жестким границам позитивистского, научного разума. Попытки уложить мир в узкую, простую и понятную схему большинство выбрало как единственную гарантию недопущения провала в кровавый хаос. Четко, понятно, скоординированно — вот знамя нового порядка. Но разве не под этими же знаменами начинался XX век, век прогресса?

И разве не тоталитарные государства провозгласили лозунги борьбы с «мистикой и суевериями»?

Японский император Хирохито объявил девизом своего правления «эру науки», а знаменита эта эра оказалась чудовищными экспериментами над людьми в отряде 731.

Весь ход послевоенной истории, вплоть до нашего времени, стал периодом все большего превращения личности в «одномерного человека» (по выражению философа Маркузе): плоского, рационального, лишенного тайны.

Почему модные «нейронауки» стремятся окончательно свести тайну сознания к перемещениям электронов по нейронным сетям? А Хаксли предупреждал, что за подобными попытками скрывается лишь страх неконтролируемой реальности природы ума. А попытка контроля закончится падением в варварство и «темные века».

Человечество, очарованное идеей всеобъемлющего контроля, который обещают современные технологии, отшатывается от метафизики, но попадает в итоге не в технологический рай, а в «новые территории ада» (слова Хаксли).

И потому Хаксли снова и снова повторяет: «Основа нашего ума и жизни — метафизическая тайна, отказ от мистики в пользу практичности и контроля ведет не к улучшению жизни, а к краху всей человеческой реальности».

Неужели нам нужна еще одна глобальная катастрофа, чтобы прислушаться к тем голосам философов и мистиков, которые до нас стремился донести Олдос Хаксли?

Глава II

Бизнес

плюс к мирозданию

Виктор Сидоренко
Проект
«Отражение
в неизвестном».
Холст, масло,
190x190 см,
2013

BEST & BRIGHTEST

Huxley публикует высказывания самых ярких представителей бизнеса и общества, слова которых говорят сами за себя.

В партнерстве с KA Group, организатором Business Thinkers Forum

Представим, что вы выпали из рейтинга Форбс. Если это произошло, то какие ошибки привели к этой ситуации?

АНДРЕЙ СТАВНИЦЕР

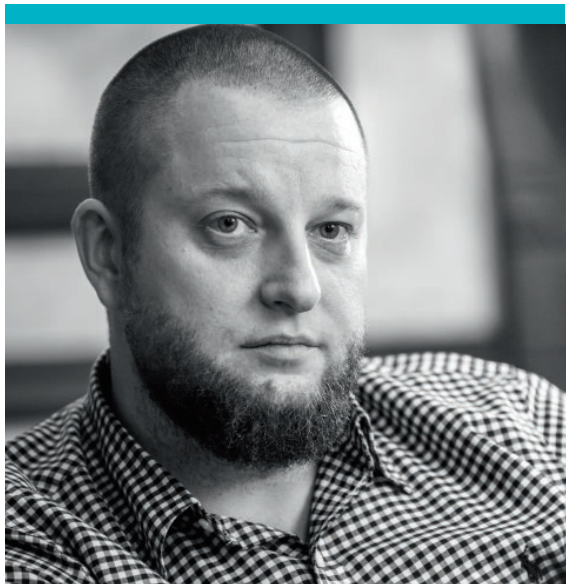
украинский предприниматель, совладелец международного порта ТИС

Давайте не забывать, что деньги не являются мерилом нашего импакта и тех кругов по воде, которые мы генерируем. Можно производить много водки, немного сока и считать, что ты утроил свою капитализацию. А можно очистить океан и не увидеть себя в списке Форбс, но, просыпаясь, думать, что ты круто помог этой планете.

Я не переживаю, выпаду ли я из списка. Вопрос больше в том, как я сам оцениваю свое влияние. Я доволен тем, что я сделал.

Деньги сами по себе ничего не значат. А что вы с ними делаете? Как помогаете своей стране? Социуму или планете?

Вот главный вопрос.



ВЛАДИМИР ЦОЙ

украинский предприниматель и общественный деятель, совладелец и президент группы компаний «MTI»

Скажу искренне и откровенно. Мое личное нахождение в каком-либо рейтинговом списке меня мало волнует, а больше интересует капитализация бизнеса.

Если говорить об ошибках — я отношусь к этому спокойно. Ошибки — это часть предпринимательства, часть бизнеса. Факапы были, есть и будут. Нужно просто делать то, что ты делаешь, и обращать внимание на нужные аспекты: технологии, корпоративный дух и т.д.

Вот и все — рецепт очень простой.

Считаете ли вы себя гражданином мира?

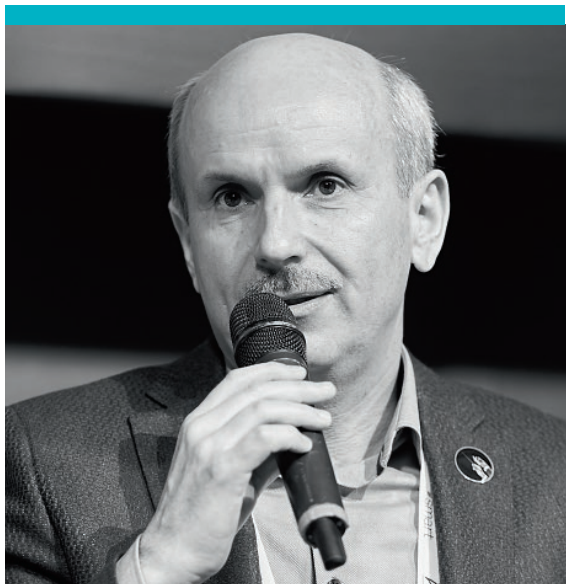
ТАРАС КИЦМЕЙ

основатель SoftServe, ученый и общественный деятель, заслуженный экономист Украины

Я считаю себя гражданином мира. Полностью, от А до Я. У нас есть возможность дотрагиваться до очень многих культур. Я учился в Гарварде, и там люди из Индии говорят: «Мы сегодня вечером идем праздновать. У нас торжество, собирается вся семья» и рассказывают, что у них что-то наподобие Рождества, которое у меня в семье проводится каждый год. Но они не называют это Рождеством — у них что-то другое. Есть очень много общего.

Быть человеком мира — это любить и уважать все культуры, которые нас окружают. Мы не хотим, чтобы у нас был только «Макдональдс», может быть, там доступные цены, но мы хотим, чтобы были рестораны на любой вкус и мы наслаждались.

Мы хотим, чтобы мир был максимально разнообразным. Конечно, прежде всего мы должны продвигать свою культуру, и это наша обязанность, потому что мы с ней выросли, и нас будут уважать настолько, насколько мы понимаем ее и развиваем. Но в то же время я люблю все остальные культуры. Глубоко и честно.



Сейчас говорят о конце «эпохи вождизма». Какие лидеры нужны в наше время?

СЕРГЕЙ ЧЕРНЕНКО

председатель правления «Первого Украинского Международного Банка» (ПУМБ)

В истории банка были яркие руководители — машины по принятию самых разных блиц-решений (от отделки стен и выбора линолеума в отделениях до кредитов на миллионы долларов и т.д.).

Эти же руководители оказывались ограничителями развития организации, атрофировали у сотрудников возможность решать самостоятельно. А сами руководители выгорели, устали и стали пробуксовывать в принятии правильных решений.

Я пытаюсь быть центристом — и жестким, и поддерживающим, когда нужно. Важно наличие сильных людей со мной рядом, фокус на том, что они должны быть разными, представлять различные точки зрения и подходы.

Когда собираешь в команде суперпрофи, то обычно сталкиваешься с сильными, но независимыми людьми. Это может мешать им работать в команде и договариваться друг с другом, собственное эго доминирует и плохо стыкуется с общими целями. Моей задачей стала их синхронизация друг с другом вокруг общих целей и ценностей.

Моя личная сила в создании психологических связей между людьми, в умении гармонизировать, сплотить команду сильных и независимых суперпроффессионалов.

Важная составляющая успешных команд — общие ценности и умение договариваться о приоритетах. В основе всегда уважение. Люди могут быть сверхграмотными технически, но, если они ценностно разные и не в состоянии договориться о приоритетах, — у них ничего не выйдет.

НАТАЛИЯ КРИВДА

доктор философских наук, академический директор Эдинбургской бизнес-школы, автор книг и статей по лидерству и культурологии

Мировые тренды — уважение к человеку, андрогинное лидерство. Важно соблюдать баланс: уважать права меньшинств, но не игнорировать мнение большинства, само право существования понятия нормы. Сонастроенное коллективное пространство в компании сегодня поможет достичь высокого уровня конструктивности.

Будущее за лидерством как служением *(servant leadership)* — когда ты стоишь за командой и учишь, вдохновляешь, даешь возможность делать ошибки, чтобы в будущем их нивелировать. Это лидерство для взращивания молодых руководителей. Оно связано еще и с экологическими ценностями, устойчивостью. Servant-лидер задает политики в компании: какой тон, какое дисперсное влияние можно использовать.

Люди сегодня должны рассматриваться не как ресурс, а как капитал, и как мы обслуживаем финансовый, технологический, репутационный, культурный капитал, так мы должны относиться и к человеческому капиталу.

Назовите основные компетенции и качества управленца сегодня, учитывая смену парадигмы.

НАТАЛЬЯ ЕМЧЕНКО

директор по связям с общественностью и коммуникациям СКМ

«Люди по своей природе существа общественные», — сформулировал Аристотель за пару сотен лет до нашей эры. Точнее — написал в «Никомаховой этике». И в соответствии с этим законом человеческой природы люди существуют вместе. Вместе живут, вместе работают, вместе сражаются, вместе строят. Для этого объединяются. В том числе — в команды.

Я создала Манифест живой Команды — шесть пунктов, шесть мАксим, шесть постулатов:

1) Лидерство — командам. Если ты не делегируешь лидерство сильным, ты очень маленький. И все, что умеет команда, ограничено твоими личными возможностями.

2) Общий рост + общие условия для роста. Если нет, то команда будет неустойчивой, лучшие уйдут (им будет мало и медленно).

3) Равный доступ к успеху. Очень важно, чтобы все функции видели свой вклад в общий успех. И ценили общий успех как свой. Если какая-то функция месяцами не получает доступа к лидеру, его внимания, его обратной связи — она теряет возможность достижения успеха. И начинаются поломки.

4) Равный доступ к ответственности. Обратная сторона равного доступа к успеху.

5) Эксперимент как норма. Со всеми вытекающими: будут ошибки, но будут и прорывы.

6) Обеспечение знаниями и данными. Задача лидера — дать доступ лучшим членам команды к своим связям, к пользователям и данным о них, к лучшей доступной экспертизе.

Команда будущего — это команда-сад. Растущая, плодоносящая, живая.

Мы склонны переоценивать влияние технологий в краткосрочном периоде и недооценивать — в долгосрочной перспективе. Насколько диджитализация важна?

ВЯЧЕСЛАВ КЛИМОВ

украинский предприниматель и общественный деятель, основатель компании «Нова Пошта», президент Союза украинских предпринимателей

Как мне кажется, есть хорошая новость для всех — у нас нет выбора.

Очевидно, что если каждый бизнес, даже тот, который плохо себе представляет свою роль в диджитал-мире, не будет более цифровым, то в течение очень короткого времени он превратится в коммодити.

Если вы не добавите диджитализацию в свои процессы и стратегии, очень скоро ваша маржа приблизится к нулю, потому что есть другие

бизнесмены, которые мыслят с использованием диджитализации и для которых диджитализация является неотъемлемой частью ДНК. Такие платформы стремятся к двум вещам: отсечь вас от конечного потребителя и забрать вашу маржу себе.

Поэтому выбора нет. Вам придется внедрить процесс диджитализации или прекратить существование.

На последнем Давосе как глобальный тренд заявлен «капитализм стейкхолдеров». Если эта идея овладеет умами элит и масс, то привычное представление о частной собственности в «классическом капитализме» уйдет в прошлое. Насколько готов бизнес к подобным трансформациям?

АЛЕКСЕЙ ТИМОФЕЕВ

бизнесмен, сооснователь в Trident Acquisitions Corp

«Прошли те времена, когда общество было вынуждено подстраиваться под предпринимателей. Пришло время, когда предприниматели должны подстраиваться и служить обществу». Эта фраза — цитата из классической работы Игоря Ансоффа «Стратегический менеджмент», датированная 1962 годом. То есть исторические корни у сегодняшних изменений довольно глубокие.

Я вижу в происходящем сегодня проявление глобального макротренда на интеграцию, на пересмотр установленных в обществе границ между его институтами и их относительной важности. Манифестом этого тренда в бизнесе является декларация организации Business Roundtable, объединяющей первых лиц крупнейших американских компаний.

В этом документе, который называется «Заявление о цели корпорации», клиенты, персонал, поставщики, комьюнити и акционеры названы, по сути, одинаково важными стейкхолдерами для бизнеса.

Думаю, данная декларация, вышедшая в августе 2019 года, — это уже вполне отчетливый дорожный указатель, который дает понять, куда будет двигаться социальная система.

Поэтому вопрос, насколько бизнес к этому готов, снимается просто: если не готов, то попадет под гильотину истории. Даже если это не работает сейчас в конкретном украинском бизнесе или контексте, мы должны научиться мыслить из будущего.

Скорость изменений сейчас высока как никогда. И через 10 лет бизнесы, не выполняющие новую парадигму, буду выглядеть, как ржавые утюги на барахолке.

«Способ», 2019.
Фрагмент. Холст, акрил, 150х150 см

«Рай», 2014.
Холст, акрил, 150х200 см

Ольга Оттенхейм, Харьков

родилась 26 мая 1984 г.

Харьковская государственная академия дизайна и искусств

«Цветы на Марсе», 2017.
Холст, акрил, 95х95 см

ГЛОБАЛЬНЫЙ ПРОРЫВ: «ШЕРП»

«Машина для выживания в апокалипсис», «Лучший вездеход в мире», — пишет зарубежная пресса о «Шерпе».

134 млн. Сто. Тридцать. Четыре. Миллиона.

Именно столько людей по всему миру с июля 2020 года посмотрели видеоролик автомобильного блогера Supercar Blondie, демонстрирующий возможности вездехода «Шерп», который выпускается в Киеве. При том, что компания принципиально не платит за рекламу, предпочитая фокусироваться на продукте.

Это был настоящий взрыв. Для «Шерпа» — уже второй по счету. До этого машина в 2016 году появилась в публикации на сайте Top Gear, а также в других зарубежных изданиях.

Влад Школьник и Сергей Самохвалов — основатели компании.

Беседовали Жанна Крючкова,
Вадим Добровольский

Влад Школьник, визионер и главный двигатель ее прогресса, математик по образованию и системный бизнесмен по жизни, обладает предпринимательским видением и инженерным чутьем, непосредственно участвуя в модернизации машины и постоянно генерируя новые идеи.

По признанию Школьника, сегодня он концентрируется не на результате, а на смысле и процессе. Ведь, ставя себе цель, предприниматель не только обозначает вершину, но и одновременно загоняет себя в конкретные рамки. Если не зацикливаться на целеполагании, а думать категорией смыслов, то можно получать удовольствие от процесса и достигать впечатляющих высот. Как показывает пример с «Шерпом», эта концепция работает.

Сергей Самохвалов — первооткрыватель новых рынков на мировой карте и основной интегратор в компании. Инженер-механик по образованию, он считает, что один из самых ценных активов фирмы — доверительные отношения между партнерами и совпадение на ценностном уровне. «Нам не по пути с тем, с кем нам не по пути», — так емко говорит Сергей о жизненной философии партнеров.

ВЛАД ШКОЛЬНИК

«Шерп» — сильный и выносливый

Название компании я придумал сам. Даже помню момент, когда это случилось, — на Бориспольской трассе. Мне хотелось, чтобы это было что-то поэтическое — и в то же время маскулинное, «шершавое» и убедительное, как рашпиль. Так появилось название «Шерп».

Шерпы — это носильщики-проводники в Гималаях, сильные и выносливые. В точности как наш вездеход.

Когда в свое время мы показали машину признанным инженерам украинского танкостроения, эти умудренные опытом «аксакалы» в один голос заявили, что «это» не может ездить. А «Шерп» едет! И не просто едет — машина обладает потрясающей проходимостью на зависть любому танку, колесному или гусеничному вездеходу.

Вердикт ООН: лучшее логистическое решение

«Шерп» — невероятно универсальная машина, в этом ее уникальность. «Шерп» плавает хуже, чем лодка, ездит по горам хуже, чем квадроцикл, по снегу — хуже, чем снегоход, по болоту — хуже, чем судно на воздушной подушке, но весь его смысл в том, что он едет везде. Когда-то он проехал по полярному кругу 10 тыс. км.

Если мы говорим о рациональности, то в ролике, который создала ООН, мы заняли первое место как «лучшее логистическое решение 2019 года». Используя «Шерп» для доставки гуманитарных грузов в отдаленные местности, они заменили одновременно автомобили, суда и вертолеты и окупили его за первый же месяц работы.

В целом, мы всегда идем впереди рынка и показываем покупателям, что они могут использовать «Шерп» для таких нужд, как доставка грузов, спасение людей или тушение пожаров.

Кстати, Украина — одна из немногих стран, кто делает свой взнос в ООН живыми деньгами. Другие страны рассчитываются натурой. Кто-то — боингами, а Россия, например, своими вертолетами. Мы неоднократно обращались с предложением вместо взноса поставлять «Шерпы». Но, видимо, украинские чиновники посчитали, что слишком мелкий вопрос.

Человеческий фактор: борьба с законами физики

Когда наша машина попала в ООН, умный человек подсказал: «Смотри, у них было сто девяносто КамАЗов, и они все их «забраковали». Сказали, что КамАЗы — машина плохая. То же самое сделали с машинами других производителей — все не то».

Главная сложность с «Шерпом» состоит в том, что им действительно легко управлять, но буквально через несколько минут у человека возникает чувство вседозволенности — ему кажется, что законы физики не для него.

Тогда мы договорились с ООН, что на полгода ставим своих специалистов, которые обучат их пилотов и механиков. Как только наш пилот отворачивался, они тут же грузили ровно столько, сколько влезет под потолок, — отваливалось все.

Потребовалось около года, чтобы местные пилоты поняли, что себе дороже. Зато сейчас «Шерпы» трудятся в ООН уже не первый год. И у них уже есть своя репутация.

Творческий поиск: «Я не горжусь»

Однажды мы спроектировали новый «Шерп», будучи полностью уверенными в том, что индукционно это будет очень правильная машина. Более того, лучшие инженеры компаний, поставлявших нам оборудование, ее рассчитали. И сказали: «Да, это поедет». А она не поехала. Потому что все мы думали, что это «как автомобиль», не понимая того, что в опре-

СЕРГЕЙ САМОХВАЛОВ

Бизнес — процесс творческий

Мы не покупали готовый бизнес, а создавали его с нуля. Это творческий процесс: от идеи продукта до открытия ниши в мировом масштабе и выхода на международные рынки. Есть разница между бизнесом, который создаешь сам, и франчайзингом, где получаешь готовые процессы и KPI для сотрудников. Во франчайзинге меньше творчества. Наш бизнес состоит из миллиарда маленьких задач. Каждая из них — и есть творчество.

Бизнес и наука: инженерные кадры

По специальности я инженер-механик. В наше время природный талант, настойчивость и Google сделают любого настоящим инженером. Технологии убежали в космос, а в нынешней системе образования не учат. И мы теряем самых талантливых, динамичных и симпатичных людей.

С другой стороны — в интернете есть все первоисточники. Западные поставщики технологий, оборудования и материалов регулярно публикуют качественные тексты о последних разработках, в том числе и на русском, потому что это международный язык, на котором говорят 300 млн людей. Когда блокируют доступ к научным сайтам на русском языке, возникает перекос, который меняет вектор развития. Из-за этого замедляется прогресс, а страна теряет конкурентоспособность.

У нас была попытка сотрудничества с кафедрами украинских университетов: мы пытались заказать практическую разработку интересующих нас агрегатов. Идея была сделать коммерческий проект с образовательным учреждением, как это происходит в цивилизованных странах. Я был в университетах на Западе. Пожилой профессор во Франции, Англии, США горит, несмотря на возраст, а вокруг него кипит жизнь, и студенты заглядывают в рот. В нашем случае — не сработало. Во многих наших вузах, что называется, «нет жизни».

Нам по-прежнему хочется верить, что в Украине есть инженерные кадры, а наше базовое техническое образование на высоте. Но это не так. За 30 лет появилась огромная яма. Потому что деньги зарабатывались не там, а во власти, в правоохранительных структурах и так далее. И там более живой преподавательский состав, есть люди из действующих структур, и их выпускники добиваются успеха. Там сила, деньги и мотивация.

Те, кто остались преподавать в условном автодорожном институте, — это люди с пониженной мотивацией, согласившиеся получать двести долларов в течение тридцати лет. На эти деньги они вынуждены жить и содержать семью. Все более активные уехали. Государство не поддержало их ни достойными зарплатами, ни грантами, поэтому желание нормально жить вытолкало их из системы образования или страны. Образование — это всегда инвестиции: или государства, или крупного бизнеса. По-другому не будет.

Моя точка опоры — надежный партнер

Я рос на Севере, и это сформировало мой характер. Для меня существуют незыблемые вещи. Партнер — это тот, на кого ты можешь опереться в любой критической ситуации. В условиях высокой неопределенности, когда бизнес штормит, главная точка опоры — твой партнер. Уверен, что Влад ответил бы так же. Мы дружим двенадцать лет, из которых восемь — в совместном бизнесе. Мне крепко повезло иметь такого партнера и одновременно учителя.

Распределение ролей в компании сложилось исторически, учитывая сильные стороны каждого из нас. Стратегию мы разрабатываем вместе. Влад также занимается R&D, стратегическими закупками технологий и курированием производства. Он сочетает в себе множество качеств: он генератор идей, энергичный и любознательный, все время в поиске. А еще он всем верит, но обязательно перепроверит.

деленный момент на правое заднее колесо придется абсолютно вся нагрузка. Миллионы долларов были порезаны на металлолом. Это был хороший опыт. Мне не приходится мучиться сомнениями, какой путь выбрать, куда повернуть: направо или налево. Я экспериментирую и иду туда, куда мне больше нравится. Я перестал сомневаться, когда у меня появилась возможность платить за свои ошибки.

На вопрос «Достаточно ли хорошо это сделано?» мой ответ всегда: «Нет, недостаточно», потому что можно улучшить. Люди часто говорят «пишаюся» или «горжусь». Мне это не близко. Да, то, что сделано, — классно. Но еще интереснее, что будет впереди.

Системное производство: вдохновленные Top Gear

В 2016 году Top Gear сделала о нас публикацию — «Лучший вездеход в мире». Просто на основе нашего ролика в Сети. После Top Gear мы решили инвестировать в создание системного производства. Но если бы на тот момент мы знали, с каким трудностями столкнемся, — точно бы не полезли. Преференций как производитель, работающий на экспорт, мы не получаем. Зато есть абсурдные законы.

Мы отправили машины в условную страну X — это новый рынок, мы несем все риски и не знаем, будут ли продаваться машины. Машины не продались, и мы их вернули. Если вернули больше, чем через 186 дней, — платите ввозную пошлину. Считается, что «Шерп» мы уже импортируем из той страны. Сначала даже не поверил. Наше государство нас наказывает за наши же ошибки при выходе на новые рынки?

Другой пример. У нас есть банковская гарантия покупателя об оплате через 30 дней после прихода контейнера в порт. И под эту гарантию ни один банк в Украине деньги не дает. Должна же быть государственная политика в отношении экспортных компаний? Вопрос риторический.

ОАЭ: Мекка для производственных компаний?

На сегодня лучшая страна для производства — Арабские Эмираты. Войти просто, нет налогов на зарплаты, и ноль других налогов. Только если товар выпускаешь для внутреннего рынка, есть 5% НДС. Это привлекает иностранные компании. Все, что нужно, — деньги и желание.

Мы и сами серьезно задумывались о переносе производства. Но решили: коней на переправе не меняют.

В Украине есть свои плюсы — здесь можно неплохо работать. И сейчас мы приглашаем западных инженеров для усиления R&D на заводе «Шерп» в Киеве.

Содействие на мировой арене: наш посол в Турции

Мы пытаемся расширить рынки сбыта. «Шерп» же на 100% экспортно-ориентированная компания. Это жизненно необходимо, потому что невозможно сделать этот бизнес на маленьком рынке. Маленькие тиражи — это очень дорого.

Мы пытались контактировать с украинскими чиновниками в других странах, где есть наши посольства и потенциальный рынок. Откликнулся только посол Украины в Турции — Андрей Сибига. Он очень помог — организовал встречи с важными турецкими особами.

Я же отвечаю за открытие новых рынков, переговоры на разных уровнях, продажи и персонал. Чтобы успешно с этим справляться, необходимо обладать тремя характеристиками: первое — быть смелым, то есть не иметь авторитетов и не бояться разговаривать с кем-либо вне зависимости от статуса, второе — быть интегратором, и третье — быть честным с другими и самим собой. Думаю, я обладаю этими качествами.

Новые рынки: инвестиции и риски

Ментальность клиентов на разных рынках очень отличается. И, соответственно, строить прогнозы непросто. На постсоветском пространстве клиенты быстрее принимают решения. Загорелся — оплатил. А в США даже самая быстрая сделка — полтора месяца. В странах Латинской Америки — вообще малопрогнозируемо. Одним словом, «маньяна».

Сегодня «Шерпы» разбросаны по миру, часто они находятся в сложных локациях, и везде мы обеспечиваем сервис и создаем региональные склады запчастей. Несмотря на то что «Шерп» прост в обслуживании, мы, продавая вездеходы в условную Намибию, первым делом обучаем местных специалистов. У нас есть программа для сервисных инженеров — на нашем заводе и через дистанционное обучение. Да, это инвестиции, но мы это сделали. Уверен, сервис «Шерп» — лучший в мире в своем сегменте.

Я не знаю ни одного конкурента, который вышел бы на глобальный рынок. Думают — да, решились — нет. Тому, кто рискнет, предстоит совершить невероятное количество ошибок, за которые неизбежно придется заплатить, как это сделали мы в свое время.

В США мы получили сильного дистрибьютора, у меня позитивные ожидания. Этот контракт стал возможен, потому что у нас уже была успешная история: за три года активной работы удалось развить дилерскую сеть в этой стране. Иначе мы были бы в принципе никому не интересны: репутация нарабатывается годами. США и Канада, но США особенно, — очень консервативный рынок. «Джон хочет покупать у Джона». У нас дорогой продукт. Твоим словам «"Шерп" — очень крутой, а сервис обеспечим» не верят. В силу врожденной вежливости тебе мило улыбаются, но не покупают.

Когда-то мы стартовали, руководствуясь внутренними ощущениями, и создавали продукт «для себя любимых», но позднее переориентировались и постоянно развиваемся. Наши конкуренты, с одной стороны, создают неудобства, копируя нас, с другой — помогают, так как расширяют нишу, в которой продаем, а еще — мотивируют. Когда в спину дышат — это бодрит.

Производство: программа ЕБРР

Мы самостоятельно выросли из гаража в производство. Консультанты из ЕБРР помогли нам отладить некоторые производственные процессы. По их совету мы внедрили лин-менеджмент. Стандарты нам очень помогли, хотя и это не панацея. Главное — мы по-другому посмотрели на качество и полностью изменили свое представление о службе контроля. В нашем «советском» мышлении действует бинарная система: пропустить изделие или не пропустить. Однако современный подход состоит в том, чтобы отслеживать весь процесс, пока не обнаружится источник проблемы.

Успех...

С «Шерпом» мы еще не достигли успеха. У нас есть компания и мировой продукт, получивший признание, то есть тщеславие мы, конечно, потешили. Но важен и финансовый результат. Все время чувствую, что амбиции и желание развиваться превышают наши возможности. Я всегда хочу чего-то большего. Я максималист и оптимист — и еще не растерял эти качества.

Корпоративная культура: предпринимательство

Корпоративной культурой мы не занимаемся, у нас нет HR. Но есть ценности, которые близки основателям, и главные лица в компании их разделяют. С самого начала мы стремились создать среду, в которой у свободных людей будет возможность творить.

Наша самая светлая мечта — чтобы каждый рабочий внизу технологической цепочки являлся предпринимателем и был заинтересован сделать деталь качественно и в срок, а затем продать ее нам. Так мы видим идеальное устройство компании.

Мы представили «Шерп», и открылась перспектива экспортных поставок в эту страну. Все, о чем мы просили, — показать нам точку входа. Ведь «Шерп» создается для глобального рынка. К сожалению, это единственный положительный пример.

Правило в бизнесе: систематическая ошибка выжившего

В построении бизнеса «Шерп» я руководствуюсь так называемой систематической ошибкой выжившего — когда при отборе решений пытаются искать общие черты среди «выживших», упуская из вида, что не менее важная информация скрывается среди «погибших».

Поэтому своими неудачными кейсами, обогащающими меня опытом и знаниями, я не собираюсь ни с кем делиться. Нам говорят, что мы — закрытая компания. Возможно. Вы знаете, сколько компаний копирует «Шерп»? Сколько нарушают наши патенты? За все свои ошибки я плачу собственными деньгами — пусть другие делают так же. Зачем конкурентов учить систематической ошибке выжившего?

Самый большой вызов: США

США — очень сложный рынок. Требования EPA (Агентство окружающей среды) и других институций очень высокие и постоянно меняются. Из-за того, что вездеход — машина экстремальная, а их требования не предусмотрены для экстремальных машин. Мы адаптируем, а в результате — все железки становятся тяжелее, дороже, а сама машина начинает терять свойства. Сейчас в США мы работаем через партнера. Плюсы и минусы сотрудничества мы сможем оценить не раньше чем через год.

Успех — это...

Однажды я понял, что все старые цели, которые я поставил в жизни, все до единой, достигнуты — я ищу смысл. Когда у меня появились деньги, чтобы себе позволить заниматься проектами, которые мне интересны, результат перестал интересовать — только процесс. Если мы говорим о зарабатывании денег, то «Шерп» — это один из самых неудачных моих бизнесов. Кроме того, он один из самых тяжелых. Я очень много работаю — по шестнадцать часов в день. Это ограничивает мою свободу. На сегодня это мой единственный любимый бизнес. Единственный, потому что все остальные я уже отлюбил. К счастью, могу себе это позволить — делать то, что люблю. Тут две сложности: первое — суметь заработать, чтобы себе это позволить; второе — суметь понять, почему вообще этим занимаешься.

С «Шерпом» я нашел главное: новый смысл и радость от процесса. И когда это произошло — успех перестал меня волновать.

Илон Маск — герой нашего времени?

Мне очень симпатичен Илон Маск, импонирует его принятие нестандартных решений. Как можно было много лет ничего не зарабатывать и при этом богатеть? Или — где коммерция, а где космос? Все это свидетельство незаурядных талантов. Но я не умею строить бизнес так, как он. Я не знаю, как получить миллиард долларов у государства на развитие. У меня нет лидеров-кумиров. Повторить то, что сделал Илон Маск или Стив Джобс, невозможно, потому что «не в то время, не в том месте, не с той интенсивностью».

О добре и зле: становиться лучше самому

В жизни я сделал немало ошибок. Есть поступки, за которые мне стыдно, есть люди, у которых хотел бы попросить прощения. Можно только становиться лучше самому, и тогда станет лучше мир вокруг тебя.

Еще пришел к тому, что если человек хочет жить в гармоничном мире, то нужно не бороться со злом, а творить добро. С тьмой невозможно бороться, победить ее нельзя — достаточно просто зажечь свет, и не станет абсолютной тьмы. Нужно заниматься собой, развивать себя.

Любимое стихотворение

Роман в стихах «Евгений Онегин».

Иногда увлекаешься какими-то новомодными поэтами, но через какое-то время наступает так называемый «эффект дешевых вещей». С Пушкиным такого не произойдет. Это на всю жизнь.

Но так не получается: на уровне начальников производства люди в той или иной степени обладают предпринимательским мышлением, а ниже, к сожалению, «все по расписанию». По факту наша корпоративная культура — симбиоз джаза и армии. Но мы продолжаем над этим работать.

Ценности компании

Есть три базовые вещи:

1. Держим обещания перед партнерами.
2. Платим по счетам.
3. Не допускаем издевательского отношения к рабочему персоналу.

Любой сотрудник имеет право обратиться к учредителям, и ни один менеджер не заинтересован в том, чтобы рабочие жаловались через голову. Когда кто-то нарушает одно из правил, мы немедленно расстаемся, потому что для нас важно быть честными с собой и окружающими.

«Нам не по пути с тем, с кем нам не по пути», — так мы говорим в компании. Эта фраза о нас. Прямо в точку.

Любимый мультфильм

«Винни-Пух».

«Куда идем мы с Пятачком — большой-большой секрет! И не расскажем мы о нем, о нет, и нет…» *(смеется)*. Этот мультфильм можно разбирать на цитаты бесконечно.

ФУТУРОЛОГИЯ: БУДУЩЕЕ ПО РАСЧЕТУ С ПОПРАВКОЙ НА СЕРЕНДИПНОСТЬ

Футурологии как науке около семидесяти лет. Сам термин «футурология» впервые упомянул Осип Флехтхайм в 1943 году, в переписке с писателем-фантастом Олдосом Хаксли, и назвал дисциплину «философией будущего».

Уже после Второй мировой, с началом масштабных проектов восстановления и прогресса экономики, футурология обзавелась научной базой и сформировалась во фрейм научной дисциплины.

Лана Митченко
программный директор KA Group

Эпоха «джокеров» и «черных лебедей»

В 2020-м у футурологов настали непростые времена. Социум не смог простить им «черного лебедя» пандемических пертурбаций, после нашествия которых в мире стало неуютно, а горизонт планирования катастрофически сократился. Мир вошел в эру «джокеров», где определенность стала роскошью. Предвидеть наступление сингулярности оказалось все еще возможно, а запланировать беспрепятственное путешествие за рубеж — практически утопия из-за перманентно объявляющихся локдаунов и перипетий с тестированием и вакцинацией.

Футуролог — это эрудит, индивидуум с научным и системным подходом к решению задач, он испытывает неподдельный интерес к будущему и смотрит на мир через объектив с 360-градусным охватом, потому что все вокруг взаимосвязано.

Невзирая на ученую степень по философии, экономике, футурологов сегодня обвиняют в генерировании химер и производстве фантастических сюжетов, что не имеет с их причастностью к футурологии ничего общего.

Ведь если фантасты рисуют широкими мазками придуманное грядущее в силу собственного воображения и бэкграунда, футурологи вычисляют будущие тренды и масштабы изменений. Они строят прогнозы-сценарии на базе математического моделирования либо отдают предпочтение экспертному знанию как итогу консолидации и обобщения экспертных мнений — философских, социологических, макро- и микроэкономических.

Четыре из пяти генеральных директоров теперь тратят больше времени, чем когда-либо, на изучение возможных сценариев будущего.

В мире повсеместно появляются государственные и негосударственные организации и исследовательские центры, занимающиеся футурологией. **Всемирная федерация футурологов (World Futures Studies Federation)** в сотрудничестве с ЮНЕСКО сегодня официально участвует в стратегическом планировании на уровне государственных и образовательных структур в Сингапуре, Финляндии, Швеции, ОАЭ, США. Крупные компании (British Telecom, IBM, Google) ввели должности штатных футурологов. Сегодня исследователей будущего нанимают Amazon, Swarovski, Volvo, Dell, Huawei, BBC, Netflix.

Пришло время нового мышления. Компании, которые работают с трендами и сценарным планированием, осознают, что свежий взгляд порой оказывается единственным способом найти жизнеспособные решения и раскрыть потенциал бизнеса, спрогнозировать глобальные долгосрочные тренды во всех сферах.

Расчет против серендипности

Футурология к 2021 году накопила когорту скептиков, считающих ее лженаукой, приравненной к научной фантастике или казусам серендипности.

Серендипность *(англ.* ***serendipity*** *— интуитивность, прозорливость)* — термин, означающий способность сделать вывод на основе случайных наблюдений, найти то, что вы не искали специально.

Если первые футурологи действовали на грани социологии и философии (киберфилософии), то современный футуролог — это профессиональный исследователь будущего, анализирующий тенденции настоящего и составляющий максимально реалистичный хронопрогноз с возможными рисками на локальном и глобальном уровнях. Это больше стратег, вооруженный критическим мышлением, анализирующий ключевые тренды — глобализацию и деглобализацию, диджитализацию, влияние искусственного интеллекта, упрощение бизнес-структур для быстрой адаптации к изменениям.

Футуролог, визионер, трендвотчер, трендспоттер?

Когда речь заходит о футурологии в бизнесе, исследователей трендов будущего называют трендсеттерами, трендспоттерами, трендвотчерами.

Who is who в отношении к футурологии? Все эти номинации синонимичны.

Трендсеттеры устанавливают тренды, запуская их на рынок; трендспоттеры предвосхищают, что именно станет трендом, а трендвотчеры целенаправленно следят за появлением и развитием трендов. По сути, трендвотчеры — это профессиональные трендспоттеры, а непосредственно к футурологам имеют от-

ношение трендсеттеры, которые определяют, что «выстрелит» на глобальном рынке.

Визионеры обладают скорее творческим, чем научным взглядом на будущее. К этой категории относятся стратеги, которые чувствуют тренды, определяющие векторы развития. Они — например Илон Маск, Билл Гейтс, Джефф Безос, Джек Ма — способны вычленить из потока информации ключевой смысл и донести его до социума.

Форсайт и «четыре будущих»

Наибольшей точности футурологический прогноз достигается посредством форсайтов. Для классического форсайта, как философии готовности к будущему и инструмента его формирования, характерно объединение в разные группы методов математического прогнозирования.

Форсайт (от англ. foresight — предвидение) — это систематическая обоснованная оценка перспектив развития технологий, науки, экономики и общества. В рамках форсайта рассматриваются глобальные тренды и внутренние возможности, а также вовлекаются все стейкхолдеры (заинтересованные стороны), формирующие будущее.

Форсайт как глобальный исследовательский проект, методологический прием был изобретен в США корпорацией RAND *(англ. Research and Development)*, американской НКО с функцией стратегического исследовательского центра, работающей по заказам правительства и ВС США. Кроме форсайтов, социологических и математических расчетов, в основу футурологических прогнозов ложится матрица философских выводов.

Если раньше философия выполняла прескриптивную функцию — описывала правила, по которым живет человечество, то сейчас философы осмысливают то, что уже происходит с нами или будет происходить в рамках гуманитарного прогресса и развития человеческого индивидуума, смены его жизненных парадигм.

Профессору Гавайского центра исследований будущего Джиму Датору принадлежит разработка фреймворка «Четыре будущих» для практикования в прогнозировании.

Сценарно спланированное будущее, как правило, опирается на одну из четырех ступеней:

- **Рост** — первоначальная фаза быстрого/медленного экспоненциального развития.
- **Дисциплина** — фаза насыщения, ведь для предотвращения коллапса нужны ограничения.
- **Коллапс** — фаза упадка и повторного использования ресурсов.
- **Трансформация** — сверхэкспоненциальный рост, новая траектория развития.

Среди главных инструментов, которыми должен оперировать футуролог:

- **Межотраслевые исследования** (изучение узких отраслей и результатов работы экспертов в физике, химии и т.д., чтобы составить тренд-пазл из отдельных областей в общую картину будущего).
- **Экспертные интервью с узкопрофильными специалистами** для объективности и реалистичности прогнозов.
- **Форсайт-сессии** — для проектирования долгосрочного будущего с учетом новых ключевых игроков и объединения экспертных данных.
- **Контент-анализ** (вычленение главных инфопотоков и транслирование в понятном формате), работа с использованием искусственного интеллекта и математического моделирования.

«Черные лебеди» во фрейме форсайта

В чем основа любого форсайта? Анализ тенденций и технологий, которые развиваются в настоящее время в рамках определенной сферы. К примеру, растет количество беспилотного транспорта, люди все чаще работают удаленно, возникает глобальное количество систем с big data в основе.

Что же такое «черные лебеди»? Так называют точки бифуркации — они же «джокеры», или «дикие карты» во время форсайт-сессий.

«Счастливый человек слишком удовлетворен настоящим, чтобы слишком много думать о будущем».

Альберт Эйнштейн

Тот факт, что для человечества, глобально сконцентрированного в больших городах, будут представлять угрозу не мировые войны, а пандемии, в свое время озвучивали многие футурологи. Разумеется, они не называли время «Ч» в 2020 году и не идентифицировали как «виновников торжества» конкретно группу коронавирусов. Однако они неоднократно указывали, что люди вступают в мир, где нам угрожают новые опасные инфекции, ведь мы живем в мегаполисах в плотной близости на уровне общественного транспорта, небоскребов, торговых центров, а также массово путешествуем и подвергаем свою иммунную систему встречам с чуждыми испытаниями.

Подобные события крайне редко «ломают» тренды — зачастую они их делают сильнее. К примеру, переход разных бизнес-сфер в онлайн наметился задолго до марша коронавируса. Возникло много новых технологий, образовательных онлайн-курсов, люди работали дистанционно, задачи уходили в аутсорс, а офисы бизнес-центров трансформировались в коворкинги.

Форсайт в рамках глобального исследовательского проекта построен более сложно. В начале проводят предварительные исследования, на их основе строят гипотезы, далее следуют групповые обсуждения экспертов и выводы, которые оказываются базой для прогнозов, проектов карт.

Не всегда получается ограничиться одной форсайт-сессией. Исследования иногда длятся достаточно долго и включают в себя большое число экспертов *(например, при подготовке «Атласа новых профессий 2.0» было задействовано около 40 000 экспертов-футурологов из разных стран мира)*.

10 футурологов, к которым стоит прислушаться

#1. Рэй Курцвейл

Рэй Курцвейл — американский изобретатель и футуролог, который еще в 1976 году основал компанию по распознаванию речи и продал ее за $100 000, а в 1990-м издал первую книгу по футурологии «Эпоха мыслящих машин».

В 2002 году Курцвейл предсказал наступление сингулярности (к 2045 г.), когда искусственный интеллект превзойдет человеческий, однако с выходом книги «Сингулярность уже близко» в 2005 году циники приписали Курцвейлу славу главного гуру эзотерического техномистицизма. Но это не помешало ему стать техническим директором в области машинного обучения и обработки естественного языка в Google.

#2. Юваль Ной Харари

Военный историк-медиевист, профессор исторического факультета Еврейского университета в Иерусалиме, автор бестселлеров «Sapiens. Краткая история человечества» и «Homo Deus. Краткая история будущего», «21 урок для XXI века». В своей последней книге «21 урок для XXI века» Харари утверждает, что умение анализировать информацию приведет к созданию умных алгоритмов, способных предсказывать жизнь и принимать решения за нас.

Харари также предрекает, что на смену либерализму придет новая религия — датаизм. Будучи миксом кибернетики и биологии, датаизм объявит, что Вселенная состоит из потока данных и ценность любого явления или сущности определяется вкладом в обработку этих данных.

#3. Митио Каку

Футуролог, ученый, соавтор теории струн, автор бестселлеров «Будущее разума», «Физика будущего» и «Физика невозможного». Каку декларирует, что наука развивается волнами, волнами инноваций, и мы живем в период четвертой волны (физика на молекулярном уровне: искусственный интеллект, био- и нанотехнологии). А на пороге пятая — эра квантовых компьютеров, нейросетей и ядерной энергетики.

По мнению Каку, система образования со временем трансформируется до неузнаваемости, а новым людям придется всего лишь сыпать идеями по изменению мира. Так появятся в изобилии новые Илоны Маски и Джеффы Безосы.

#4. Джеймс Кантон

Основатель Institute for Global Futures (Сан-Франциско), автор книги «Умное будущее: Управление трендами, которые трансформируют ваш мир». Кантон — консультант трех администраций Белого дома по вопросам трендов будущего. В США считается едва ли не главным мировым футурологом.

#5. Кьелл Нордстрем

По первому образованию инженер, по второму экономист. Доктор философии Стокгольмской школы экономики, автор бестселлеров «Бизнес в стиле фанк», «Караоке-капитализм», «Urban Express», бизнес-гуру из списка Thinkers 50. По прогнозу Нордстрема, через 25–30 лет 80–85% населения будет жить в 600 крупных городах и мировая экономическая активность сосредоточится в мегаполисах, а женщины возьмут на себя роль лидеров в городах и в процессах внутри городов. Основной покупатель — женщины, и этот тренд будет расти.

#6. Александр Бард

Шведский киберфилософ, выпускник Стокгольмской школы экономики, автор понятия «нетократия», а также 5 книг: «Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма», «Новая глобальная империя», «Kroppsmaskinerna» («Тело машины»), «Синтеизм — создание Бога в эпоху интернета», «Цифровое либидо — секс, сила и насилие в сетевом обществе». Нетократия — новая, виртуальная аристократия, основной ценностью которой является информация, а не деньги. Теория Барда посвящена глобализации и виртуализации общества, которому предрекают интернет-революцию.

#7. Джарон Ланье

Ученый, эксперт в области компьютерных наук, величайший инноватор в истории, по версии энциклопедии «Британника», и автор термина «виртуальная реальность». Основатель VPL Research — первой компании, которая продавала VR-продукты. В 2002 году помог Стивену Спилбергу придумать гаджеты для фантастического фильма «Особое мнение». С 2006 года служит в Microsoft научным консультантом. В своей книге «Кому принадлежит будущее?» Ланье изобразил экономику новых времен, в которой за количество персональных данных людям должны платить корпорации и государство.

Лана Митченко
программный директор
KA Group

#8. Кевин Келли

Сооснователь культового технологического издания Wired и автор книги «Неизбежно. 12 технологических трендов, которые определяют наше будущее», суперэксперт по Китаю, где его считают визионером, который знает все о будущем.

#9. Хорст Опашовски

Один из самых известных немецких футурологов, автор бестселлера «Знай, что будет», советник нескольких федеральных канцлеров, в том числе Ангелы Меркель. Хорст избегает слова «прогноз», называя его перспективой, шансом, направлениями развития. Опашовски считает, что задача футурологии не в пророчестве, а в описании возможных сценариев будущего для поддержки позитивных трендов и противостояния негативным.

#10. Джон Саллинс III

Профессор философского факультета университета Сонома (Калифорния, США), киберфилософ, эксперт в вопросах искусственного интеллекта, инженерной и компьютерной этики. В киберфилософии его привлекает возможность при помощи роботов и их искусственного интеллекта отрабатывать философские доводы по устройству человеческого мозга и феномена мышления. Саллинс консультирует инженеров, дает им советы по созданию машин, уважительно относящихся к человеческой этике и морали.

Невероятно интересно, как будут выглядеть города и страны через 20, 30, 50 лет.

Как подготовиться к неизбежным трансформациям, чтобы наш мир не превратился в сюжет киберпанка «Безумный Макс» или «Водный мир»?

THE IDEA PAGE

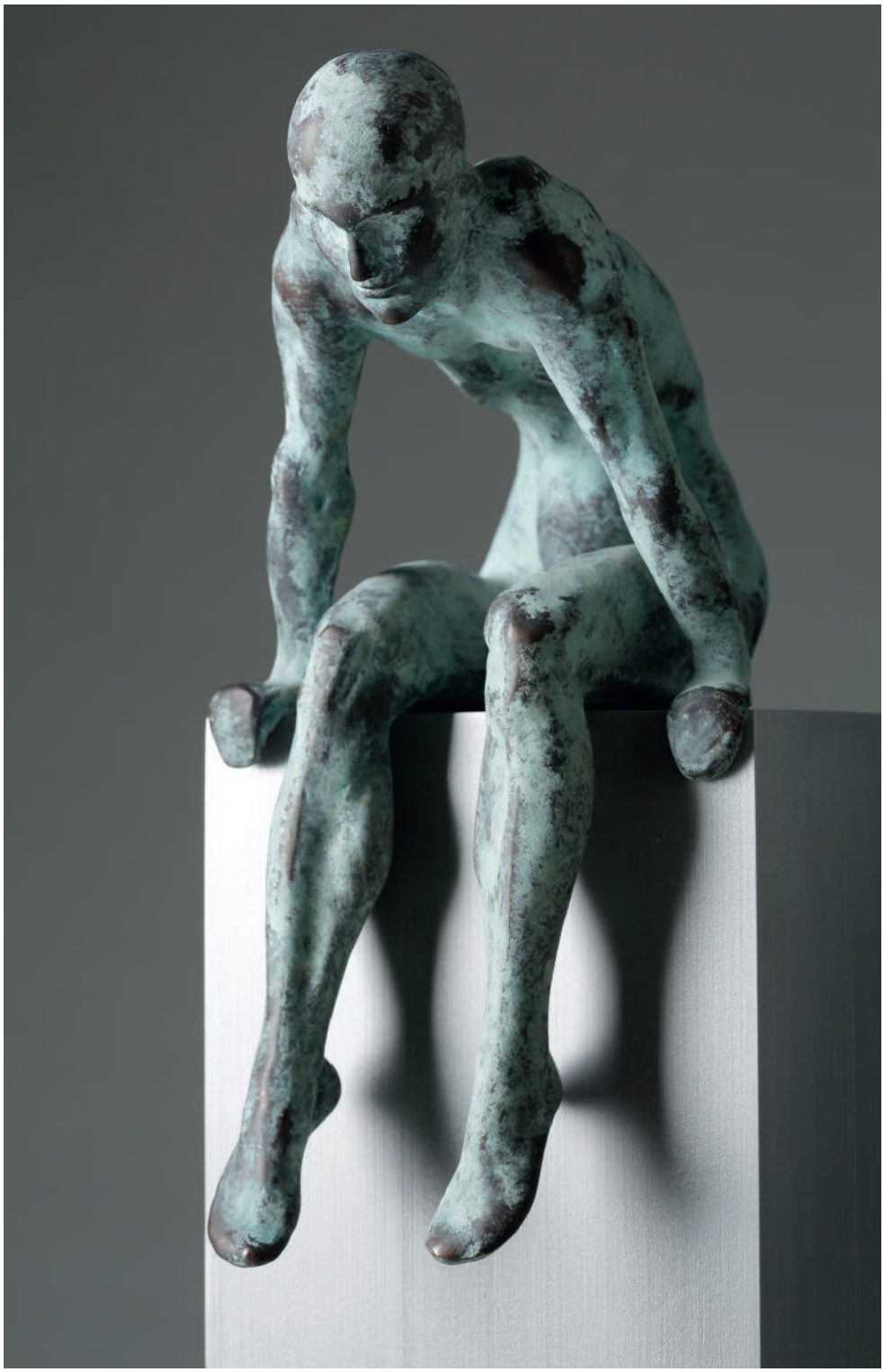
«Самое надежное лекарство от иллюзий — взгляд в зеркало»
ОЛДОС ХАКСЛИ

«Сильф», 2017.
Бронза, алюминий, 62,5x33x25 см

Владимир Цисарик, Львов

родился 3 сентября 1978 г.

Львовская национальная академия искусств



«Философ», 2005
Бронза, алюминий, 46x13x19 см

BUSINESS INTELLIGENCE: КАК СНЯТЬ СВОЙ БИЗНЕС С «ЯКОРЯ» И НЕ РАЗБИТЬСЯ О СКАЛЫ?

Владимир Савчук

управляющий партнер группы консалтинговых компаний «Стратегический партнер», профессор Международного института бизнеса, председатель наблюдательного совета ГК «Нова Пошта»

Четыре года рыскал в море наш корсар,
В боях и штормах не поблекло наше знамя,
Мы научились штопать паруса
И затыкать пробоины телами.

В. Высоцкий
«Еще не вечер»

Эффект якоря

Билл Фрэнкс, ведущий аналитик компании Teradata и преподаватель Международного института аналитики, считает, что человек может принять некоторую степень неопределенности только в том случае, если он сталкивался с подобной ей раньше, когда все работало превосходно. Но что делать руководству компании в ситуации «неопознанной неопределенности»? Когда и почему с бизнесом и рынком что-то явно пошло не так? Открытия, сделанные поведенческой экономикой, говорят о том, что иррациональное поведение пронизывает бизнес-реальность.

Люди склонны переоценивать результаты своей работы пропорционально усилиям, которые они вкладывают в нее. Неудивительно, что в изменившемся контексте сотрудники компании могут работать так же много и хорошо, но результат может отличаться от привычного. Дэн Ариэли, профессор психологии и поведенческой экономики, называет это «эффектом якоря». Привязка к «якорю» происходит, когда ранее предъявленные данные, не связанные с решением актуальных задач, влияют на бизнес-мышление, искажая наши суждения о происходящем. Очевидно, что для современного бизнеса в эпоху big data и диджитализации «вся сила в данных». Но вопрос заключается в том, какие данные о компаниях, потребителях и рынках являются актуальными, как их раздобыть и адекватно интерпретировать? Если настало время для изменений и инноваций, какими они должны быть? И почему именно такими, а не иными?

Представление о тотальной неопределенности, в которой сегодня приходится работать бизнесу, вызвано тем, что руководителю очень сложно увидеть целостную и непротиворечивую картину происходящего. Но какими в таком случае должны быть объективные критерии, на основании которых строятся и корректируются бизнес-стратегии?

Поразмышлять над этими вопросами мы попросили Владимира Савчука, известного украинского эксперта в области стратегического, финансового и инвестиционного менеджмента.

Что-то пошло не так?

Давайте обсудим типичную для отечественного бизнеса ситуацию. Вначале все складывается удачно, и нередко от собственника можно услышать вдохновляющие заявления: «За последний год моя компания выросла на 14 %, рынок активно развивается, конкурентов становится больше, мы активно набираем персонал и расширяем производство, выходим на внешние рынки». Затем ситуация становится сложной, оптимизм угасает: «Мой финансовый директор постоянно ищет денежные ресурсы, банки требуют залоги, а все уже заложено. Фонд оплаты труда — самая быстрорастущая статья расходов. Я не уверен в нашей финансовой отчетности. Мне все труднее управлять командой. Жизнь становится все более сложной». На завершающей стадии эмоции зашкаливают: «Я не понимаю, где мои деньги! Компания неуправляема! Мы летим в пропасть, в полной темноте, без приборов!» Вы никого не узнаете в описанной ситуации? Я знаю десятки подобных предпринимателей. В этом ряду можно обнаружить и владельца гигантского агрохолдинга, и собственника небольшой мебельной фабрики, и директора рекламного агентства, и мелкого частного предпринимателя.

Талант без компетенций не всесилен

Все эти люди прошли сложные испытания, выпавшие на долю отечественного бизнеса: когда-то они сгенерировали блестящую идею продукта или сервиса, зачастую без внешних инвестиций вырастили достаточно большие и известные бренды, тяжким трудом не дали компаниям погибнуть в перманентных финансовых или политических кризисах, защитили их от кровожадных рейдеров и не менее кровожадного государства. Эти люди талантливы, удачливы, трудолюбивы и энергичны. Так в чем же проблема? Одним из главных недостатков этих замечательных людей явля-

ется элементарный дефицит компетенций — в формировании стратегии, управлении финансами и рисками. Это как в спорте: не можешь выиграть потому, что в какой-то момент тренер просто не научил тебя техническому приему. В то же время очевидно, что нет шансов на успех на современных высококонкурентных рынках без самых совершенных стратегических и финансовых инструментов и навыков в арсенале, ведь соревноваться уже приходится с западными или азиатскими бизнесами, за плечами которых десятилетия опыта, да и локальные конкуренты становятся все более компетентными.

Есть ли жизнь без Business Intelligence?

С развитием информационных технологий в бизнесе возникает очень мощный тренд — принятие управленческих решений на основе количественных категорий, или *Data Driven Decision Making*. Эта тенденция проявляется во всех сферах менеджмента, включая такие достаточно неколичественные области, как маркетинг и управление персоналом. Основой принятия решений здесь выступают новые или забытые старые технологии, основанные на анализе данных. В какой-то степени это связано с повсеместной диджитализацией жизни и появлением феномена *big data*.

Вот почему у меня родилось желание системно оформить комплекс принятия управленческих решений на основе количественных категорий. И здесь появляется термин *Business Intelligence* (или коротко BI). Business Intelligence — это тот инструмент, который позволит восполнить недостаток в вашем бизнес-инструментарии, поможет систематизировать стратегические и финансовые технологии, жизненно необходимые вам и вашим бизнесам. Это знания и технологии, до которых у вас просто не доходили руки, пока вы развивали компании и сражались с конкурентами. Наступило время наверстать упущенное.

Business Intelligence подобен здоровому образу жизни отдельного человека или семьи. В обычной жизни можно некоторое время существовать, не придерживаясь правил ЗОЖ, при этом постоянно испытывать недомогание, как физическое, так и ментальное. В бизнесе тоже какой-то период можно прожить без Business Intelligence. Но при этом толком не будешь понимать, почему так часто не хватает денег и как долго сможешь протянуть в таком состоянии.

Я призываю вас потратить немного времени и понять всю полезность и привлекательность Business Intelligence.

Удача и труд не все перетрут

Начну с достаточно общих позиций. Часто предприниматели и менеджеры задаются простым по форме, но неоднозначным в части ответа вопросом: «Что нужно, чтобы быть успешным в бизнесе?» Существует множество взглядов и мнений на этот счет. Не претендуя на истину в последней инстанции, хочу поделиться своей «теорией». Суть ее достаточно проста: успешность бизнеса определяют два не очень экономических фактора. На английском языке эти факторы звучат достаточно лаконично и образно: *Luck* и *Hard Work*. Это удача и упорный труд с полной самоотдачей. Важно подчеркнуть, что необходимо рассматривать эти факторы как единое целое. Предприниматель может «поймать удачу» на старте своего бизнеса и так же «благополучно» потерять ее, если не будет упорно работать. Есть и другая опция: предприниматель упорно и с самоотдачей трудится, и удача в конце концов его находит (хотя, в общем, это не обязательно).

Важно подчеркнуть, что перечисленные факторы создают лишь начальные условия успешности бизнеса — птенец научился летать, но еще не стал птицей. Надо еще многое освоить, чтобы выжить в этой бурной среде обитания. И здесь на помощь приходят разнообразные дисциплины менеджмента.

Как управлять бизнес-кораблем?

Управленческих дисциплин множество, но их можно разделить на две большие группы: фундаментальные и инновационные. Первые создают основу управления бизнесом, вторые позволяют бизнесу развиваться, используя разнообразные новые теории и подходы. Важность дисциплин второй группы трудно переоценить — в них определяются перспективы будущего состояния бизнеса, к сожалению, обычно достаточно хрупкие и неоднозначные. Таких дисциплин становится все больше и больше, но они как приходят, так и уходят, сыграв ту или иную роль. Дисциплины первой группы не обладают столь высокой инновационностью, однако без них не построишь эффективного бизнеса. Зачастую многим руководителям они представляются скучными. Но они — именно то, что называется «must have». Нельзя построить дом без фундамента, он рано или поздно разрушится, и вся инновационная красота его сооружений пропадет.

Business Intelligence включает три основных области деятельности любого бизнеса — стратегия, практическая экономика (финансовый и управленческий учет, финансовый менеджмент) и риск-менеджмент. Именно они составляют тот фундамент бизнеса, на котором будут прочно базироваться все его инновации. Именно эти вопросы являются первостепенной заботой любого собственника и руководителя. Если обратиться к аналогии с кораблем, первый аспект (стратегия) показывает, куда кораблю плыть, второй (финансы) — сколько при этом можно заработать, а третий (риск-менеджмент) способствует тому, чтобы корабль не разбился о скалы. Просто плыть, конечно, можно, но тогда это не о бизнесе.

Где начинается Business Intelligence?

Итак, давайте отправимся в недолгий путь, на протяжении которого нам предстоит понять, что такое Business Intelligence и в чем его полезность.

В основе BI лежат три ключевых положения:

Положение 1. Управление бизнесом должно строиться на основе прозрачной модели, понятной команде менеджеров и позволяющей связать входные ресурсы бизнеса с его конечным результатом за интересующий период времени.

Положение 2. Управление бизнесом осуществляется на основании поставленных целей, которые должны быть оцифрованы.

Положение 3. Для практической реализации BI необходимо использовать адекватную информационную компьютерную систему.

Последнее положение подчеркивает сложность задач, решаемых средствами Business Intelligence. Стоит отметить, что у специалистов по информационным технологиям термин BI имеет более узкую трактовку, обозначая аналитические программные продукты. Приобретя аналитическую систему, как говорят IT-специалисты, вы становитесь обладателем системы BI. Это далеко не так.

Настоящий Business Intelligence начинается в головах менеджеров и заканчивается приобретением аналитической компьютерной программы, что не всегда обязательно, т. к. эффективную систему BI можно построить даже на базе MS Excel.

BI-стратегии: оцифровка целей

Как наглядно демонстрирует рисунок, стартовой точкой BI-управления бизнесом является стратегический менеджмент. Отправной момент стратегического управления состоит в том, что стратегия как феномен персонализирована, т. е. зависит от личности владельца или руководителя. В то же время ориентироваться исключительно на собственные, пусть часто и очень разумные, взгляды на бизнес в целом и на свою компанию в частности недальновидно.

Business Intelligence предлагает набор апробированных на практике стратегических инструментов, из которых собственник и руководитель могут выбрать то, что в наибольшей степени соответствует их взглядам. По стратегии написано много книг, в которых зачастую сам термин «стратегия» трактуется неодинаково.

Особенность BI-стратегии состоит в том, что стратегические цели должны быть обязательно оцифрованы. То, что обычно имеет название KPI, в рамках Business Intelligence трактуется как метрика цели, или количественный измеритель цели. Согласитесь, трудно понять, что цель достигнута, если мы ее не сможем измерить…

BI-учет: стандарты и объективность

Финансовый и управленческий учеты — это два блока, которые составляют информационный фундамент системы управления компанией. Они снабжают данными все последующие функциональные блоки. В чем их основные различия?

BUSINESS INTELLIGENCE — ЭТО ИНСТРУМЕНТ, КОТОРЫЙ ПОМОЖЕТ СИСТЕМАТИЗИРОВАТЬ СТРАТЕГИЧЕСКИЕ И ФИНАНСОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ, ЖИЗНЕННО НЕОБХОДИМЫЕ БИЗНЕСАМ.

Финансовый учет дает агрегированное описание состояния и результативности предприятия. Это описание в одинаковой степени полезно для оценки состояния и результативности компании как собственными менеджерами, так и внешними стейкхолдерами. Для первых это основа понимания того, в какой степени деятельность компании удовлетворяет их амбиции. Вторые могут сложить объективное впечатление о том, насколько надежным бизнес-партнером окажется для них компания. Финансовый учет должен соответствовать международным стандартам, иначе не все смогут его понять, ведь нередко нужно знакомить бизнес с зарубежным партнером.

Управленческий учет — это учет внутренней «кухни» предприятия. Он предназначен для создания оперативной системы принятия решения руководством и обычно конфиденциален. Неформально управленческий учет существует в любой организации, и ценность его применения существенно зависит от того, насколько данные объективны, полезны для принятия управленческих решений и вовремя поставляются. Идеальной схемой ведения управленческого учета на предприятии является создание внутренних стандартов и компьютеризация учета с помощью какой-либо информационной системы.

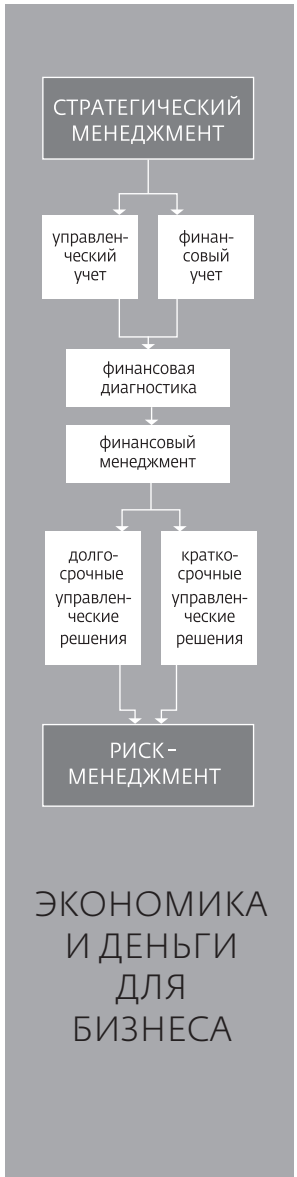
Система управленческого учета создается для решения задач оперативного анализа и руководства предприятием. Основная задача — это управление издержками и прибылью. Именно в этом Business Intelligence усматривает основное назначение управленческого учета, как некой системы поддержки принятия управленческих решений.

BI и финансовая диагностика

На основе данных, поставляемых системами финансового и управленческого учета, производится финансовая диагностика предприятия. Задача финансовой диагностики — вовремя информировать руководство предприятия о тех негативных изменениях, которые произошли на предприятии за последний период времени. Здесь мы имеем дело с такими часто употребляемыми понятиями, как ликвидность, оборачиваемость, рентабельность, финансовая устойчивость и т. п. Важно подчеркнуть, что финансовые показатели не дают исчерпывающей информации обо всех достоинствах и недостатках бизнеса, а являются составной частью более общего комплекса. Управлять бизнесом с помощью только финансовых показателей — это то же, что управлять автомобилем, глядя в зеркало заднего обзора. Этот общий комплекс оформлен в виде сбалансированной системы KPI, или BSC.

Владимир Савчук

управляющий партнер группы консалтинговых компаний «Стратегический партнер», профессор Международного института бизнеса, председатель наблюдательного совета ГК «Нова Пошта»



BI-бюджетирование: текущее и капитальное

Теперь, научившись учитывать и анализировать состояние бизнеса, следует переходить к управлению. Здесь руководитель должен освоить две технологии принятия решений. Первая помогает ему принимать краткосрочные управленческие решения, которые укладываются в составление и контроль текущих (до одного года) бюджетов. Вторая технология имеет дело с управленческими решениями, имеющими более долгосрочные последствия, — покупка нового или модернизация используемого оборудования, строительство завода и т.п. Эта технология в рамках Business Intelligence носит название *«бюджет капитала»*.

В пределах *текущего бюджетирования* рассматривается задача оценки и планирования всех входных и выходных денежных потоков как результат деятельности компании в краткосрочном периоде времени — месяц, квартал, год. Текущий бюджет — это своего рода контракт между командой менеджеров и собственником, в котором зафиксирована мотивация команды при выполнении планируемых значений KPI.

Бюджет выстраивает работу всех членов команды в одном направлении и балансирует их активность: продавец знает, сколько

ему надо продать, производственник — сколько произвести, снабженцы — сколько и в какие периоды закупить сырья и материалов и т. д.

Помимо этого бюджетирование решает сугубо прагматическую цель — заранее оценить нехватку денежных ресурсов и предусмотреть пути дополнительного финансирования.

Капитальное бюджетирование имеет дело с планированием инвестиций предприятия в основные и оборотные средства с целью оценки отдачи от этих инвестиций в долгосрочной перспективе, т. е. в течение нескольких лет. Каждый объект капитального бюджетирования оформляется в виде отдельного инвестиционного проекта, для которого строится прогноз денежных потоков.
Вывод в отношении целесообразности инвестиций делается на основе сопоставления их объема и прогнозных денежных потоков с учетом стоимости капитала, который планируется привлечь для финансирования инвестиций.

Главная задача состоит в том, чтобы оценить, насколько быстро окупятся инвестиции.

BI и риск-менеджмент: не интуицией единой

Замыкает комплекс Business Intelligence риск-менеджмент. «Управлять бизнесом означает управлять рисками бизнеса». Эта аксиома не вызывает сомнений у любого опытного предпринимателя. Пока бизнес небольшой, управление его рисками менеджеры осуществляют на интуитивном уровне, так же, как это делает человек в своей повседневной жизни.

По мере роста компании одной интуиции оказывается мало — надо рассмотреть и проанализировать несколько сценариев развития, попытаться спрогнозировать финансовую отдачу от каждого из них и выбрать наиболее безопасный, но приносящий приемлемую отдачу. Для среднего и крупного бизнеса риск-менеджмент становится неотъемлемой частью управления процессами.

Собственники бизнеса начинают осознавать, что риск-менеджмент создает стоимость и обеспечивает увеличение прибыли компании, так как является эффективной технологией достижения поставленных целей. Кроме того, риск-менеджмент способствует совершенствованию предприятия в таких областях, как здоровье и безопасность человека, защита окружающей среды, корпоративное управление, репутация, соответствие законодательным требованиям.

При более детальном рассмотрении становится ясно, что риск-менеджмент должен стать неотъемлемой частью организационных процессов и процессов принятия решений в компании. Более зрелая оценка полезности риск-менеджмента подскажет его руководителям, что риск-менеджмент должен учитывать существование человеческого и культурного факторов, а также должен быть специально «настроен» с учетом специфики деятельности организации.

Такова современная трактовка риск-менеджмента как технологии управления.

BI — быть устойчивым посреди бури

Технологии, составляющие основу Business Intelligence, часто называют жесткими методами управления (буквально «*Hard Tools*»). Но как адекватно трактовать эту *«жесткость»*?

Думаю, что здесь наиболее уместна аналогия с жестким стержнем бизнеса, который определяет его устойчивость по отношению ко всевозможным факторам внешней и внутренней среды. Обладая таким стержнем, бизнес имеет все шансы устоять в современной турбулентной экономической среде, которая постоянно пугает нас очередным кризисом. В то же время на этот стержень можно успешно «нанизывать» любые инновационные подходы и технологии, которыми изобилует современный период развития бизнес-среды.

В заключение хочу отметить, что постижение технологий Business Intelligence требует времени и усилий. Как сказал поэт — *«служенье муз не терпит суеты»*. Это в одинаковой степени относится и к BI: необходимо найти время и силы, чтобы разобраться в технологиях Business Intelligence.

Но, поверьте, оно того стоит, если вы хотите, чтобы ваши таланты предпринимателя не пропали даром и привели к достойным денежным результатам. Ваш бизнес не простит вам отсутствия внимания к Business Intelligence…

СКОЛЬКО ДЛИТСЯ БЕРЕМЕННОСТЬ АЗИАТСКОГО СЛОНА?

ТЕСТ ДЛЯ ЛИДЕРОВ

Умное лицо — это еще не признак ума, господа.

Григорий Горин,
«Тот самый Мюнхгаузен»

Huxleў предлагает вам поставить над собою небольшой эксперимент. Попробуйте пройти простой, но уникальный по выводам, которые из него следуют, тест. Различные его версии используются во многих бизнес-школах мира, перед тем как их слушатели начинают программу обучения.

Обещаем, что после ответа на эти вопросы вы посмотрите на себя и свое мышление о мире несколько другими глазами...

Правила теста

Время на заполнение: до 10 минут.

Вы можете задействовать все имеющиеся у вас знания, навыки логического мышления и убежденность в очевидности неоспоримых фактов.

Ответы можно давать в диапазоне, в котором, по вашему мнению, находится правильный ответ.

Например, на вопрос *«Сколько весит Эйфелева башня?»* можно ответить *«10000 тонн»*, а можно — *«от «9000 до 11000 тонн»*.

Если вы дали 90% правильных ответов, вы выиграли.

Будьте интеллектуально честными

Естественно, отвечая приблизительно, нужно не забывать об интеллектуальной честности и рациональных границах правильного ответа.

Потому что, если на вопрос *«Сколько весит Эйфелева башня?»* ответить *«от 1 грамма до 1 миллиарда тонн»*, вы в любом случае окажетесь правы.

Но тест, к сожалению, в этом случае не будет иметь никакого смысла.

Рекомендуем пройти тест в компании близких, друзей и коллег, что сделает процесс еще более интригующим.

ВОПРОСЫ ТЕСТА:

1. **В каком возрасте умер Мартин Лютер Кинг?**
2. **Какова длина реки Нил (км)?**
3. **Сколько стран входит в ОПЭК?**
4. **Сколько книг в Ветхом Завете?**
5. **Каков диаметр Луны (км)?**
6. **Сколько весит «Боинг-747» (тонн)?**
7. **В каком году родился Моцарт?**
8. **Сколько дней длится беременность азиатского слона?**
9. **Расстояние от Лондона до Токио (км)?**
10. **Какая самая глубокая точка океана (км)?**

Рембрандт Харменс ван Рейн «Слон». Этюд, 1637. Бумага, черный мел

ОТВЕТЫ:

1. 39	2. 6650	3. 13	4. 39	5. 3474,2
6. 183,5	7. 1756	8. 645	9. 9559	10. 10,994

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ: ОПАСНАЯ САМОУВЕРЕННОСТЬ

Поздравляем вас — вы прошли тест и сверили ваши ответы с правильными. Скорее всего, вы вряд ли дали 9 правильных ответов.

Давайте вместе разбираться, почему результаты тестирования получились именно такими...

“Когда мне было двадцать лет, я признавал только самого себя. Тридцати лет я говорил уже: «Я и Моцарт», сорока: «Моцарт и я», а теперь я говорю уже только: «Моцарт»“.

Шарль Франсуа Гуно, композитор

Знатоки тоже плачут

На основе материалов теста, который мы предложили вам пройти, неоднократно проводился статистический анализ. Он показал, что правильно ответить на все вопросы способно не более 1,5% интервьюируемых. А подавляющее большинство правильно отвечает не более чем на 3 вопроса.

В чем же причина их успеха и неудач большинства? Возможно, в недостаточной эрудиции?

Чтобы проверить эту гипотезу, редакция Huxley попросила ответить на вопросы теста одного из выдающихся интеллектуалов и эрудитов нашего времени *(из соображений личной скромности он просил нас не называть его имя)*. Удивлению и негодованию «человека, который знает все» не было предела, когда его версия относительно возраста, в котором ушел из жизни Мартин Лютер Кинг, оказалась неверна.

Он, естественно, не поверил предложенному нами правильному ответу, пока не обратился к энциклопедиям из личной библиотеки.
«Как же так?! Этого не может быть! Я же точно знал, что он умер в сорокалетнем возрасте!» — сокрушался знаток. Пикантность состояла в том, что этот безусловно умный и эрудированный человек мог расширить диапазон до безопасного предела, и тогда бы он точно оказался прав. Но подвели его отнюдь не интеллект и эрудиция. Его подвела самоуверенность...

Излишняя самоуверенность не так уж безобидна, как может показаться на первый взгляд. Она порождает не только иллюзию «всезнайства», но также бизнес-риски и негативные социальные последствия.

Так, исследования экономистов из Университета Миссури показали, что излишняя уверенность, подогреваемая предыдущими успехами, приводит к фатальным ошибкам на фондовом рынке.

Самоуверенные люди чаще других становятся жертвами мошенников и фейковой информации. Иногда самоуверенность представляет собой и потенциальную угрозу общественному здоровью.

Эксперты «Журнала Американской остеопатической ассоциации», опросив 257 студентов-медиков, выяснили: 50% из них пребывают в абсолютной уверенности, что в состоянии назначить пациенту правильный режим питания. Однако при этом половина из них не смогла пройти тесты на профпригодность.

О чем говорят результаты теста

Аналоги подобных тестов не случайно используют в бизнес-школах в самом начале обучения. Понятно, что студенты Executive MBA — это преимущественно топ-менеджеры компаний, успешные, состоявшиеся люди. Этому успеху в значительной степени способствовали знания и опыт, на которые они привыкли полагаться.

Однако психологи давно заметили одну интересную особенность: уверенность большинства людей в своих способностях (*знаниях, опыте, таланте, профессиональных навыках*) значительно превышает их реальный потенциал.

CEO одной из компаний, проходивший тест, так комментирует: *«Самое сложное — это признаться самому себе, что действительно не знаешь точно ответ на вопрос. Никто не мешал мне задать более широкий диапазон ответа. И, самое смешное, что провалился я как раз на тех вопросах, в которых был максимально уверен».*

Грубо говоря, мы склонны переоценивать себя — так устроено наше самовосприятие. Кроме того, мы чаще переоцениваем силы, когда нужно выполнить сложную задачу и недооцениваем, если речь идет о простой. Лишь у очень небольшого числа людей оценка своих способностей и возможностей является адекватной и сбалансированной.

Питер Белми из Университета Вирджинии убедительно показал, что чем больше у человека достижений на пути к жизненному успеху, тем больше он склонен себя переоценивать — уверенность в себе, в правильности своего образа мышления о мире начинает граничить с самоуверенностью, которая намного опережает рост реальных способностей.

В итоге даже профессионал с большим опытом (онто уверен, что в своем деле «собаку съел»!) неожиданно оказывается некомпетентным и способным на ровном месте совершать самые нелепые ошибки. Причем чем выше профессиональные достижения или статус, тем выше цена, которую мы платим за самоуверенность: «маленький» человек — маленькие ошибки, «большой» человек — большие…

В бизнес-школах тест используют, чтобы продемонстрировать на простом примере, насколько самоуверенность сбивает «управленческий прицел», какие риски и вызовы она может в себе нести.

Вам кажется, что вы знаете ответ на вопрос, который задает вам бизнес, и даже сама жизнь. Но на самом деле самоуверенность, зауживая диапазон возможных вариантов «правильных ответов», является непреодолимым барьером для вашего восприятия и мышления.

«Ловушка эксперта»: самоуверенность как «классовый маркер»

Самонадеянный человек привносит в компанию дополнительные риски, генерируя решения, которые могут вызвать нежелательные последствия. Такие люди при этом, как правило, не лишены некоторой харизмы и способны «зачаровывать» не только себя, но и окружающих.

Уверенность в себе заразительна и легко передается другим. Кэмерон Андерсон, профессор социальной психологии из США, в ряде экспериментов выяснил, что люди склонны воспринимать уверенного в себе человека как компетентного специалиста. Чем увереннее ведет себя человек, тем меньше окружающие допускают мысль о том, что он может ошибаться. В результате за компанию с руководителем или сотрудником может ошибиться организация в целом.

Питер Белми из Университета Вирджинии установил четкую корреляцию между местом человека в социальной иерархии и его самооценкой: ее уровень растет вместе с социальным статусом.

Самоуверенность оказалась почти что классовым явлением: на верхних «этажах» общества она максимальна, на «нижних» — минимальна. Наиболее своеобразно, по Белми, ведут себя представители среднего класса. Чаще других они склонны к демонстративной уверенности, даже если имеющиеся данные полностью не подтверждают их мнение.

Роль убежденности в собственной правоте крайне велика и важна не только в жизни одного человека, но и общества в целом. Можно даже сказать, что в каком-то смысле эта разница психологических потенциалов создает и стабилизирует социальные иерархии.

Белми попросил 286 выпускников университета выполнить задание и потом оценить свою успешность в его выполнении.

Выпускники, доход семей которых превышал $300 000 в год, считали, что дали 60% правильных ответов (*в реальности — только 48%*).

А вот дети из семей с доходом ниже $40 000 себя категорически недооценивали, считая, что ответили правильно на 47% вопросов (*на самом деле — 55%*).

Как избежать самоуверенности

Конечно, как гласит шутливое выражение, **«люди, которые все знают, раздражают нас — людей, которые действительно знают все».** Хотя нужно оговориться, что без уверенности в себе не бывает ни лидерства, ни настоящего успеха, ни эффективного управления.

Люди не склонны следовать за тем, кто преисполнен сомнений в собственной правоте. Они ему попросту не доверяют. Более того, психологи считают, что «ведомые» к «ведущему», генерирующему неопределенность, начинают испытывать антипатию, граничащую с враждебностью.

Поэтому для лидера, как, впрочем, и для любого человека, важно найти золотую середину: научиться различать уверенность и самоуверенность. Уверенность неотделима от самоуважения, уважения мнения других и принятия на себя ответственности — без этого не бывает эффективного управления.

А вот самоуверенность ни в коем случае не следует путать ни с уверенностью, ни с компетентностью.

Нужно осознать, что людям самодостаточным, у которых все в порядке с самооценкой, ни к чему избыточно демонстрировать собственную значимость, исключительность и компетентность. Им чужды всезнайство, всяческое подчеркивание статуса, склонность к саморекламе и доминированию над другими — это та питательная среда, в которой самоуверенность, как вирусная инфекция, размножается с невероятной скоростью.

Раздутое самомнение также является маркером того, что человек плохо ощущает реальные рубежи эго, чувствует болезненную потребность в экспансии за пределы своего «я», во вторжении в границы другой личности. Бескомпромиссность суждений — верный признак того, что «неладно что-то в Датском королевстве».

Замечательными средствами, чтобы не «забронзоветь», могут стать развитое критическое мышление, техники, позволяющие получать качественную обратную связь, и, конечно, тесты, аналогичные тем, которые предложил вам альманах Huxley.

Хорошим противоядием также является принцип, которого придерживался еще Сократ: *«Я знаю, что ничего не знаю»*.

Прекрасная профилактика от самоуверенности — чувство юмора и самоирония, которая, помимо всего прочего, является еще и признаком высокого интеллекта.

Будьте успешны, уверены в себе и почаще вспоминайте фразу, сказанную главным героем бессмертной пьесы Григория Горина «Тот самый Мюнхгаузен»:

«Умное лицо — это еще не признак ума, господа. Все глупости на земле делаются именно с этим выражением лица. Улыбайтесь, господа! Улыбайтесь!»

THE IDEA PAGE

«Отвечая на вопрос, чему меня научили все мои духовные искания и практики,
я ограничусь всего четырьмя словами: постарайтесь быть немного добрее»
ОЛДОС ХАКСЛИ

СЕРИЯ ЗАМЕТОК О МИРОВОМ ФРОНТИРЕ РАЗВИТИЯ

ЗАПИСКИ ИЗ АФРИКИ 1:

ЭФИОПИЯ

Джо Стадвелл

писатель, журналист, доктор наук, преподаватель в Кембриджском университете, автор бестселлера How Asia works

Джо Стадвелл — культовая фигура в мире экономической аналитики. Основанное им еще в 1997 году издание China Economic Quarterly до сих пор является ценнейшим источником информации о экономических процессах в Восточной Азии. Его книгу «Как работает Азия» The Economist и The Financial Times признали книгой года, а Билл Гейтс назвал ее лучшей книгой по экономическому развитию и часто писал об этом.

В последнее время к Азии Стадвелл добавил еще один объект исследовательского интереса — Африку. Специально для издания Huxleў Джо Стадвелл подготовил материал «Серия заметок о мировом фронтире развития. Заметки из Африки 1: Эфиопия».

В свое время Стадвелл приложил немало усилий, чтобы открыть миру Китай. Возможно, для Украины уроки Африки окажутся актуальными. Развивающимся странам есть чему учиться друг у друга и в политическом, и в экономическом плане, так же, как иногда проще открыть перспективы экономического сотрудничества...

Итак, вместе с Джо Стадвеллом отправляемся в Эфиопию, страну, где проживает более 112 млн человек. Эксклюзивный репортаж об этом путешествии — для читателей Huxleў.

Эфиопия переживает, возможно, самый значительный политический кризис на Африканском континенте за целое поколение.

Безусловно, это наиболее серьезная проблема, с которой столкнулась Эфиопия — самое многообещающее государство Африки с точки зрения потенциала развития и вторая по численности населения страна на континенте, с тех пор как правящая коалиция, Революционно-демократический фронт эфиопских народов (РДФЭН), победила в 1991 году маоистскую хунту «Дерг»*, возглавляемую Менгисту Хайле Мариамом.

* прим. редакции. Дерг — временный военно-административный совет и высший коллегиальный орган государственной власти в Эфиопии в 1974–1987 годы.

LIBRARY OF CONGRESS
4
NOV 29 1994
COPY
GEOGRAPHY & MAP DIVISION

Данный кризис является следствием решения премьер-министра Абия Ахмеда Али в начале ноября начать военные действия против Народного фронта освобождения Тыграя (НФОТ).

С 1991 года и до того момента, как Абий — эфиопов традиционно называют по именам — стал премьер-министром в апреле 2018 года, НФОТ доминировал в правящей коалиции РДФЭН.

Несмотря на то что в северном федеральном штате Тыграй проживают всего лишь 6 процентов населения Эфиопии, тиграи доминировали в кабинете министров, получали большинство руководящих должностей на государственной службе, командовали федеральной армией и занимали ключевые должности в разведывательных службах.

«Власть, — заметил британский историк лорд Актон, — имеет свойство развращать, а абсолютная власть развращает абсолютно».

И хотя до прекращения существования НФОТ в 2012 году им руководил, возможно, наиболее эрудированный лидер в области развития, которого когда-либо видел мир, Мелес Зенауи, Фронт обладал чем-то близким к абсолютной власти.

Тиграи получили контроль над большей частью экономики столицы — Аддис-Абебы, и значительная доля их денег была заработана неправедно. Армия участвовала в широкомасштабных контрабандных операциях с использованием федеральных военных транспортных средств. Она мошенническими путями получала крупные суммы благодаря контролю над крупнейшим энергетическим проектом Африки — шестигигаваттной Хидасэ — Плотиной великого возрождения Эфиопии (ПВВЭ) на границе с Суданом.

Коррупция никогда не была клептократией в стиле Кении или Демократической Республики Конго, но она задерживала проект строительства критически важной плотины — ГЭС Хидасэ — и все больше препятствовала развитию экономики, которая росла, несмотря на голод и ужасную бедность, на 10 процентов в год. Итак, Абий, выходец из самой большой, низменной этнической группы оромо, представляющей 35 процентов населения Эфиопии, решил ликвидировать НФОТ. Было ли необходимо делать это военным путем — как пытался сделать Абий — и была ли возможность использования политического решения вместо этого, является предметом интенсивных споров — как в Эфиопии, так и в международных дипломатических кругах. Здесь, как и в любой контрафактической ситуации, мы никогда не узнаем абсолютной правды.

Точно так же является сложным и вопрос о том, какая сторона первой начала боевые действия между федеральными силами и НФОТ. Правительство Абия Ахмеда Али говорит, что 3–4 ноября 2020 года НФОТ атаковал базы и штаб сил федерального Северного военного округа, взяв на себя командование силами этнических тиграев и незаконно завладев огромным количеством военной техники. НФОТ заявляет, что передвижение войск на границах Тыграя и Эритреи до этого нападения ясно показало решимость Абия придерживаться идеи военной конфронтации, и что Фронт действовал в порядке самообороны.

Как и в случае с истоками Первой мировой войны, разные аналитики могут спорить.

Не какая-нибудь там средненькая империя

События, происходящие в Эфиопии, невозможно понять без осмысления исторического и этнического

В 2019 году из 30 самых быстрорастущих экономик мира 16 были именно африканскими. Коронакризис существенно откорректировал планы жителей Африки.

Вместе с тем The Economist пишет, что пандемия может дать толчок слабым экономикам. И они будут развиваться быстрее, чем сильные.

На наших глазах разворачивается схватка мировых игроков за Африканский континент. Страновые риски здесь несоизмеримо выше среднеевропейских, но при этом и с высокой доходностью инвестиций в африканские проекты мало что сегодня может сравниться.

Карта Эфиопии, административное деление. Библиотека Конгресса США

наследия этой страны с населением 112 миллионов человек.

Подобно Германии, России или Китаю, Эфиопия развивалась как империя, которая состояла из сопредельных территорий и расширялась на своей периферии. Доминирующим народом в этом процессе построения империи были горцы, стремящиеся к расширению из-за демографического давления и желания получить более плодородные земли. Чтобы выразить свои экспансионистские инстинкты, тиграи используют термин «абай», который примерно соответствует немецкому слову «lebensraum» *(буквально «жизненное пространство»)* времен колониальной эпохи. Но до тиграев поисками жизненного пространства руководили их соседи амхара.

Менелик II, негус-негести («царь царей») Эфиопии (Абиссинии) с 1889 года. Основал новую столицу своей державы — Аддис-Абебу.

Фотография из книги Р. Панкхерста «Эфиопы: История», 2001 г.

В последнее десятилетие XIX века и первое десятилетие XX император Менелик II захватил большие участки низменной территории в юго-западном направлении — до нынешней границы с Кенией, в юго-восточном направлении — в сторону сегодняшней Сомали и на западе — до нынешних границ Судана и Южного Судана.

Он также был единственным африканским лидером, который победил целую европейскую армию (а конкретно — итальянскую) при Адве в Тыграе в 1896 году.

Преемником Менелика стал император Хайле Селассие, коронованный в 1930 году в новой столице империи Аддис-Абебе *(об этом событии блестяще рассказывается в книге Ивлина Во «Далекие люди»)*.

До коронации Хайле Селассие называли «Рас Тафари», или принцем Тафари. Потомки ямайских рабов решили, что этот маленький человек, африканец, который загнал белого человека в угол, на самом деле был живым богом, и построили вокруг него принципы растафарианства. Однако не все было так уж просто.

В 1935 году армия Муссолини вернулась в Эфиопию с химическим оружием, убив сотни тысяч человек, и оккупировала страну на пять лет. Итальянцы уже захватывали Эритрею с 1889 года. Однако в 1941 году они потеряли свои владения на Африканском Роге в результате кампании союзников в Восточной Африке. Рас Тафари и Эфиопия снова стали свободными, а в 1952 году император аннексировал Эритрею.

Хайле Селассие продолжал править на протяжении еще 30 лет. Он изъял промышленные заводы, которые итальянцы организовали в Эритрее, и перенес их в Аддис-Абебу, построив свою столицу на этническом перекрестке страны и следуя логике, аналогичной логике испанцев, когда они дали значительный импульс появлению столицы в середине своего беспокойного государства. Тысячи эритрейских бизнесменов, квалифицированных рабочих и технических специалистов перебрались в Аддис-Абебу.

Хайле Селассие был в некотором смысле реформатором. Однако он также был аристократом, импера-

Хайле Селассие. Последний император Эфиопии. Фотография из архива Библиотеки Конгресса США

тором, любящим аддис-абебское казино и дорогое французское вино в большом количестве. Он никогда не сталкивался с самой взрывоопасной проблемой в любом развивающемся государстве — земельным неравенством. Это стоило ему жизни.

В 1974 году армейский мятеж ознаменовал начало возникновения «Дерга» — маоистской диктатуры, которая провела земельную реформу, но затем убила сотни тысяч человек в результате принудительной коллективизации сельского хозяйства, насильственного переселения людей и последующего голода. Хунта «Дерг» могла похвастаться самой большой армией в Африке и поддержкой СССР, которая включала в себя даже реактивные истребители МиГ.

И все же, после долгой борьбы, «Дерг» был разгромлен этнической коалицией партизан во главе с тиграем Мелесом Зенауи. Тиграи давно превратили эту победу в исключительно собственное достижение. В действительности же солдаты эритрейского происхождения были более многочисленными и зачастую их вклад более значимым, особенно в процессе падения столицы в 1991 году. Военный гений Мелеса Зенауи состоял в том, чтобы удержать от распада коалицию, включающую в себя целый калейдоскоп этнических групп.

Ключевой момент, который нужно усвоить из всей этой истории, заключается в том, что Эфиопия не является такой империей, как Германия, Россия или Китай. В отличие от этих государств, в Эфиопии политически доминировали различные этнические группы.

Во-первых, амхара в лице Менелика и Хайле Селассие. С 1991 года — тиграи во главе с Мелесом Зенауи. А с 2018 года — Абий, представляющий низменных оромо, самую многочисленную группу. На заднем плане — прибрежные эритрейцы, которые подавляющим большинством выбрали независимость на референдуме в 1993 году, чьи проживающие в Эфиопии соотечественники были изгнаны Мелесом Зенауи, и которые испытали ужасы разрушительной, спровоцированной тиграями пограничной войны в 1998–2000 годах, в результате которой погибло 100 тысяч человек.

Тем не менее эритрейцы не забыли о том, что были ведущей силой в экономике Эфиопии при Хайле Селассие, или о том, что внесли такой же вклад, как и любая другая группа, в поражение «Дерга».

Сегодня каждая из этих четырех этнических групп хочет занять заветное место на политическом Олимпе. И многие молодые частично безработные люди, и хитроумные мужчины старшего возраста, которые ими манипулируют, готовы пролить кровь, чтобы заполучить его.

Представление об африканской «отсталости» также не всегда справедливо. Эфиопия — древнейшее христианское государство на планете с 2000-летней историей.

Это единственное государство в Африке, которое не было колонией ни одного дня.

Секретный и опасный план Абия Ахмеда Али

Большая ошибка Мелеса Зенауи, скончавшегося в 2012 году, заключалась — в контексте жестокой гражданской войны — в том, что он пообещал федеральную конституцию, в отношении которой все этнические группы (за исключением тиграев) кипели от негодования. Из-за того что их узкие национальные интересы не были учтены должным образом. Построение эфиопской нации Менеликом, Хайле Селассие и даже «Дергом» отступило на задний план.

Продуманная экономическая политика Мелеса Зенауи установила в Африке стандарты для развития мелкомасштабного сельского хозяйства и производства. Однако после его смерти межэтническая напряженность в 2010-х годах стала более ожесточенной. Именно в этом контексте избранный преемник Мелеса, Хайлемариам Десалень, из небольшой низменной этнической группы под названием воламо, которым тиграи манипулировали при исполнении им своих служебных обязанностей, решил уйти в отставку в феврале 2018 года и уступить место бывшему сотруднику разведки и начальнику службы кибербезопасности Абию из оромо.

Никто, кроме Абия, не знает, через какие мыслительные процессы он прошел, решая, как противостоять НФОТ. В начале своего правления он разбудил национализм оромо. Но персонажи, которые это выдвинуло на первый план, были такими же уродливыми, как и все, кого можно было увидеть среди националистов амхара или тиграи. Тогда Абий решил пойти другим путем. В июне 2020 года он заключил в тюрьму распространителей этнической ненависти из оромо, таких как Джавар Мохаммед из Федералистского конгресса Оромо (ФКО). Недавно задержанные объявили голодовку, но, что неудивительно, прекратили ее до того, как кто-либо умер. Как это часто бывает, в манипуляторах расового популизма в Эфиопии, включая получившего Стэнфордское образование Джавара, прослеживается буржуазность и глубоко эгоистичный характер.

Наиболее серьезная практическая проблема Абия в борьбе с НФОТ заключалась в том, что тиграи владели большей частью вооружения армии — по многочисленным оценкам, они контролируют четыре пятых федерального стрелкового оружия и артиллерии. Таким образом, «федеральная» армия Абия столкнулась с внутренним врагом с большей огневой мощью. Похоже, именно поэтому он решил создать максимально широкую коалицию против вызывающих почти всеобщее недовольство тиграев. Поступая так, Абий пошел на риск, который многим наблюдателям показался безрассудным.

Подполковник Менгисту Хайле Мариам. Лидер эфиопской революции. Президент и председатель Государственного Совета Эфиопии 1987—1991 гг.
Фото Keystone Press / Alamy Stock Photo

В июле 2018 года новый премьер-министр, вступивший на свою должность всего за четыре месяца до этого, потряс общественность, заключив мирное соглашение с Эритреей через два десятилетия после жестокой войны на границе между Эфиопией и Эритреей. Нет никаких полных документов публичного характера о сделке, заключенной с тоталитарным лидером Эритреи Исайясом Афеверки, правящим страной на протяжении тридцати лет. Однако похоже, что она включает в себя доступ Эфиопии, не имеющей выхода к морю, к портам Эритреи и изгнание из Асмары ирредентистов оромо из Фронта освобождения Оромо (ФОО), с которых Афеверки буквально сдувал пылинки.

В октябре 2019 года Абий был награжден Нобелевской премией мира за примирение с Исайясом

Афеверки — когда-то другом и товарищем Мелеса Зенауи в борьбе против «Дерга».

Однако сейчас кажется, что мир был не единственной вещью, о которой думал Абий, когда задействовал сильно озлобленного Афеверки — человека, который ввел бессрочную военную службу в Эритрее с 2001 года, создал постоянную армию численностью 200 тысяч человек в стране с населением 3,5 миллиона и, по слухам, страдает наследственным и дегенеративным психическим заболеванием. В борьбе с НФОТ Абий хотел использовать армию Афеверки, вскормленную на диете экстремистской, антитиграйской идеологической обработки. В 1991 году НФОТ использовал Афеверки и эритрейские вооруженные силы, гораздо более крупные, чем их собственные, чтобы забрать Аддис-Абебу у «Дерга». Необычайная авантюра Абия в ноябре 2020 года заключалась в том, чтобы задействовать армию Афеверки для разгрома НФОТ. В Эфиопии все происходит в соответствии со старой пословицей: что посеешь, то и пожнешь.

В состав команды, в которую попал Абий, входила примерно половина армии Афеверки — 100 тысяч эритрейских военнослужащих, дислоцированных на территории Тыграя. Кроме того, федеральные силы амхара, специальные подразделения и целый «шведский стол» агрессивных групп молодых ополченцев амхара. Амхара хотят то, что считают своим «жизненным пространством» в смешанном районе амхара и тиграев — западном Тыграе, часть которого была отнесена к территории Тыграя федеральным правительством, в котором доминирует НФОТ.

К тому же есть и федеральные войска из 90 других этнических групп Эфиопии. И, наконец, военное правительство Судана, потенциально предлагающее НФОТ единственную границу, через которую Фронт может пополнять запасы топлива, продовольствия и боеприпасов, и на которое Абий и Афеверки оказывали давление, упрашивая отрезать тиграев. Результатом стал крайне жестокий конфликт, в котором зверства совершались со всех сторон.

НФОТ разрушал дороги, мосты и другую инфраструктуру, чтобы помешать продвижению своих врагов (и, по совпадению, поставкам гуманитарной помощи), отступал в пещеры и леса, которые прекрасно знал со времен борьбы с «Дергом», и раздавал большое количество излишков огнестрельного оружия гражданскому населению. Эритрейцы хлынули через границу в Восточный и Центральный Тыграй. Отвечая на вопрос генерального секретаря ООН Антониу Гутерриша, Абий «гарантировал», что там нет эритрейских войск.
На самом деле они вели боевые действия и учиняли зверства. В Аксуме эритрейские силы убили сотни мирных жителей. Поступало множество достоверных сообщений о многочисленных убийствах среди гражданского населения в Адриграте, широко распространенных изнасилованиях и грабежах всего — от частных домов до больниц. Марк Лоукок, координатор ООН по оказанию чрезвычайной помощи, заявил 4 марта Совету Безопасности ООН, что «многочисленные заслуживающие доверия и подтвержденные сведения из Тыграя... говорят о носящих повсеместный характер зверствах, включая массовые убийства, изнасилования и похищения мирных жителей». Он цитировал сообщения о «широкомасштабном, организованном и систематическом сексуальном насилии».

Резня продолжается уже четыре месяца, и спутниковые снимки показывают, что эритрейские войска регулярно сжигают поля и сады, увеличивая вероятность голода. К юго-западу от столицы Тыграя Мэкэле, в районе Гиджета, анализ спутниковых снимков, сделанных 20 и 22 февраля, выявил 508 сгоревших зданий только за последний период. Абий утверждал, что боевые действия прекратились в конце ноября — это такая же ложь, как и его утверждение о том, что в этом не участвуют эритрейцы.

Сегодня Африканский союз состоит из 55 государств континента, которые входят в 8 различных региональных экономических объединений. Интеграционные настроения порой настолько сильны, что периодически обсуждается даже вопрос о единой общеафриканской валюте.

Штаб-квартира Африканского союза находится в столице Эфиопии — Аддис-Абебе. Выбор не случаен. Сегодня эфиопская экономика самая быстрорастущая на континенте и одна из самых быстроразвивающихся в мире.

В Западном Тыграе регулярные силы амхара, и в частности ополчение, проявляли такую же жестокость по отношению к этническим тиграям. Имели место такие же убийства гражданского населения, эндемические изнасилования и сжигание посевов. Ополченцы амхара также вошли в плодородный, спорный треугольник Аль-Фашка на суданской стороне границы, где сходятся Тыграй, Эритрея и Судан, и сражались с суданскими войсками. Эритрейские силы, вероятно, тоже вовлечены в этот процесс, что повышает вероятность регионального конфликта.

На первый взгляд то, что происходит в Тыграе, представляет собой конфликт на национальной почве. Но в действительности это борьба за землю и власть между людьми, которая определяется скорее эгоизмом, а не этнической принадлежностью. В самом деле, поразительно, что прошлые и настоящие участники этой «этнической» войны почти все являются представителями смешанной расы или, по крайней мере, смешанной этнической принадлежности.

У Мелеса Зенауи, лидера НФОТ и архитектора гегемонии Тыграя, была мать из Эритреи. Берекет Саймон, друг Мелеса с университетских времен, ставший его правой рукой, — чистокровный эритреец, выросший в Гондэре и поддерживающий войну НФОТ против Эритреи; Абий посадил его в тюрьму. Теодрос Хагос, ультранационалистический глава отделения НФОТ в Тыграе (ныне также находящийся в тюрьме), — наполовину эритреец.

Огромным преимуществом Африки является так называемый «демографический дивиденд». Для сравнения: сегодня в Китае проживает примерно 1,5 млрд, а в Африке — 1,3 млрд человек. Однако к концу XXI века население Африки вырастет до 4,4 млрд, что составит 40% мирового населения (сейчас — 15%).

Кроме того, это будет самое молодое население на планете. Африканская молодежь в среднем лучше образована, чем их родители, и стремится к более высокому уровню потребления. Растет и средний класс (по разным оценкам, примерно 250–300 млн человек).

Мелес Зенауи, президент Эфиопии в 1991—1995 гг., премьер-министр Эфиопии в 1995—2012 гг. Пришел к власти после свержения режима Менгисту.

Фото Моники Флюкигер

У Афеверки, тоталитарного лидера Эритреи, мать была из тиграев. Его правая рука, Йеман Гебреаб, глава службы по политическим вопросам и советник президента, как говорят, частично или полностью является представителем амхара. Отец Абия Ахмеда, Ахмед Али — мусульманин-оромо, а мать, Тезета Вольде, — христианка-коптка из амхара. Сам Абий — пятидесятник-евангелист.

Утверждение, что это конфликт из-за расы или религии, является очевидным фарсом

Точно так же не выдерживает никакой критики представление о том, что НФОТ выступает защитником интересов рядовых тиграев. Во времена премьерства Мелеса и Хайлемариама Десаленья почти вся тиграйская элита мигрировала в Аддис-Абебу, превратив Тыграй и его столицу Мэкэле в захолустье. Даже до ноябрьского штурма Мэкэле был захудалым городком без функционирующей системы водоснабжения, дающим приют большому контингенту истощенных мигрантов из сельской местности Тыграя, которых кормили группы международной помощи. Лидерам НФОТ было наплевать.

Они предпочитали пятизвездочные отели Аддис-Абебы.

Несмотря на все это, Абий Ахмед создал ситуацию, когда Тыграй поддерживает НФОТ практически повсеместно. Как говорит бывший член федерального кабинета министров, который считает, что урегулирование конфликта с НФОТ было возможным (сам он не из тиграев): *«Жители Тыграя поддерживают НФОТ на 100 процентов, а это означает, что они получат [продовольственные] припасы — тем или иным способом. А знаете, почему тиграи их поддерживают на 100 процентов? Из-за вовлеченности Эритреи»*. Точно так же Аарон Маашо, представитель Комиссии по правам человека Эфиопии, отмечает, что Абий не смог установить каких-либо основных правил для участия эритрейских сил, уверившихся в заявлениях Афеверки о том, что каждая проблема в их стране возникла по вине тиграев: *«Он дал им карт-бланш»*.

2 марта госсекретарь США Энтони Блинкен позвонил Абию и потребовал, чтобы эритрейские силы покинули Тыграй, а сам Абий добивался урегулирования путем переговоров. Это то, что должно произойти, однако неясно, окажут ли администрация Байдена и остальное международное сообщество достаточное давление для достижения такого результата. Эфиопия остается ключевым союзником США на Африканском Роге, что дает Абию пространство для маневра при сопротивлении мировому влиянию и возможность продолжать боевые действия. Однако совершенно не очевидно, что НФОТ можно победить военным путем. Скорее всего, тиграи слишком хорошо вооружены, слишком хорошо разбираются в партизанской тактике и имеют слишком хорошую поддержку со стороны своего гражданского населения. Это война, которую необходимо закончить в ближайшее время, или она станет войной, которая может продолжаться очень долго.

Ключи к ликвидации конфликта — это вывод эритрейцев, ополченцев амхара, разоружение всех групп ополченцев и гражданских лиц и нахождение политического компромисса с более центристскими элементами НФОТ, выступающими против независимости. Кроме того, необходимо провести полное и тщательное расследование военных преступлений, чтобы привлечь виновных к ответственности и наказать их. Подход к геноциду в стиле «игнорировать и забыть», который был санкционирован международным сообществом, например в Южном Судане, приведет лишь к таким же отравляющим все вендеттам и еще большему насилию в будущем. Лидерство со стороны США и американские деньги на восстановление будут иметь решающее значение, если Эфиопия хочет избежать проклятья Тыграя относительно ее огромного потенциала развития, который мог бы и должен стать маяком для остальной части Африканского континента.

Лучшие новости — Плотина великого возрождения Эфиопии (ПВВЭ)

Если приезжий в страну гость хочет посмотреть, на что способно эфиопское государство развития, то хорошим местом для начала была бы поездка к Плотине великого возрождения Эфиопии (ПВВЭ), находящейся в 15 километрах от суданской границы на Голубом Ниле в районе Бенишангуль-Гумуз. При мощности 6,45 гигаватт, после окончания введения в эксплуатацию ПВВЭ будет самым мощным гидроэнергетическим проектом в Африке, произво-

Абий Ахмед Али. Премьер-министр Эфиопии со 2 апреля 2018 г. Лауреат Нобелевской премии мира в 2019 г.
Фото Франсиско Секо

Гидроэлектростанция Плотина великого возрождения Эфиопии.
Фото: Salini Impreglio

дя больше электроэнергии, чем все существующие, уже работающие мощности Эфиопии по генерации (4,5 гигаватта).

Подобно Высотной Асуанской плотине Насера в Египте с производительностью 2,1 гигаватт, строительство которой было завершено в 1970 году, ПВВЭ окажет революционное влияние на экономический потенциал Эфиопии.

И ошибки, аналогичные тем, которые совершили военные преемники Насера — Анвар Садат и Хосни Мубарак — подорвавшие и уничтожившие большую часть возможностей Египта по развитию государства, в Эфиопии совершать нельзя. Определенная американскими геодезистами в 1966 году, ПВВЭ расположена в естественном ущелье. Это означает, что плотину нельзя возвести обычным способом — путем создания отвода, строительства плотины и

Эфиопия — самая густонаселенная страна в мире без выхода к морю. В 2017 году завершилось строительство железной дороги Аддис-Абеба — Джибути длиной 756 км, в которую China Railway Group Ltd и China Railway Construction Corp Ltd инвестировали 4 млрд долларов.

По оценкам экспертов, сейчас более 80% инфраструктурных проектов Эфиопии выполняются китайскими компаниями.

В стране со сверхдешевой рабочей силой создан льготный налоговый режим для системных инвесторов. Здесь производится продукция таких мировых брендов, как Guess, Levi's, H&M и др.

затем закрытия отвода. Во время сезона дождей, который обычно начинается в июле, в этом слишком узком ущелье накапливается слишком много воды, чтобы возможность создания отвода стала реальной.

Таким образом, плотина строится в длительный засушливый сезон, с октября по июнь, а затем, когда идут дожди, паводковой воде позволяют течь по ее нижней, центральной секции. Когда произошло наводнение 2019 года, фундамент и боковые стороны ПВВЭ, а также первые 25 вертикальных метров ее центральной секции уже были готовы. С конца 2019 года и до дождей 2020-го строительные бригады лихорадочно работали над добавлением еще 35 метров к центральной секции.

Это позволило произвести первое заполнение, или «запруживание», объемом 4,9 млрд кубометров воды, в результате чего образовалось озеро, которое на пике своего расширения простиралось на 100 км. Сейчас, в середине засушливого сезона, до того момента, как вода снова перешла через край нижней центральной секции, протяженность озера составляет около 50 км.

С октября 2020 года более 6000 человек снова работали в две 12-часовые смены каждый день, пытаясь поднять центральную секцию ПВВЭ до 107 метров из максимальных 145 до начала дождей в этом году.

Если работы будут идти по графику, две самые большие турбины, которые сейчас находятся в процессе окончательной сборки, должны начать вырабатывать электроэнергию в сентябре или октябре. Имея мощность в 775 МВт каждая, всего лишь две турбины из 13 (остальные по 400 МВт) увеличат возможности Эфиопии по производству электроэнергии примерно на треть.

Строительство ПВВЭ должно было быть завершено в 2017 году. Однако оно подверглось значительной задержке из-за того, что Мелес Зенауи предоставил ключевые контракты на стальные конструкции и электромеханику подконтрольной НФОТ военной компании Metals and Engineering Corporation (METEC). К тому же METEC без тендеров получила контракты на организацию ряда крупных орошаемых сахарных плантаций и заводов, выполнение которых также привело к катастрофическим последствиям. Невозможно определить, чего было больше — некомпетентности или коррупции, вызвавших эти проблемы.

В ситуации с ПВВЭ METEC закупила низкокачественную сталь и не обеспечила достаточно прочную сварку на входах турбин и двух «нижних выходах» — трубах на левой стороне (смотрящей вниз по реке) плотины, которые будут выпускать излишки паводковой воды, когда она перестанет течь поверх.

В конструкции, подвергающейся огромным давлениям, критически важно использовать правильно подобранную сталь и готовые швы, сваренные за одну операцию, поскольку несколько сварных швов делают соединения более хрупкими. После того как Абий убрал METEC из проекта в 2018 году, было обнаружено, что многие сварные швы METEC повторялись два или три раза, что создавало риск разрушения.

Из-за желания иметь возможность красть деньги либо из-за грубого высокомерия (почти наверняка это было сочетание двух данных факторов) военное руководство METEC отказалось работать в качестве субподрядчика иностранного технического директора по ПВВЭ, а также создавать совместное предприятие с иностранной компанией. Эфиопские инженеры, имеющие опыт работы с гидроэнергетическими проектами (которого у METEC практически не было), сначала рекомендовали государственной военной фирме выступить в качестве субподрядчика для итальянской строительной компании Salini, недавно переименованной в WeBuild.

Руководство METEC ответило отказом, настаивая на том, что они хотят заниматься более сложными, электромеханическими аспектами проекта. Когда инженеры заявили, что для этого потребуется одно или несколько совместных предприятий с иностранными производителями турбин и консультантами по строительным конструкциям, METEC снова отказалась.

Именно в этом контексте Кифле Хоро, повторно назначенный Абием на должность главного инженера проекта ПВВЭ в конце 2018 года, ушел с плотины в 2012 году. Он вспоминает свой опыт: *«Большинство сотрудников METEC вообще никогда не видели проекта, связанного с гидроэлектроэнергией. Так чего вы ждете от этих людей?»*

С тех пор как Кифле вернулся в ПВВЭ, он привлек трех китайских подрядчиков и французское подразделение компании GE Hydro для надзора за электромеханической стороной проекта. И теперь гонка за возведение плотины началась. В каждую из двух смен

удается укладывать 3000 кубических метров уплотненного дорожным катком бетона (УДКБ), который доставляется конвейерной лентой с двух заводов по обе стороны от ПВВЭ. Первые две турбины с правой стороны плотины, если смотреть вниз по течению, сейчас находятся в процессе окончательной сборки, после которой должны быть проведены испытания.

В плане активности площадка проекта представляет собой настоящий муравейник — эфиопы работают вместе в интересах национального развития, не обсуждая вопросы этнической принадлежности.

Кинфе Дагнью, бывший генеральный директор METEC, находится в тюрьме. Его куратор, Дебрецен Гебремайкл, является одним из высших лиц НФОТ, остающихся на свободе в Тыграе. Затраты на строительство ПВВЭ могут составить 4 млрд евро (в противовес бюджету в 3,3 млрд евро) — бывшие поставщики METEC подали иски в суд для выполнения своих контрактов. Тем не менее 4 миллиарда евро за более чем шесть гигаватт генерирующих мощностей по-прежнему будут хорошей сделкой для Эфиопии.

Плотина является важной вехой в том, что может стать первой в мире историей «зеленого» ускоренного экономического развития. В Эфиопии нет угольных или газовых электростанций. В выработке электроэнергии в стране уже преобладает гидроэнергетика, а проекты по ветроэнергетике, геотермальной энергии и солнечной энергии — это единственные другие проекты, которые уже были завершены или включены в национальный план.

Африку в последнее время часто сравнивают с Китаем конца 80-х — начала 90-х гг. прошлого века. Природные ресурсы и дешевая рабочая сила слишком важны для мировой экономики, которая балансирует на грани глобальной рецессии.

Так же, как и Китай, Африка обладает богатейшими месторождениями редкоземельных металлов. Они используются во всех современных технологиях — от смартфона до бомбардировщика, от медицинского оборудования до электромобиля. При этом себестоимость их добычи может быть ниже китайской — в среднем по континенту зарплаты составляют менее 50 центов в час.

Займитесь экономикой, глупцы!

С точки зрения перспектив развития Эфиопии, самым тревожным аспектом конфликта в Тыграе является то, что разум Абия недостаточно сосредоточен на вопросах экономической политики.

Страна находится на наиболее сложном этапе своей траектории развития, погрязла в долгах, лишена притока иностранной валюты и пребывает под сильным давлением со стороны Всемирного банка и Международного валютного фонда (МВФ), требующих выполнить то, что иностранцы считают правильным для Эфиопии. Это время, когда Абию нужно сосредоточить всю свою энергию и интеллект на экономике, что он, кажется, не в состоянии сделать.

Эфиопия больше нуждается в рабочих местах для ее беспокойной молодежи и расширения экспорта. Основа для этого уже существует — создается дюжина инвестиционных зон по всей стране, что во многом напоминает китайскую модель.

Хавасса, первая и самая большая зона, уже освоена. Но из-за бушующей гражданской войны остальные индустриальные парки быстро не заполнятся. В Эфиопии такая же заработная плата на фабриках (около 60 долларов США в месяц), что и в Китае в 1992 году, когда Дэн Сяопин совершил южный тур, положивший начало буму прямых иностранных инвестиций (ПИИ) Китая.

Более того, географическое положение Эфиопии лучше для логистических цепочек Европы и восточного побережья Америки. Но без того, что китайцы с помощью эвфемизма называют «стабильностью», история с эфиопскими ПИИ не будет успешной.

Не меньшее беспокойство вызывает и возможность того, что правительство Абия, под давлением многочисленных институтов и двусторонних партнеров по оказанию помощи, может провести либерализацию преждевременно, передав транснациональным корпорациям (ТНК) потоки прибыли, которые должны были остаться в руках Эфиопии. Это было бы ошибкой, противоположной любой, которую могло бы совершить одержимое государственной собственно-

Строительство гидроэлектростанции Хидасэ. Фото автора

стью федеральное правительство, находящееся под доминированием выходцев из Тыграя.

В качестве примера можно привести реформу телекоммуникационного сектора. Государственная монополия Ethio Telecom имеет очень крупную задолженность неясного происхождения. В начале правления Абия говорили о передаче до 40% этой компании иностранному инвестору. В настоящее время обсуждаемый план заключается в продаже более 40 процентов компании Ethio Telecom и, кроме того, продаже двух новых, полностью принадлежащих иностранным владельцам, мобильных лицензий таким компаниям, как Vodafone и Orange.

Такая стратегия не имеет смысла с точки зрения развития! Имея ВВП на уровне около 900 долларов США на душу населения, Эфиопия находится в начале цикла, при котором мобильная телефония станет золотой жилой, во многом подобно тому, как это произошло в Китае и других быстрорастущих странах.

То, что рассматривает нынешнее эфиопское правительство, пахнет детским отчаянием, полностью несовместимым с правительственной повесткой дня в области развития после 1991 года. На этом этапе Китай не продавал свои предприятия общественного пользования иностранцам. Он ввел конкуренцию на внутреннем рынке, обеспечил увеличение размера компаний, а затем продал Vodafone пять процентов своего капитала. Это то, что стоит делать Эфиопии.

К сожалению, администрация Абия, похоже, потеряла связь с данными и исследованиями, сделавшими правительство, в котором доминирует НФОТ, эффективным в плане развития государством. Абий летает туда-сюда на вертолете и проводит много встреч, но что он на самом деле знает? Что Абию действительно нужно вернуть, так это степень интеллектуальной серьезности тиграев.

Мелес Зенауи сделал Эфиопию лидером среди африканских государств в области развития, прочитав огромное количество книг и зная то, о чем говорил, в сфере сельского хозяйства, производства, финансов и международных отношений.

Если Абий и его советники хотят продвигать Эфиопию вперед теми темпами, на которые эта страна способна, им необходимо сделать то же самое.

THE IDEA PAGE

«Прогресс технологии одаряет нас все более совершенными средствами для движения вспять»
ОЛДОС ХАКСЛИ

Глава III

Наука

двери в неведомое

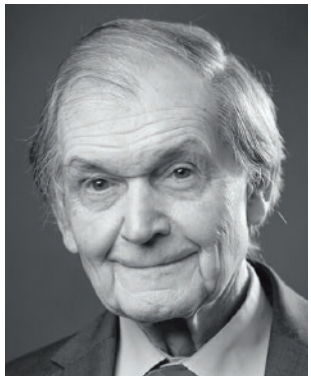
Виктор Сидоренко
Проект
«Отражение
в неизвестном».
Холст, масло,
190x190 см,
2013

«НОБЕЛИ» 2020-го: БИТВА ЗА ЧЕЛОВЕКА И ЕЕ ГЕРОИ

Нобелевский комитет награждает ежегодными премиями выдающихся представителей науки, культуры и общественных деятелей начиная с 1901 года. Таким образом, 2021 год будет для Нобелевской премии юбилейным. Накануне 120-летия к этому событию приковано особое внимание, чему, безусловно, способствовали вызовы, которые поставила перед мировым сообществом эпидемия коронавируса. Именно на ученых человечество возлагает сегодня свои надежды.

В 2020 году в связи с пандемией 119-я Нобелевская неделя впервые в своей истории прошла в формате телетрансляции. Она не была столь масштабной и резонансной, как обычно, хотя представленные на ней открытия не стали от этого менее значимыми. Наш альманах посчитал нелишним рассказать о лауреатах, их достижениях и открытиях, которые, несомненно, заслуживают нашего благодарного внимания.

ФИЗИКА



Роджер Пенроуз

Райнхард Генцель

Андреа Гез

ПРЕМИЯ МИРА

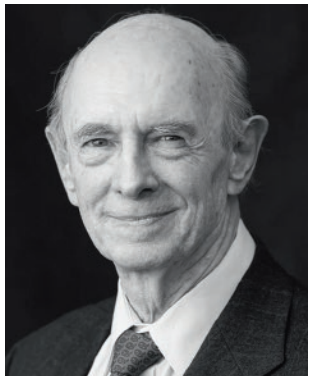
Эммануэль Шарпантье

Дженнифер Даудна

ХИМИЯ

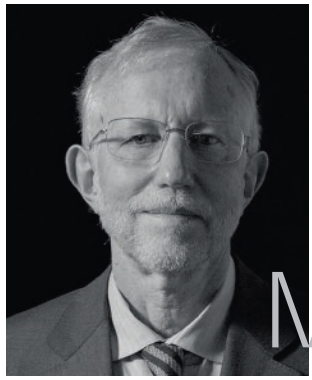
WFP

World Food Programme



Харви Альтер

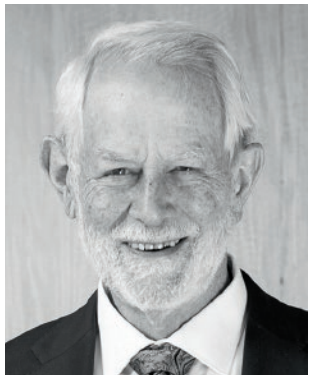
Майкл Хоутон



Чарльз Райс

МЕДИЦИНА

Пол Милгром



Роберт Уилсон

ЭКОНОМИКА

Луиза Глюк

ЛИТЕРАТУРА

© Информационная служба Нобелевской премии. Фото: Елена Жукова

ФИЗИКА
ХИМИЯ

ЧЕРНЫЙ СЕКРЕТ МЛЕЧНОГО ПУТИ

Лауреаты: Роджер Пенроуз (Великобритания), Райнхард Генцель (Германия) и Андреа Гез (США).

Присуждена «за открытие того, что образование черных дыр является прямым следствием общей теории относительности» (Роджер Пенроуз, 1/2 премии) и «за открытие сверхмассивного компактного объекта в центре нашей галактики» (Райнхард Генцель и Андреа Гез, по 1/4 премии).

Присуждение премии этим ученым стало для мирового научного сообщества настоящей неожиданностью. Дело в том, что накануне награждения компания Clarivate Analytics публикует традиционный прогноз и называет фамилии будущих лауреатов. Компания учитывает при этом индекс цитируемости научных статей и другие данные. Обычно ее предсказания довольно точны. Но в этом году Clarivate Analytics ошиблась, присудив пальму первенства работам по нелинейной динамике, нанотрубкам и эволюции галактик.

Нобелевский комитет рассудил иначе, что лишний раз доказывает — «главный научный конкурс мира» может быть непредсказуем и полон сюрпризов. Премию получили ученые, изучающие черные дыры — зоны мощнейшей гравитации, которые невозможно покинуть, даже если двигаться со скоростью света.

Еще до открытия черных дыр вероятность их существования, вытекающую из теории относительности Альберта Эйнштейна, в 1915 году вычислил Карл Шварцшильд. Но именно труды Роджера Пенроуза считаются наиболее значительным вкладом в теорию относительности с момента ее создания. Еще в 1965 году британский ученый сумел убедительно доказать, что сингулярность в центре черной дыры — это неизбежный результат гравитационного коллапса угасающей звезды. А в 90-х астрофизикам Райнхарду Генцелю и Андреа Гез независимо друг от друга удалось обнаружить самую ближайшую к Солнечной системе сверхмассивную черную дыру, расположенную в центре Млечного Пути. Она находится от нас на расстоянии 25 тыс. св. лет и весит, как 4 млн солнц. Обнаружить невидимый объект ученые смогли, используя революционные методы адаптивной оптики, определив местонахождение черной дыры по характеру вращения звездных орбит вокруг галактического ядра. Невероятно, но факт: сам Эйнштейн не верил, что черные дыры реально существуют.

ГЕНЕТИЧЕСКИЕ НОЖНИЦЫ: ПЕРЕПИСАТЬ «КОД ЖИЗНИ»

Лауреаты: Эммануэль Шарпантье (Франция) и Дженнифер Даудна (США).

Присуждена «за разработку метода редактирования генома»

Метод редактирования генома, который в 2012 году открыли Эммануэль Шарпантье и Дженнифер Даудна, получил неофициальное название «генетические ножницы». Конечно, эту метафору запомнить и произнести намного легче, чем официальный вариант: CRISPR/Cas9.

Невероятная популярность «ножниц» у биохимиков и молекулярных биологов обусловлена тем, что с их помощью можно довольно легко и с чрезвычайно высокой точностью изменять ДНК животных, растений, микроорганизмов и, главное, людей. Технология позволяет эффективно корректировать генетический код человека: вырезать из спирали ДНК, состоящей из шести миллиардов звеньев, любой фрагмент или даже заменить его другой последовательностью. Теперь ученые могут устранить любые сбои в эволюционном развитии, ошибки, накопившиеся за миллионы лет естественного отбора.

Новый метод коррекции ДНК занимает всего несколько недель. И он уже помог ученым в выведении культур, устойчивых к плесени, вредителям и засухе. «Генетические ножницы» способны также совершить настоящую революцию в лечения рака, ВИЧ, диабета, шизофрении и различных наследственных болезней. Нобелевский комитет считает, что совместное открытие

Шарпантье и Даудны вывело науки о жизни на абсолютно новый этап развития. И это тем более удивительно, что «нобелевский мир» — преимущественно мужской и не очень-то благосклонен к женщинам. Шарпантье (51 год) и Даудна (56 лет) — шестая и седьмая по счету лауреатки Нобелевской премии по химии. Однако впервые в истории она присуждена исключительно женщинам, причем двум сразу.

СТРАШНАЯ БОЛЕЗНЬ ПЕРЕСТАЛА БЫТЬ НЕВИДИМКОЙ

Лауреаты: Харви Альтер, Майкл Хоутон и Чарльз Райс.

Присуждена «за открытие вируса гепатита С».

Гепатит С — тяжелейшее заболевание, вызывающее рак печени и цирроз. Это глобальная проблема, сопоставимая по масштабам с ВИЧ-инфекцией и туберкулезом. Согласно данным ВОЗ, сегодня в мире 71 миллион человек живет с хроническим гепатитом С. До 400 тысяч случаев заболевания этим вирусом ежегодно заканчиваются летальным исходом.

До открытия, сделанного тремя нобелевскими лауреатами, медицине были известны только две основные формы вируса гепатита — А и В, которые передаются преимущественно через еду и питье. В отличие от них гепатит С проникает в организм через кровь и слизистую. Поскольку о его существовании никто не подозревал, многие случаи хронического гепатита невозможно было объяснить и идентифицировать. О существовании новой разновидности вируса Харви Альтер догадался еще в 1975-м, выявив определенные закономерности при переливании крови больным.

В 1989-м Майкл Хоутон, работая в фармацевтической компании Chiron, клонировал вирус, изучая реакцию фрагментов ДНК крови шимпанзе на антитела крови людей, больных гепатитом. А в 1997 году Чарльз Райс, также экспериментируя с шимпанзе, доказал, что именно этот вирус является патогенным. Более 20 лет этим ученым пришлось ждать оценки Нобелевским комитетом их заслуг перед человечеством. Но главное, что их открытия, «расколдовав» причину заболевания, сделали возможным разработку методик его диагностики и лечения. До окончательной победы над вирусом гепатита С еще далеко, но уже существуют противовирусные препараты, которые при своевременной диагностике и приеме могут предотвратить до 95% смертей, связанных с этим страшным недугом.

МЕДИЦИНА ЛИТЕРАТУРА

ЛЮДИ — ЭТО ЦВЕТЫ В САДУ ЖИЗНИ

Лауреат: Луиза Глюк (США)

Присуждена «за меткую поэтическую интонацию и умение трансформировать индивидуальный опыт в универсальный».

Луиза Глюк, пожалуй, самый известный, титулованный и любимый американцами поэт современности. Хотя сама Глюк всячески избегает называть себя «американской поэтессой».

Она автор 12 поэтических сборников, за которые в различные годы неоднократно удостаивалась престижных литературных наград. В том числе премии Американской академии поэтов (сборник «Первенец»,1968-й), Пулитцеровской премии (сборник «Дикий ирис», 1992-й) и Национальной книжной премии (2014-й). Так что Нобелевская премия, присужденная ей в 2020 году, выглядит вполне логичным продолжением предыдущих. Родилась Глюк в 1943 году в еврейской семье выходцев из Венгрии, нашедшей пристанище в Нью-Йорке. Со школьных лет страдала от нервной анорексии, поэтому, по признанию поэтессы, ее эмоциональное состояние было плохо совместимо со стандартным учебным процессом.

По окончании средней школы училась на поэтических курсах в колледже Сары Лоуренс и по программе «для особых студентов» в Колумбийском университете. После читала лекции по английскому языку в других колледжах и университетах. На данный момент живет в Кембридже, преподает поэтическое мастерство, является членом Американской академии искусств и литературы, председателем Амери-

канской академии поэтов и по совместительству профессором Йельского университета. Ее перу принадлежат несколько томов эссе на тему поэзии. Главные темы ее творчества — детство и взаимоотношения с близкими людьми. Нередки отсылки к мифологическим сюжетам и образам классической литературы. Сквозной образ Луизы Глюк — представление о людях как о растениях, цветах, растущих в саду жизни.

БОРЬБА С УГРОЗОЙ ГОЛОДА

Лауреат: Всемирная продовольственная программа

Присуждена «за вклад в борьбу с голодом и содействие продовольственной безопасности».

Это единственная премия, которую присуждает не Шведский, а Норвежский Нобелевский комитет. В этом году такой чести удостоился не конкретный человек, а крупнейшая в мире гуманитарная организация — World Food Programme (Всемирная продовольственная программа). Это структура, которая противостоит голоду на глобальном уровне.

В 2019 году программа оказала помощь и поддержку 100 миллионам человек из 88 стран мира, которые стали жертвами отсутствия системы продовольственной безопасности в этих странах. Присуждая премию мира, Нобелевский комитет также особо отметил усилия World Food Programme по борьбе с голодом в зонах военного конфликта и противодействие использованию голода в качестве военного инструмента.

В ПОИСКАХ ИДЕАЛЬНОГО АУКЦИОНА

Лауреаты: Пол Милгром и Роберт Уилсон (США)

Присуждена «за усовершенствование теории аукционов и изобретение новых форматов аукционов».

Премия по экономике — единственная «неофициальная» премия из 6 номинаций. Как известно, ее в своем завещании Альфред Нобель не предусмотрел. Учреждена она была лишь в 1969 году под названием «Премия Шведского национального банка по экономическим наукам памяти Альфреда Нобеля». В 2020 году лауреатами 52-й премии по экономике стали два профессора из Стэндфорда — Пол Милгром и Роберт Уилсон. Эта награда — 8-я по счету премия в области «аукционоведения», присужденная с начала 90-х гг., что говорит о той важной роли, которую аукционы играют в современной экономике. Товары и услуги, предметы искусства, место под рекламу, нефтяные скважины и радиочастоты — для всего существует оптимальный и эффективный алгоритм продаж. Милгром и Уилсон изобрели такие форматы продаж для множества взаимосвязанных активов, которые позволяют продавцу добиться максимальной прибыли, снизить влияние неопределенности, а также манипуляций и сговоров.

Одним из самых известных примеров их применения стало успешное распределение радиочастот в США и Великобритании, позволившее госбюджетам получить сотни миллионов долларов дополнительной прибыли. С тех пор многие страны пошли по этому пути, реализуя проблемные активы, квоты на природные ресурсы, электроэнергию и т.д. Интересно, что Милгром (73 года) — третий по счету ученик Уилсона (84 года), удостоенный Нобелевки. Но если для учителя аукционы были только объектом научных изысканий, то Милгром сумел на их основе создать вполне успешный бизнес. Его консалтинговая компания Auctionomics работает с такими гигантами, как Google, Microsoft и др.

Представители Нобелевского комитета признались: решающим в их выборе стало то, что теория Уилсона и Милгрома проверена многолетней практикой. Кстати, Пол Милгром — единственный человек на планете, который умудрился выступить с нобелевской лекцией два раза! Хотя, согласно установленным правилам, премию никогда не дают одному и тому же человеку дважды. Первый раз новоиспеченный лауреат прочитал ее еще в 1996 году вместо Уильяма Викри, который также занимался теорией аукционов, но скончался за 3 дня до награждения.

ПРЕМИЯ МИРА ЭКОНОМИКА

THE IDEA PAGE

«Тот, кто не растет вверх, начинает расти вниз»
ОЛДОС ХАКСЛИ

«Небосвод», 2016.
Акрил, аэрография, латунь,
h-90 см

«Глобальное потепление», 2017.
Акрил, аэрография, нержавеющая сталь,
230/77/56 см

Никита Зигура, Днепр — Киев
родился 24 июня 1984 г.

Национальная академия изобразительного искусства и архитектуры, Киев

«Revolution», 2015.
Нержавеющая сталь, авторская техника,
высота 3 м

Егор Зигура, Днепр — Киев
родился 24 июня 1984 г.

Национальная академия изобразительного искусства и архитектуры, Киев

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ И ГЛОБАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ.

ИНТЕРВЬЮ С ФИЛАНТРОПОМ И СООСНОВАТЕЛЕМ SKYPE ЯАНОМ ТАЛЛИННОМ

Беседовала Елена Бойцун

Яан Таллинн, сооснователь и соразработчик Skype и Kazaa, выбрал целью своей филантропической деятельности предупреждение и минимизацию экзистенциальных рисков для человечества. Яан выступил соучредителем Центра по изучению экзистенциальных рисков в Кембридже и Института будущего жизни, кроме того, финансово поддерживает другие организации, занимающиеся исследованиями в данной области. Яан является активным бизнес-ангелом и партнером в инвестиционной компании Ambient Sound Investments, принимал участие в работе экспертной группы высокого уровня по искусственному интеллекту в Европейской комиссии и был директор-инвестором в ИИ-компании DeepMind, получившей известность благодаря разработке компьютерной системы AlphaZero, показавшей уникальные результаты в игре в шахматы и го.

Елена Бойцун, импакт-инвестор и основатель коммуникационной группы «Технологии и общество», провела с Яаном Таллинном разговор о современном состоянии вопросов разработки искусственного интеллекта и систем глобального управления.

ЕЛЕНА БОЙЦУН (Е. Б.): Яан, вы уже более десяти лет работаете над вопросами, связанными с экзистенциальными рисками, и выбрали эту тему ключевой для своей филантропической деятельности. Вы говорите, что ваша главная цель — снизить для человечества экзистенциальные риски, вызванные развитием технологий. Какой смысл вы вкладываете в это понятие?

ЯАН ТАЛЛИНН (Я. Т.): Существует широкое и сложное определение экзистенциального риска как катастрофического уменьшения максимального потенциала человечества. Например, можно представить, что когда-нибудь в будущем человечество будет жить на разных планетах в космосе, вообразите, что триллионы людей по всей Вселенной живут счастливо и занимаются вещами, которые им интересны. И затем однажды, в какой-то год, скажем — 2040-й, внезапно происходит что-то, из-за чего такая перспектива становится невозможной (предположим, какая-либо катастрофа). Согласно сложному определению, экзистенциальный риск — это риск, подобный такой катастрофе. Более простое определение — это риск того, что все умрут.

Экзистенциальные риски делятся на две категории. Одна из них — это природные риски. Например, мы знаем, что каждые 10 миллионов лет или около того появляется астероид достаточно большого размера и наносит удар по планете. Динозавры обнаружили, каково это, на собственном горьком опыте. Поэтому очень вероятно, что если мы подождем еще около 10 миллионов, 20 миллионов, 30 миллионов лет, то снова появится астероид, достаточно большой для того, чтобы уничтожить и человечество.

Кроме того, время от времени возникает риск пробуждения супервулканов. Может произойти достаточно сильное извержение, которое радикально изменит окружающую среду таким обра-

Яан Таллинн. Фото: Анника Метсла

зом, что фактически может привести к вымиранию человечества как вида. Это типичные природные риски.

Вторая категория — технологические риски. Если мы хотим предсказать будущее планеты, самый важный фактор для этого — понимать, какие у нас будут технологии. Технологии — это то, что в некотором роде формирует будущее. В новой форме будущего могут быть элементы, которые действительно очень вредны для человеческого выживания.

Е. Б.: К природным рискам вы относите такие, которые человечество не может предотвратить?

Я. Т.: В действительности мы можем сделать и делаем много, чтобы их минимизировать. Например, уже давно проводится мониторинг ситуации с астероидами. «Положительная» часть в понимании природных рисков заключается в том, что мы уже примерно знаем, насколько они разрушительны, и ожидаем, что ситуация критически не ухудшится в следующем столетии. В то же время технологические риски будут усугубляться год от года.

Е. Б.: То есть природные риски не вызываются деятельностью людей. По крайней мере, насколько мы можем это понять. Тогда как технологический прогресс точно развивается благодаря действиям людей.

Я. Т.: Именно так, мы можем уменьшить природные риски, но технологические риски мы одновременно можем как уменьшить, так и предупредить. Похоже, что они могут иметь очень большой радиус воздействия.

Е. Б.: Из всех рискованных технологий, которые человечество может создать, вы выделяете искусственный интеллект (ИИ) и считаете, что необходимо концентрироваться на предотвращении именно рисков, связанных с внедрением ИИ?

Я. Т.: Да, и для этого есть несколько причин. Во-первых, искусственный интеллект — это метатехнология, которая потенциально способна изобретать, разрабатывать и применять технологии самостоятельно.

Мы все больше и больше собираемся делегировать технологическое развитие искусственному интеллекту, вместе с тем у нас есть некоторые опасения и беспокойство по отношению к развитию технологий, поэтому мы должны перенести и показать это беспокойство ИИ. Сам ИИ не будет иметь никаких опасений или ограничений. В частности, я думаю, что по умолчанию ИИ не будет понимать важность характеристик, связанных с окружающей средой, в то время как нам, людям, биологически необходим очень узкий диапазон параметров, чтобы остаться в живых. Роботам это не нужно, не нужно заботиться об окружающей среде для них, поэтому мы и отправляем их в космос в радиоактивные районы.

Так что, да, ИИ — это мощная технология с очень большим радиусом действия. Какие бы вопросы по поводу технологий мы, люди, ни поднимали, мы можем либо постараться решить их с помощью ИИ, либо, по крайней мере, удостовериться, что то технологическое развитие, которое будет осуществлять ИИ самостоятельно, продолжит принимать во внимание наши проблемы, опасения и ограничения.

Е. Б.: Когда вы говорите про ИИ в этом контексте, вы подразумеваете общий искусственный интеллект (AGI, Artificial General Intelligence)?

Я. Т.: Общий искусственный интеллект — это именно тот термин, который указывает на суть проблемы: люди сейчас контролируют ИИ потому, что он на данный момент ограничен и сконцентрирован. Так, например, если вы играете в шахматы против компьютерной программы, вас, на самом деле, не беспокоит, что ИИ может убить вас во время партии, хотя в целом ему было бы полезно устранить вас физически, чтобы у него не было оппонента и он выиграл. В зависимости от запрограммированной функции значимости, такое действие может быть оценено им положительно, но ИИ не знает о такой возможности. Это не общий искусственный интеллект в том смысле, что он не может оторваться от шахматной доски и посмотреть на весь мир.

Таким образом, вызывает опасения тезис, что как только появится ИИ, который будет достаточно общим (а ИИ становятся все более общими), мы не будем способны его контролировать. В настоящий момент все инструменты, которые мы используем для контроля ИИ, основаны на том, что ИИ не знает о существовании контрольных механизмов. Вот почему общий искусственный интеллект — потенциально опасная вещь, во всяком случае, до тех пор, пока нет понимания, как его контролировать.

В дополнение, возможны крупные проблемы, вызванные ИИ, который еще не будет общим. Мой друг и коллега Эндрю Критч из Беркли вместе с Дэвидом Крюгером из Монреаля провели подробное исследование под названием Arches — AI Research Considerations for Human Existential Safety, в котором они рассматривают важные вопросы для экзистенциальной безопасности человека.

В своей работе они определяют термин Prepotent AI — «влиятельный ИИ», который может быть общим, а может и не быть, но при этом он должен отвечать двум следующим критериям. Первый критерий состоит в том, что как только такая ИИ-технология будет применена, степень ее прямого воздействия на окружающую среду будет как минимум такой же, как воздействие людей. Суть второго критерия заключается в том, что это ИИ, который мы, если уже инициировали, не сможем выключить. При этом не важно, по каким причинам мы не сможем этого сделать. Возможно, потому, что сложно выключить ОИИ, который знает о существовании механизма его выключения. Однако причина также может быть и более приземленной: например, очень сложно отключить весь интернет, или это будет какая-нибудь системная, экономическая причина, по которой люди не захотят отключать этот влиятельный ИИ. Это означает логически, что, когда у нас появится влиятельный ИИ, мы окажем огромное воздействие на окружающую среду, которое может в итоге убить нас самих.

Е. Б.: Интересный пример об игре в шахматы с компьютерной программой. Я много лет посвятила игре в шахматы и знаю, что в профессиональной шахматной среде было много дискуссий о том, что компьютеры «убивают» игру, особенно с появлением программы AlphaZero. Но шахматисты не подозревали, что риски могли бы быть гораздо значительнее.

Я. Т.: Действительно, интересная вещь в AlphaZero — это окончание Zero, ноль. Это означает, что AlphaZero не использовала для обучения никакой информации, которую бы произвела человеческая цивилизация. Если задуматься, такая программа — это инопланетянин. Когда вы играете в шахматы, го или сёги против AlphaZero, вы играете против сущности, которая никогда не взаимодействовала с человеческой цивилизацией, и это потрясающе.

Е. Б.: Вы упомянули очень интересный термин — влиятельный ИИ. В настоящее время под ИИ в основном понимают далеко не общий искусственный интеллект. Современные системы — это алгоритмы принятия ограниченных решений на основе базы данных, машинное обучение. В них нет универсальности.

Я. Т.: Мне нравится один важный эвристический прием, который я предлагаю использовать людям. Каждый

раз, когда вы видите термин ИИ, просто мысленно замените его на «делегирование машинам принятия человеческих решений», и тогда как потенциальные возможности, так и риски сразу же станут намного яснее.

Е. Б.: Целевой группой, с которой вы работаете, является сообщество разработчиков, узкоспециализированные эксперты, осознающие большие риски своей работы. Но, насколько я понимаю, вы также стараетесь вовлечь в обсуждение для понимания этих рисков широкую публику.

Я. Т.: В какой-то мере.

Е. Б.: Мы тоже ведь должны быть вовлечены каким-то образом в обсуждение этих рисков. Мы, люди.

Я. Т.: Я бы сказал так: у меня нет очень продуманной повестки дня, когда дело доходит до информирования общественности. Я вижу, что интерес к этой теме велик, но не занимаюсь этим вопросом проактивно. Я соглашаюсь давать интервью, когда ко мне обращаются, но, думаю, что гораздо важнее убедиться, что именно люди, которые непосредственно разрабатывают эти технологии, понимают риски. В то же время у таких специалистов есть друзья, и даже если я не могу повлиять на человека напрямую, все равно полезно, чтобы друзья знали обо всех рисках, с которыми может сталкиваться человек в работе. Иногда разработчики, создающие новые технологии, сознательно стараются не думать о возможных негативных результатах своей работы, потому что это довольно сложно психологически. Поэтому в некотором смысле к обсуждению и побуждению легче было бы привлечь их друзей, чем их самих. В сфере ИИ есть множество примеров людей, которые, похоже, отказываются признавать очень и очень простые истины.

Е. Б.: Кажется, что сообщество разработчиков, о котором вы говорите, очень закрыто и развито. Когда я изучала эту тему для нашего разговора, я была впечатлена тем фактом, насколько это сообщество развито и как сильно закрыто от внешнего мира. Это напомнило мне шахматное сообщество, которое тоже самодостаточно и замкнуто. Но шахматисты не разрабатывают технологию, которая могла бы иметь настолько важные последствия для широкой публики, как ИИ.

Я. Т.: Да, мой друг Макс Тегмарк иногда говорит, что, вполне вероятно, будущее человечества на всю оставшуюся часть истории Вселенной может быть определено каким-нибудь парнем, пьющим Red Bull в три часа ночи на серверной ферме.

Я не утверждаю, что все произойдет именно так, но определенный риск этого есть. Очень, очень немногие люди прямо сейчас решают все, что произойдет с человечеством, и было бы здорово избежать негативного сценария, но пока неясно, как это сделать.

Е. Б.: Как вы думаете, человечество должно обратить больше внимания на проводимые исследования?

Я. Т.: Определенно, было бы полезно подумать о так называемых механизмах управления.

В Оксфорде работает группа GovAI (The Centre for the Governance of AI, Центр по изучению вопросов управления ИИ), которую я поддерживаю во всех смыслах. Эта группа исследователей изучает методы, которые регуляторные органы или общественность в целом могут использовать для того, чтобы формировать технологии в сфере ИИ.

Весьма вероятно, что тот парень с Red Bull в 3 часа ночи, на самом деле, не очень хочет решать вопрос будущего всего человечества. И в интересах компаний, занимающихся ИИ, понимать спектр полномочий и ответственности. Я ожидаю, что если бы появились разумные идеи по поводу управления и законодательных документов, то и такие компании были бы мотивированы сотрудничать и принять их. Нам точно нужны идеи, как лучше управлять и регулировать.

Наша общая цель, по сути, такая: определить, как мы можем учитывать мнение более крупных стейкхолдеров (это сейчас популярное слово). Почти 8 миллиардов человек сегодня имеют право на будущее, и, похоже, это несправедливо, что почти никто из них не будет иметь право голоса в процессах, которые в настоящий момент происходят. Поэтому, на мой взгляд, вопросы управления ИИ на философском уровне действительно пытаются решить проблему — как дать людям право голоса в формировании их будущего, а не оставлять это право за программистом на серверной ферме. По-моему мнению, в этом есть логика и это стратегический философский вопрос.

Тактический и прагматический вопрос заключается в том, какие механизмы мы можем использовать для того, чтобы реализовать право голоса. Некоторые люди говорят, что нам необходимо демократизировать развитие ИИ. Конечно, но если искать наиболее эффективный способ решения такой проблемы, то обучить все 8 миллиардов человек разрабатывать ИИ, скорее всего, не получится.

Так что гораздо лучше, чтобы люди, которые заинтересованы и хорошо подготовлены к разработке ИИ, могли опираться при этом на какие-то механизмы, с помощью которых либо ИИ сможет обеспечивать правильное регулирование самостоятельно, либо будут введены определенные нормативные акты или другие механизмы системы координации для того, чтобы разработчики также могли учитывать интересы людей, которые не участвуют в создании ИИ.

Е. Б.: Мне все же кажется, шансы, что случайный программист за

одну ночь создаст общий искусственный интеллект, не настолько велики. Возможно, вероятнее, что какой-либо миллиардер решит проинвестировать проект и будет подталкивать всю команду программистов к разработке такого продукта, результаты внедрения которого он в будущем, к сожалению, не сможет контролировать.

Я. Т.: Вы говорите о том же, о чем и я, только на другом уровне. Из кого будет состоять такая команда? Она будет состоять из программистов, работающих ночью на серверных фермах. Вы можете это представлять как инициативу миллиардера, но, в конце концов, он не будет тем, кто непосредственно запустит процесс.

Было бы очень ценно, если бы существовали механизмы для делегирования важных решений, чтобы инженеры, работающие уже сейчас, знали о процедурах, например, для информирования о нарушениях и незаконной деятельности.

Если сумасшедший миллиардер или, что более вероятно, просто какая-нибудь корпорация, во главе которой находятся люди, главной задачей которых является максимизация прибыли, будут настаивать на продолжении разработки потенциально опасной технологии, то инженеры могли бы сказать: «Разве мы не должны соблюдать глобальные правила регулирования ИИ?» Для таких случаев иметь регулирующие механизмы было бы также очень полезно.

Е. Б.: В одном из своих выступлений вы сказали, что капитализм создал ощущение безопасности (safety feeling) для развития технологий, что, как мне кажется, хорошо подходит к нашей дискуссии о миллиардерах и программистах. Считаете ли вы, что отсутствие регулирования может быть проблемой?

Я. Т.: Я вырос в Советском Союзе, при постоянной пропаганде о вроде бы разбитом вдребезги капитализме, но, к счастью, в Эстонии мы могли смотреть и финское телевидение и несколько сомневаться в том, сколько правды было в пропаганде.

Капитализм явно превосходит то, чем когда-либо была советская плановая экономика, и важным фактором в этом является то, что между потребителями и производителями существует положительная обратная связь. Не очень эффективно разрабатывать технологии, которые не нужны потребителям, а потребители могут голосовать своими деньгами, тем самым подталкивая экономику к тому, что полезно и ценно для людей. Но важно понимать, что это не решает все возникающие вопросы из-за двух моментов: внешних факторов, которые рынок не поощряет включать в расчеты естественным путем (например, воздействие на окружающую среду), и таких вещей, которые не зависят от потребителей (скажем, военные технологии).

Капитализм создает почти полную иллюзию, что будущее будет становиться все лучше и лучше, потому что компании всегда на стороне потребителей. И вот здесь в игру вступают важные внешние факторы, к примеру, внезапные масштабные катастрофы, которые не были учтены рынком, или другие сильные ограничители.

Я могу наблюдать и сравнивать США и Китай: в одной из стран, хотя бы номинально, — коммунистический режим, а в другой — капитализм свободного рынка. И когда я задумываюсь о том, как устранить потенциальные риски, связанные с передовыми технологиями, я вижу, что Китай сейчас находится в гораздо лучшем положении для регулирования, потому что там и в целом более жесткая система регулирования. Если возникнет действительно опасная ситуация, то они смогут остановить развитие, в то время как в США почти все могут согласиться с тем, что ситуация опасна, но им могут понадобиться десятилетия, чтобы остановить процесс. Неэффективное устранение воздействия таких внешних факторов — это дополнительное свидетельство слабости капитализма.

Е. Б.: Сейчас среди экономистов ведется много дебатов по поводу преимуществ разных систем. Выделяют, в частности, китайскую систему, которую называют государственным капитализмом (state capitalism), в противопоставление традиционному рыночному капитализму. Но если капитализм имеет свои недостатки, а плановая советская экономика, как мы точно знаем, не работает, то какая же система, по вашему мнению, была бы наилучшей для отдельной страны или даже для глобального уровня координирования?

Я. Т.: У меня пока нет какого-либо сформированного мнения по этому поводу. Как технологический специалист, я считаю блокчейн очень интересной технологией. В рамках вопроса, за последние лет десять блокчейн принес самое важное — возможность глобально достичь согласия по поводу каких-либо данных без того, чтобы доверять кому-либо хранение этих данных. В целом я считаю, что в глобальном управлении такие понятия как сотрудничество и прозрачность процессов важны, и блокчейн хотя бы на каком-то уровне, с какой-то стороны привносит эти две вещи.

Но при этом я действительно не придерживаюсь какого-либо определенного мнения по поводу конкретной системы, я просто считаю, что для нас важно повысить нашу способность сотрудничать. На глобальном уровне до сих пор еще никогда не было мировой координации.

Е. Б.: У вас была идея по поводу внедрения глобальной системы по выявлению предпочтений (Global Preference Discovery System).

Я. Т.: Я использовал этот ключевой термин в своих ранних исследованиях. В настоящее время управление, в частности, при демократии, сталкивается с двумя вопросами: как определить, что люди хотят от будущего, и как этого достичь. Политики обычно говорят, что знают, как решить оба вопроса, — мы хотим X и собираемся сделать для этого Y, поэтому голосуйте за нас. Но я считаю, что было бы полезно иметь конкретную систему, чтобы люди могли сами определить, какое будущее они хотят, то есть чтобы люди самостоятельно находили X. Самый простой способ это сделать — наладить систему регулярных опросов, например, случайным образом спрашивать людей, как у них дела. Если бы у нас было достаточно информации от общества о том, как именно сейчас люди себя чувствуют, мы могли бы построить World Wellness Index (индекс благополучия мира), на базе которого можно было бы делать будущие прогнозы. Скажем, что случилось бы с этим глобальным индексом, если бы США полностью открыли свои границы? Это могло бы стать интересным инструментом при разработке политик и положений, который бы отделил вопрос о том, что же мы хотим от будущего, от вопроса, как же добраться до этого светлого будущего.

Е. Б.: Я понимаю сам механизм, но, честно говоря, была глубоко впечатлена второй раз именно тем, что эти вопросы обсуждаются в замкнутом технологическом сообществе и как они обсуждаются. А я украинский экономист, и меня не очень легко впечатлить.

Я. Т.: Когда я говорю о механизме выяснения предпочтений, я хочу направить внимание на то, что в целом необходимы механизмы, которые бы дали право голоса людям, и я открыт для всех идей. Нынешним инструментам, которые у нас есть, несколько сотен лет, они были изобретены и внедрены, когда мы все еще использовали лошадей как основной транспорт. Наши результаты в решении вопроса, как дать людям больше возможностей проявить свое мнение, могли бы быть лучше, но при этом я очень хорошо понимаю все опасности, связанные с такой системой, — преувеличение или заблуждение, манипуляции с целью сделать вид, что люди хотят, скажем, максимизировать прибыль именно конкретной компании.

Е. Б.: Спасибо, что немного убедили меня в том, что вы видите риски такого подхода. В то же время было интересно узнать об AI Alignment movement, движении по разработке мировоззрения ИИ. Как бы вы описали цели этого движения для широкой публики?

Я. Т.: Есть несколько путей определить это понятие. Один из них можно описать так: если мы думаем об ИИ как о машинах, которым собираемся делегировать принятие наших человеческих решений, то мы обязаны постараться гарантировать, что наши идеи о том, каким должно быть хорошее будущее, будут полноценным образом переданы ИИ.

Очень важно понимать, что ИИ — это еще больший инопланетянин, чем инопланетяне. У ИИ нет никакой биологической основы, ИИ не эволюционировал биологически, ИИ не заботится об окружающей среде.

Мы не должны недооценивать трудность передачи ИИ понимания ценностей человечества. На самом деле, ИИ настолько аутичен, насколько это возможно представить. Люди склонны думать, что ИИ — это практически люди, и их можно сделать еще более человечными. Нет, так не получится.

Е. Б.: Что вам дает такую уверенность?

Я. Т.: Есть очень веские аргументы, подтверждающие это, например — люди были сформированы биологической эволюцией в социальном контексте, люди развивались в группах. Очень хорошо это описано в книге «Моральные племена» Джошуа Грина из Гарварда. Он рассматривает, как развивалась человеческая мораль. Мораль возникла в малочисленных племенах от 50 до 100 человек автоматически, потому что это помогало племенам становиться более конкурентоспособными, люди заботились друг о друге. На персональном уровне альтруизм — это самопожертвование, но на уровне племени — это делает группу более конкурентоспособной.

Есть очень интересная возможность, что в системе ИИ что-то подобное может произойти автоматически, но это развитие точно не будет происходить в группах по 50 единиц в исконной среде в Африке сто или двести тысяч лет назад. Вероятность того, что такая мораль разовьется в подобие человеческой при тренировке на серверных фермах в течение пары месяцев, ничтожно мала.

Е. Б.: Если только ИИ — это не следующий шаг эволюции, и поскольку природа в целом хорошо сбалансирована, организована и математически выверена...

Я. Т.: Абсолютно, возможно, существует практически математическая точка притяжения в сторону сотрудничества и кооперации, но… Вы можете спросить кого угодно, готовы ли они поставить жизнь детей на кон в надежде, что ИИ автоматически разовьет систему морали, подобной человеческой, и, скорее всего, ответ будет негативным.

Довод, что существует общая тенденция к морали при развитии ИИ, необычайно привлекателен, но необходимо иметь действительно веские доказательства этого, а не просто отмахиваться, уверяя: все будет хорошо. Разработчики ИИ слишком часто делают именно так.

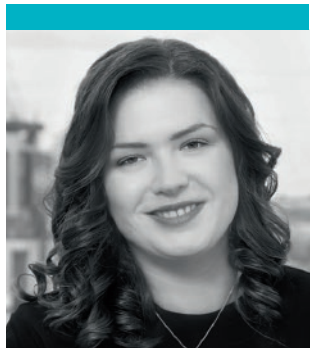
Е. Б.: Люди тысячелетиями думают над вопросом системы ценностей человечества, а также разрабатывают концепции, которые могли бы дать возможность лучше понять как отдельного человека, его разум и душу, так и общество в целом. Например, существуют понятия «коллективное бессознательное» от Карла Густава Юнга, «чистый разум» от Иммануила Канта, «ноосфера» от Владимира Вернадского. Возможно ли попытаться трансформировать эти метафизические концепции в практическое русло и использовать каким-то образом в движении по созданию мировоззрения ИИ?

Я. Т.: Я не очень детально знаком с концепциями, о которых вы говорите. Исходя из того, как это звучит, я бы ожидал осложнений при использовании идей из континентальной философии, потому что будет огромная онтологическая проблема. Концепции построены на вещах, которые невозможно перевести на язык машины. Возникнет препятствие: будет сложно запрограммировать вещи, которые невозможно точно расписать до языка ассемблера. Это была бы проблема перевода.

Е. Б.: Я твердо убеждена, что на язык математики можно перевести практически все, что означает, что и запрограммировать можно практически все.

Я. Т.: Если что-то можно выразить в математическом виде, тогда, конечно, нет проблем это запрограммировать. Могут появиться определенные инженерные проблемы, но это уже технический вопрос. Однако в целом обычно люди, которые говорят о континентальной философии, не знают математики.

Е. Б.: Вызов практически принят и, возможно, лет через 35 я вернусь к вам с решением.



Елена Бойцун
импакт-инвестор, основатель коммуникационной группы «Технологии и общество»

Я. Т.: Всегда полезно рассматривать как можно больше точек зрения. Первое, что необходимо сделать, — это структурировать идеи достаточно конкретно, чтобы они были математически описаны и совместимы с компьютерными науками. Важно думать о разных идеях. Технология блокчейн это подтверждает.

Е. Б.: Я привела этот пример в рамках размышлений о том, что, возможно, для формирования мировоззрения ИИ необходимо учитывать достижения человеческой мысли в области философии, социологии, биологии, генетики, искусства, не говоря уже о физике, химии, астрономии.

Я. Т.: Я согласен, и большая проблема состоит в том, чтобы сосредоточиться на продуктивности. Как это сделать? — в этом вопрос. Обычно получается, что когда люди осознают необходимость собрать разные перспективы и точки зрения, то организовывают большую конференцию. Сейчас, во времена пандемии, у нас виртуальные конференции. Люди проводят много часов за разговорами, а затем ничего не происходит. Важная задача состоит в том, чтобы убедиться, что все идеи можно рассмотреть и реализовать эффективно и продуктивно, а не пытаться убедить людей прочитать много материала и потратить много часов на то, что после обсуждения не будет работать.

Я являюсь соучредителем Института по изучению будущего жизни (Future of Life Institute), и как раз самое масштабное, что мы сейчас делаем, — это проводим специальную конференцию каждые два года. Она была запланирована и в этом году, но из-за пандемии не состоялась. Мероприятие помогает изучать разные точки зрения на ситуацию. Но при этом важно отбирать людей, потому что, если в комнате находится хотя бы один человек, который не понимает, что происходит вокруг, но при этом активно пытается повлиять на процесс, это действительно может снизить продуктивность для всех.

Е. Б.: Вы построили замечательное сообщество для решения важных задач. Но кажется, что сейчас ваше сообщество и его идеи разрослись достаточно, чтобы немного открыться и добавить в повестку дня для общества вопросы, которыми вы занимаетесь.

Я. Т.: Именно поэтому я планирую привлечь к совместной работе сообщество дизайнеров механизмов (mechanism design), которое отличается от сообщества программистов.

Е. Б.: Большое спасибо за уделенное время и беседу, это было чрезвычайно увлекательно и полезно. Я рада, что мы сможем продолжить обсуждение этой темы на первом заседании группы «Технологии и общество», которая стартует в Украине.

Полная версия интервью опубликована на Huxley.media

Присоединиться к коммуникационной группе «Технологии и общество» возможно на веб-сайте tech-and-society.group

РАЗГОВОР С УЧЕНЫМ

Беседовал: Виктор Галасюк

**президент Украинской ассоциации Римского клуба,
член-корреспондент Всемирной академии искусства и науки**

Профессор Максим Коваленко, восходящая звезда мировой науки, возглавляет исследовательскую группу в Федеральной высшей технической школе Цюриха. Он работает в области химии твердого тела, квантовых точек, оптоэлектроники и накопления энергии.

Родился в г. Голая Пристань Херсонской области, вырос на Буковине, учился в Черновицком национальном университете, а к 39 годам успел поработать в Австрии, США и Швейцарии и создать собственную научную школу. В 2019 году он получил премию Рёсслера, которая присуждается многообещающим молодым профессорам Швейцарской школы Цюриха.

Специально для рубрики Huxleў «Science with the Club of Rome» Виктор Галасюк поговорил с профессором о том, что делает ученых счастливыми, как объективно оценить научные достижения, а также о том, почему важно оставаться идеалистом и как создать тепличные условия для развития науки в Украине.

О направлении работы

Моя тема — полупроводниковые наноматериалы, полученные химическими способами. Это то, что мы называем нанокристаллами или квантовыми точками. В магазинах уже продаются телевизоры с квантовыми точками, которые отличаются более яркими, чистыми цветами и энергоэффективностью процессов. Свет от монитора — результат люминесценции квантовых точек.

Таким наноматериалам есть и другое применение. В частности, в инфракрасных камерах и сенсорах может использоваться способность квантовых точек превращать свет в электрический сигнал. Такие камеры нужны, например, для смартфонов или для автомобилей с автопилотом. Сенсоры, в том числе и инфракрасные, определяют положение в пространстве, скорость автомобиля и наличие других объектов. В средней инфракрасной области сенсоры меряют химический состав газов.

В медицине и биологии используются люминесцентные метки, которые можно вводить в клетки и привязывать к определенным макромолекулам, наблюдая за ними. Это позволяет проводить медицинскую диагностику или базовые биохимические исследования.

О старте международной карьеры

Сначала я поехал в Австрию, где защитил диссертацию, а потом в США — на постдок. После этого, уже будучи профессором, — в Швейцарию. Я ехал не «от», а «к». Это классический путь в науке: люди тянутся к лучшим, чтобы научиться у них и пойти дальше. Для меня огромное значение имело, с кем я работаю и над какой темой. Мне повезло: я наткнулся на полупроводниковые наноматериалы очень рано, еще на факультете химии в Черновцах. Я стал, возможно, первым на кафедре, кто их синтезировал. Это было новое и очень перспективное направление.

Помню, на третьем курсе заведующий кафедрой профессор Панчук взял меня в поездку в Австрию. Нам нужно было в Вену, но он также свозил меня в Линц. Нас направили к молодому профессору Вольфгангу Гейзу. Он занимался физикой веществ, с которыми я пытался работать в Черновцах. Через несколько месяцев я снова к нему приехал и понял, что мне там нравится. Он был физиком, а я — химиком, но меня привлекала эта интердисциплинарность. Кроме того, он оказался очень хорошим человеком.

Поэтому у меня не было потребности выбирать ВУЗ или руководителя: я поехал в докторантуру к нему. Сейчас молодежь очень рациональна, они стараются просчитать все варианты. У меня не было потребности сравнивать варианты и выбирать между ними.

В США я попал похожим образом. В начале третьего курса докторантуры мой австрийский руководитель налаживал сотрудничество с национальной лабораторией в Беркли, США. Там как раз построили новый департамент, целый этаж которого был посвящен работе с наноматериалами. Управлял этим подразделением химик Дмитрий Талапин, уже тогда известный ученый, опубликовавший ряд отличных статей. Мой руководитель направил меня туда, и я понял, что после защиты хочу работать с такими людьми, как Талапин. Он как раз планировал переезжать в Университет Чикаго в качестве независимого профессора и набирал аспирантов и постдоков. Для меня это был еще один шаг вперед, но уже в плане химии. Вообще, это достаточно характерно для молодых ученых — очень высокая мобильность и динамика развития, особенно в первые десять лет карьеры.

О работе с аккумуляторами

Аккумуляторами и вопросами накопления энергии я занялся уже в Швейцарии, в придачу к предыдущим научным интересам. Многим кажется, что эта технология давно коммерциализирована и остались только оптимизация и инженерия. Но это не так — у химиков большой потенциал для творчества: можно придумывать новые батарейки и новые материалы для них.

Батарейки являются практически чисто химическим прибором. Требования к ним растут в зависимости от того, где они применяются. В зеленой энергетике обычно используются большие батарейки с высокой энергоемкостью. Важно также, чтобы они были дешевыми. Фотовольтаика дает нам электричество по меньшей цене, чем другие источники энергии. Но проблема в том, что зеленые источники энергии — непостоянные, поэтому возникает потребность накапливать электричество. Эти батарейки отличаются от тех, что используются в машинах. Их тоже можно применять, но это не самый умный выбор: батареи, установленные в Tesla и других электрокарах, — слишком дорогие для стационарного применения.

Еще одно перспективное направление — разработка твердотельных батареек для авто, которые будут гораздо более безопасными, чем те, что используются сегодня в электромобилях. Также эта технология позволит получить максимальную емкость при минимальной массе батарейки (так называемая энергетическая плотность). Для электрокаров это критически важно.

О счастье ученого

Формула хороших научных результатов — это комбинация трех составляющих: таланта, упорного труда и удачи. А формула счастья ученого, наверное, в том, чтобы не слишком полагаться на удачу. Иногда она приходит к талантливым людям, которые очень стараются и много работают. А иногда и не приходит. Есть люди, которым повезло найти новую тему или новый результат. Но счастье ученого не должно зависеть от везения.

Многие ученые концентрируются на том, чтобы стать известными или получить Нобелевскую и другие премии. Но это практически гарантированный путь к тому, чтобы быть несчастным.

Фотография предоставлена Максимом Коваленко

Счастье — это просто любить свой предмет и результаты своей работы такими, какими они есть. Стараться быть как можно лучше в плане знаний и навыков, но при этом уметь радоваться тому, что природа открывает для человека.

Что увидел — тому и рад. Не думать: «Ой, я получил результат, но он не такой выдающийся, как у кого-то, поэтому я несчастлив».

Неудовлетворенность мотивирует к развитию, но нужно уметь получать удовольствие от самого процесса, а не только от масштаба достижений.

Во многих странах карьера ученого уж слишком зависит от индекса Хирша, импакт-фактора и т.д. Институции оценивают исследователей по тому, сколько они опубликовали работ и сколько раз в год их процитировали. Это часто бьет по самооценке ученых: не процитировали — значит, плохая работа, надо делать другую. Начинают выбирать популярные темы, которые не интересны им самим, чтобы иметь высокий индекс цитирования.

Это напоминает культуру Instagram или Facebook, когда люди судят о себе по тому, как часто их лайкают. И так ученые становятся несчастными: они делают то, что им неинтересно, ради еще более высокого цитирования. Но всегда будет кто-то, у кого больше лайков. И кто-то, кого чаще цитируют.

О кумирах в науке

У меня много кумиров в науке. Большинство моих героев — люди, которые повлияли на мое формирование как ученого. Я мог бы назвать пару десятков коллег. А выделил бы я Джона Гуденафа, который в 2019 году в возрасте 97 лет получил Нобелевскую

премию по химии за разработку литий-ионной батареи. При этом литиевые батарейки — это один из побочных результатов его работы, потому что он сделал весомый фундаментальный вклад в химию и физику твердых тел.

Потом, как бы банально это ни звучало, Мария Кюри. Две Нобелевские премии, такая преданность науке. Меня восхищают люди, которые, не имея тепличных условий, самоотверженно делают такую огромную работу и в конечном итоге получают признание.

Пожалуй, я бы еще назвал Вильгельма Конрада Рентгена — одного из изобретателей рентгеновского излучения. Такие люди тоже поражают, если знать обстоятельства их экспериментов и как они относились к своим изобретениям. Они не пытались заработать на них больших денег — например, Рентген принципиально не запатентовал свое открытие.

О справедливой оценке научных работ

Наука — очень социальная сфера. Когда ученые что-то делают, то отталкиваются от существующих знаний, которые тоже сгенерированы людьми, много общаются с коллегами. «Качество» ученого оценивают другие ученые — и так было всегда. Лучше, когда это происходит напрямую: коллеги выбирают, кому стать профессором, кому получить награду и финансирование, и это основывается на их понимании науки или способности этого человека пояснить им, почему его исследование важное и интересное. Мне кажется, что это наиболее трезвый, хотя и не идеальный способ оценки успеха в науке.

Цитируемость, лайки — это все искажает оценку. Необходимо читать работу! Иногда одни ученые составляют мнение о других, даже не открывая статьи, а ориентируясь на рейтинг. И это делают служители науки! Думаю, единственный правильный способ оценки — это когда компетентные ученые

Виктор Галасюк,
президент
Украинской ассоциации
Римского клуба,
член-корреспондент
Всемирной академии
искусства и науки

читают работы коллег и высказывают свое мнение. Нужно убрать посредничество рейтингов, цитирования и других упрощенных автоматизированных механистических метрик.

Быть собой и продолжать мечтать

Сегодня человек живет в состоянии постоянной информационной атаки извне, которая исходит от множества довольно посредственных людей. Поэтому мне кажется, что важнейшим супернавыком является способность оставаться собой вне зависимости от того, сколько людей рассказывает тебе, как правильно жить. Конечно, важно следить за тем, что происходит, но нужно уметь защищать свой мир и свои ценности. Также необходима способность фокусироваться на работе. Нужно уметь отбрасывать все, что мешает быть собой.

Многие молодые люди идут на поводу у общества или семьи, которые подталкивают их к определенной профессии. Но если к ней не лежит сердце, нельзя поддаваться. Я принадлежу к числу тех счастливых людей, которые очень рано осознали, к чему сердце лежит, и имели способность не изменить этому чувству. И таким людям легко. Мне очень легко. И теперь я стараюсь помогать и другим находить себя.

В науке важно оставаться идеалистом.

Сейчас 80% моего времени уходит не на то, что я считал наукой в 16 лет. Я думал, что профессора — умные люди, которые целыми днями придумывают химические реакции, и поэтому я тоже хотел стать таким. Я таким стал и вижу, что у меня нет столько времени на придумывание. Как профессор я занимаюсь вещами, которые не имеют прямого отношения к науке. Но это не значит, что нужно забыть свою детскую мечту — ее можно реализовать по-другому.

Например, работая с талантливыми студентами. Мечта о чистой науке объединяет

меня и подобных мне людей, независимо от возраста. Я советую молодым (и всем) ученым быть маленькими идеалистами, не забывать первую любовь к своему предмету, а растить ее в себе и возвращаться к ней, когда есть возможность. Когда человек угнетает в себе эту любовь, он перестает быть собой.

О положении ученых в Украине

Молодым ученым очень тяжело реализоваться в Украине. И это большая трагедия. Я общаюсь с украинскими учеными, поддерживаю отношения с вузами, и мы вместе думаем, что можно улучшить.

Нужно различать науку и образование. Образование в Украине по инерции до сих пор весьма неплохое, но и оно постепенно ухудшается. Современная наука — роскошь для богатых стран, потому что ученым нужны комфортные условия. Без создания таких условий невозможно будет преодолеть отток молодежи из Украины. Плюс в Украине то, что каждые 4 года меняется власть. Возможно, придут люди, которые поймут, как важно развивать науку.

Украина не может в полной мере конкурировать с той же Швейцарией, которая представлена во всех направлениях мировой науки. Нужно расставлять приоритеты и выделять определенные отрасли и сферы, на которых сосредотачивать усилия. Защищать людей, обеспечивать им хорошие зарплаты. И действовать точечно, ведь большие бюджеты у Украины будут еще не скоро. Нужно точечно создавать тепличные условия для талантливых людей.

Но молодым ученым не стоит раскисать, когда нет возможностей. Нужно их искать — в Украине или за границей. И раскрывать свой потенциал. Нельзя поддаваться на аргументы, что наука — неблагодарное дело. Молодежь должна реализовывать свои таланты, даже если ради этого приходится переезжать. Это лучше, чем не развиваться. Если к чему-то лежит душа, нужно обязательно следовать своим путем, не сворачивать с него.

О смене поколений в науке

Я не сказал бы, что мозг ученых-украинцев устроен как-то иначе, чем у ученых из других стран. Я много работаю с украинцами 20–40 лет и заметил, что 20-летняя молодежь реально отличается от тех, кому 40. А 40-летние отличаются от тех, кому 60. Сейчас мы видим поколение людей, которые окончательно попрощались с «совком». Когда я ездил за границу в 2001–2003 годах, они только родились.

Теперь я ретроспективно наблюдаю, что распространенная проблема украинских ученых в Европе и США была связана с комплексом неполноценности. Тогда многие люди чуть ли не стыдились того, что они из Украины. Они был испуганные, недружелюбные, подозрительные, неорганизованные, с кучей комплексов. Они бы с большей радостью доверяли кому-то другому, чем друг другу. Я уверен, что это последствия советской системы с ее террором, запугиванием, доносами друг на друга, ну и бедности.

Мне кажется, что нынешние украинцы, и в частности молодые ученые, с этим уже распрощались. Они дружные, тянутся друг к другу и больше доверяют. Украинцы стали нормальной нацией — как немцы, швейцарцы, евреи, французы, которые уважают, ценят и поддерживают своих.

Это самое большое изменение, которое я заметил за 20 лет.

О научных стремлениях

Наша цель в том, чтобы квантовые точки, которые мы разрабатываем, нашли применение в лучших мониторах. Также мы хотим продемонстрировать батареи, которые смогут конкурировать с теми, что сейчас используются в мобильных устройствах.

Затем мы хотим показать на примере наших квантовых точек, что можно использовать не только классический свет (такой, как солнце и все освещение, которое мы видим вокруг). Существуют квантовые источники света, позволяющие контролировать статистику фотонов, иметь источники единичных фотонов, а также пары фотонов, которые пребывают в одном квантовом состоянии и неразличимы. Есть основания думать, что квантовые точки могут быть лучше, чем многие другие источники квантового света. Мы будем углубляться в этом направлении.

Я пока не знаю, что мы найдем, но чувствую, что это будет что-то интересное.

«Съешь меня!», 2020.
Холст, акрил, золотая поталь, 240 x 175 см

«Мечтай обо мне...», 2020.
Холст, акрил, золотая поталь, 240 x 150 см

Нина Мурашкина, Киев — Барселона
родилась 3 января 1985 г.

Национальная академия изобразительного искусства и архитектуры, Киев

«Зеленый лев», 2020.
Холст, акрил, золотая поталь, 150 см

Victor

Глава IV

Искусство

гармония, обретшая форму

Виктор Сидоренко
Проект
«Отражение
в неизвестном».
Холст, масло,
190x190 см,
2013

КИТАЙСКИЕ УРОКИ МИХАИЛА ГУЙДЫ:

КАК ОТЛИЧИТЬ ИСКУССТВО ОТ НЕИСКУССТВА

Беседовал Влад Михеев

Михаил Гуйда существует одновременно в двух мирах.

Он народный художник Украины, который входит в топ-10 художников полуторамиллиардного Китая, где живет и работает многие годы. Гуйда действительный член Национальной академии искусств Украины, профессор кафедры живописи и композиции Национальной академии изобразительного искусства и архитектуры и почетный профессор двух китайских университетов. Лауреат государственной премии им. Т. Г. Шевченко, лауреат премии им. И. Е. Репина, лауреат премий им. И. И. Огиенко, Т. Н. Яблонской.

Работает в области станковой живописи и графики. Непревзойденный мастер портрета. Его работы хранятся в десятках музеев, галерей и частных коллекций по всему миру.

Читателям Huxleў повезло: благодаря локдауну пребывание мастера на родине затянулось... и мы смогли поговорить с ним о том, что такое современное искусство, каковы критерии его «подлинности». И, конечно, нас заинтересовал взгляд на состояние украинской культуры человека, живущего на границе двух культурных миров.

Культурная периферия в ожидании «взрыва»

Когда Украина была в составе СССР, отношение к ней со стороны Москвы было как к культурной периферии. Достаточно вспомнить историю, которая произошла с Дворцом «Украина». Сейчас это главная концертная площадка страны. Но проектировали и строили *ее* втайне от кремлевского начальства как кинозал на месте, где в то время находился перенесенный позже Владимирский рынок. А изначально планировали вообще на фундаменте Михайловского монастыря. Плюс мрамором, предназначенным для Дворца, начали украшать дачи советских чиновников... Архитекторов так замордовали, что один из них, Петр Жилицкий, покончил с собой, сбросившись с моста в Днепр. Считалось, что современная концертная площадка украинцам ни к чему. Отношение к Украине как к культурной периферии сказывалось на всем — и на архитектуре, и на музыке, и на живописи. Украинское искусство вообще не значилось среди государственных приоритетов. В отличие от идеологии. Была цензура, были специальные люди, которые оценивали, насколько литературное произведение или кар-

Михаил Гуйда в мастерской. Фотография предоставлена художником

тина идеологически выверены. Такой человек мог прийти на выставку картин и потребовать убрать с экспозиции любую работу художника, если она ему не нравилась или была непонятна. При этом он не обязан был даже никому объяснять, почему принял то или иное решение.

После того как Украина обрела независимость, ситуация лучше не стала. Да, появилось больше свободы, советская идеология ушла в прошлое. Но культура и искусство по-прежнему не являются приоритетом в независимом государстве. Всех в первую очередь интересует политика, власть, коммерция... И через их призму искусство рассматривают как нечто необязательное и второстепенное. В результате у нас практически нет музеев, нет выставочных залов. Галереи, которые у нас появляются, как правило, не концептуальны и не работают на постоянной основе. Все происходит случайно, ситуативно, держится на энтузиазме одиночек. Отсутствие внятной государственной политики в области культуры консервирует представление об Украине как о культурной периферии. Но оно, очевидно, не соответствует культурному потенциалу страны, мощной творческой энергии украинцев, способной произвести настоящий «культурный взрыв».

Рынок искусства: китайский опыт

В Украине отсутствует рынок искусства — для этого совершенно нет условий, соответствующей институциональной среды. И над их созданием системно никто не работает, государство от этого самоустранилось. Если говорить о китайском опыте, то лет 25 назад состояние рынка напоминало современную Украину. Чтобы его

создать, китайское государство поступило «нелинейно».

На первоначальном этапе китайское правительство выделяло огромные средства на возврат в Китай некогда утраченных культурных ценностей. В этом проекте были задействованы даже некоторые из моих китайских учеников. Они рыскали по всему миру в поисках уникальных артефактов, вывезенных в разные годы с китайской территории. По сути, студенты выполняли функцию детективов, разведчиков. Они изучали частные коллекции, экспозиции и запасники музеев. Старались выкупить то, что представлялось им значимым культурным наследием.

На втором этапе в Китай за невероятные гонорары были приглашены эксперты с мировым именем из ведущих аукционных домов, таких как Sotheby's. Китайцы очень прагматичны и в этом отношении больше похожи на американцев. Они придерживаются простого правила — не изобретать «велосипед». Поэтому, если у них есть возможность купить самое лучшее, что есть в той или иной области, они это покупают. Например, даже обычные беговые дорожки и поле стадиона в университете, где я преподаю, китайцы наняли сделать немцев. Просто потому, что немцы это делают лучше. Точно так же создавать рынок искусств пригласили лучших. Игнорируя геополитические разногласия с другими странами, китайцы не стесняются приглашать итальянцев, американцев, японцев для работы в самых разных областях науки, технологий, искусства. Если украинец может чему-то научить китайца, тот с удовольствием и благодарностью будет у него учиться.

Украинская культура — дело фанатов-одиночек

Мне кажется, при поддержке государственных программ у нас должна быть сформирована мода на украинское искусство. Быть художником, коллекционером, галеристом, по-настоящему разбираться в живописи должно стать престижным и востребованным украинским обществом. Должна возникнуть соответствующая среда. Например, с театрами у нас дела обстоят относительно благополучно. Я вижу много молодежи, которая тянется к сцене, множество молодых людей, приходящих на театральные постановки.

К украинским художественным выставкам интерес намного ниже. В XXI веке это может показаться невероятным, но в большой европейской стране людям особо негде проводить культурный досуг — экспозиционная инфраструктура в Украине совершенно не развита. И, к сожалению, мы не видим, чтобы в этой области существовали или даже разрабатывались какие-либо государственные программы.

Все, что происходит в этой сфере, является плодом усилий отдельных энтузиастов. Галеристам приходится тратить значительные средства, чтобы купить или арендовать помещения, собрать команду, оформить и презентовать экспозицию, выплатить зарплату сотрудникам. При этом нужно понимать, что в большинстве своем все знаковые, серьезные, концептуальные проекты у нас некоммерческие. И пока галереи ведут неприбыльные проекты, они должны за счет чего-то держаться на плаву.

Нам повезло, что такие фанаты есть в Украине. Но этот опыт не масштабируется и никакого системного эффекта не дает. Во всем мире быть коллекционером и меценатом почетно и престижно. У нас же не только экономика находится в тени, но и коллекционная деятельность тоже. Кто, что, где и у кого приобрел, стараются лишний раз не афишировать. В Украине больше интересуются денежным эквивалентом картины, чем ее реальной художественной ценностью. Поэтому о полноценных экспозициях частных коллекций речи не идет.

Хотя примерно с 2014 года у нас появилась новая генерация «людей с деньгами» — это молодые украинские бизнесмены, а не чиновники с теневыми доходами. Многие активно и вполне легально выходят на рынок, интересуются живописью и на профессиональной основе формируют свои коллекции.

Музей — место встречи прошлого и будущего

За всю историю человечества без воли управленческой элиты, первых лиц государства не возникло ни одной значимой экспозиции. Так, Лувр создан усилиями нескольких поколений французских королей. Эрмитаж появился благодаря тому, что, начиная с Екатерины II, по всей Европе системно приобретались шедевры, лучшие произведения искусства. Один из крупнейших музеев мира — Национальный музей искусства в Барселоне — является консорциумом муниципалитета и Министерства культуры.

Государство без музеев — это государство не только без прошлого, но и без будущего. В Украине вопрос создания Музея современного искусства не только назрел, но и перезрел. С инициативой его создания неоднократно выступали деятели украинской культуры. Но из всех украинских президентов этой идеей заинтересовался только Виктор Ющенко, правда, дальше формальной заинтересованности дело так и не зашло. Проблема очень похожа на советскую историю со строительством Дворца «Украина». Говорят, что в центральной части Киева сложно найти место для такого объекта. Но мы видим, что землю под строительство бизнес-центров и новых жилых домов выделяют в самых неожиданных местах.

Причем с разрешительной документацией и инженерными коммуникациями не возникает проблем.

Без поддержки государства украинская культура, как система специального образования, рыночной инфраструктуры, галерей, выставок и музеев невозможна. Порой от этой поддержки может зависеть даже физическое выживание. Например, во время пандемии правительство Германии выделило 40 млн евро, чтобы поддержать немецких художников. Они оказались среди тех групп населения, по которым локдаун ударил наиболее сильно. Художники утратили возможность демонстрировать и продавать свои картины, а других источников доходов у них нет. Я понимаю, что для Украины это звучит как фантастика. Но, если государство не начнет учитывать потребности украинского «креативного класса», то талантливая молодежь, носители творческого, нешаблонного мышления будут продолжать покидать страну. И тогда на культурном потенциале Украине можно будет надолго поставить крест.

Украинская живопись — это terra incognita

Вы не поверите, но политика в области культуры в Украине регулируется еще советскими законами, принятыми в 60-х годах прошлого века. Примерно 6–7 лет назад в них были внесены небольшие, несущественные корректировки. В целом все осталось как было, за редким исключением. В частности, изменились правила ввоза-вывоза с территории страны культурных ценностей. Но в общем эти законы далеки от современных реалий, они явно устарели.

К сожалению, у правящих элит в Украине искаженные представления о многих вещах: культурной, экономической, языковой политике… Еще Уинстон Черчилль во время Второй мировой войны задавался вопросом: если мы не инвестируем в культуру, зачем мы тогда воюем? Культура — это фундамент, основание национального бытия в целом, включая экономику и политику. Может ли быть устойчив дом без фундамента? Неудивительно, что все 30 лет независимости мы не можем добиться устойчивого развития и нас шатает из стороны в сторону. Не может быть хорошо с дорогами, инвестициями и рабочими местами в стране, где плохо с культурой.

Культура народа — это очень широкое понятие: начиная от общения на рынке и заканчивая предвыборными президентскими обещаниями. Но только благодаря живописи, литературе, музыке она превращается в инструмент воспитания и влияния, в ресурс развития. Все наши финансовые, экономические и даже демографические проблемы родом отсюда — они от пренебрежения главным, от отсутствия адекватной политики в области культуры.

Украинская живопись имеет потрясающую историю и великие, хотя и малоизвестные широкой публике имена. Но для самих украинцев это terra incognita. Об украинских художниках почти не пишут книги, не снимают фильмы и телепередачи. Хотя они, без сомнения, заслуживают этого. Возьмите, например, литовца Микалоюса Чюрлениса. Как они им гордятся, как берегут и пропагандируют на государственном уровне его наследие. Но в Литве Чюрленис один, а у нас в Украине есть не один десяток художников такого масштаба, однако они находятся на задворках культурного сознания. А ведь их «раскрутка», выставки, книги и фильмы о них вполне могли бы стать коммерчески успешными и принести государству немалые деньги.

Есть такое понятие: креативная индустрия. Широко известен факт, что на производстве музыки Великобритания зарабатывает больше, чем на автомобильной промышленности. Украинская живопись — это золотоносная жила, которую государство, увы, предпочитает не замечать.

Сильная культура — сильная экономика

Украинская культура страдает от чрезмерной политизации этой сферы. Вообще, вся наша публичная сфера жизни излишне политизирована. Ментально мы еще не до конца расстались с советским наследием, прочно засевшим в наших головах: делить живопись на «полезную» и «вредную», «правильную» и «неправильную». Засилье политической конъюнктуры, хоть «правого», хоть «левого» толка затрудняет осознание того, что единственный адекватный критерий в искусстве — талантливо или неталантливо. Помните, как Максим Горький вопрошал: «С кем вы, мастера культуры?» Но искусству, если оно настоящее, необязательно быть с «кем-то». У него одна задача — быть на стороне красоты, ума, таланта, творческого поиска.

В Украине отсутствуют эффективные каналы коммуникации для тех, кто производит и потребляет культурные ценности. Как следствие, ни у кого нет информации о том, что в реальности у нас происходит в сфере искусства. У нас нередко восторгаются экономическими и технологическими успехами Китая. И сетуют: «Как же так, почему мы не можем повторить китайский опыт?» При этом забывается, что культура и экономика неразрывно связаны. Особенности экономического мышления закрепляются как культурная норма и формируются в области культуры. В Китае тратят колоссальные деньги на информационно-издательскую поддержку живописи: бесчисленные журналы, сборники, каталоги, выставки…

Ответьте, сколько новых художественных музеев было открыто за последние десятилетия в украинских городах? А вот в том же Китае мэр самого захудалого по китайским меркам городка считает делом чести и престижа построить музей. Это показатель его заботы о развитии города, своеобразная визитная карточка. Даже такой музей, который поначалу пустует, выполняет важнейшую функцию — вокруг него формируется среда. Более того, когда в китайских городах проектируются новые жилые кварталы, то проектом в обязательном порядке предусматриваются галерея, художественная школа, мастерские для художников. И в первую очередь туда приглашают художников для проведения пленэров. Чтобы люди, которые покупают квартиры, видели — здесь эстетично, интересно и комфортно жить. Здесь работают мастера живописи, здесь есть какая-то культурная среда, а не просто набор бетонных коробок, в которых можно переночевать.

В Китае все это функционирует на уровне государственных программ. Места для экспозиций в галереях, площадь которых как правило не меньше 2000 м^2, и творческие мастерские художникам выделяются бесплатно, они оплачивают только коммуналку. Если в Киеве художник счастлив, имея студию в 80 м^2, то китайские мастерские могут занимать и 300, и 500, и более квадратов.

Искусство «включает» детский мозг

Понятно, что сейчас Украине не потянуть подобные проекты, экономический потенциал не позволяет реализовать программы таких масштабов. Однако можно начать с самого элементарного, но от этого не менее важного — со школы. Обратите внимание, кто у нас сейчас преподает живопись в средней школе. Учителей по рисованию замещают кто ни попадя: учителя физкультуры, трудовики. То есть навыки рисования у детей формируют случайные, совершенно не подготовленные к этому люди, порой даже без какого-либо педагогического образования.

Насколько важна роль учителя и общеобразовательной школы, можно проиллюстрировать следующим примером. Накануне Второй мировой в небольшом городке Пологи, расположенном в Запорожской области, была самая обычная школа. Но в ней работал преподаватель Академии художеств, талантливый педагог, фанат своего дела. Поразительный факт: из 28 учеников класса, где он преподавал, многие стали художниками. Жизни некоторых из них забрала война, но те, кто выжил, внесли большой вклад в историю украинской живописи.

В отличие от украинского, китайское руководство очень хорошо понимает, что для формирования творческого инновационного мышления искусство незаменимо. Понимают это и родители китайских школьников. Они считают так: главное, чтобы ребенок умел танцевать, рисовать и петь. Это основа, на которой можно строить все остальное. Таблица умножения не так важна для формирования мышления, как иррациональные, художественные «образы мира» — музыка, танец, книга, живопись. Научно доказанные факты: наш мозг реагирует на них усложнением нейронных связей. А быть умнее для человеческого вида, значит быть конкурентнее, получить эволюционное преимущество. В этом смысле значение искусства для Homo sapiens трудно переоценить.

Деградация изобразительных навыков

Основы художественного мышления закладываются с самого раннего детства, начиная с уровня букваря. Вспомните, раньше азбуки были иллюстрированы картинами выдающихся художников. Для многих знакомство с живописью начиналось с картины Васнецова «Три богатыря». К сожалению, сейчас эта традиция напрочь утрачена, на наши учебники без слез невозможно смотреть. Навык рисования у детей деградирует вместе с системой образования.

Сегодня повсеместная практика — распечатать на принтере контурные изображения каких-нибудь «телепузиков», чтобы дети в течение урока их раскрашивали. Это отдельная большая проблема. Дальше она транслируется на уровне художественной студии. Нередко можно видеть, как учеников усаживают за мольберты и просто дают перерисовывать кем-то созданное изображение. Таким способом научить художественному ремеслу, сформировать образное или пространственное мышление невозможно. Это примерно так же, как учить ребенка читать и писать по-английски, записывая английские слова знакомыми ему русскими буквами.

В итоге, когда выпускники школ становятся студентами художественной академии, они, по сути, толком не умеют рисовать. И преподаватель вуза вынужден тратить время на элементарные вещи — учить тому, что к моменту поступления в академию уже должно было стать устойчивым навыком. Начиная с изображений «кубика» и «шарика»...

Раньше, до поступления в вуз, эти знания и умения формировались и совершенствовались в художественных училищах. В училище учились 5 лет, в академии — 6. 11 лет обучения — это очень серьезное образование, сравнимое разве что с медицинским. Оно обеспечивало поступательное развитие, структурированное накопление

знаний и опыта. Но художественные училища зачем-то начали объединять с другими заведениями — музыкальными, танцевальными, театрально-цирковыми и т.п. — в так называемые «колледжи культуры». В результате из системы обучения выпало очень важное для становления профессионального художника «среднее звено» — между школой и вузом.

Как передать «вирус мастерства»?

К сожалению, наша система образования, пытаясь копировать европейскую модель, наносит качеству художественной среды большой ущерб. Непродуктивным для художественного образования оказалось разделение на бакалаврат и магистратуру. Сейчас входит в моду онлайн-обучение. Однако, если лекцию по истории искусства еще можно прочитать онлайн, то чтобы научить человека рисовать, нужен непосредственный контакт учителя и ученика.

Обучение живописи невозможно поставить на конвейер, это все очень индивидуально и требует живого общения. Я помню, как еще в училище мой преподаватель говорил: «Напиши мне слово «мама» — даже с закрытыми глазами ты справишься с этим без ошибок. Вот точно так же ты должен уметь рисовать ухо, а для этого тебе нужно изучить его, досконально знать все его анатомические особенности». Дистанционно развить изобразительное мастерство до такого уровня практически нереально. Оно как вирус — передается от одного человека к другому только при непосредственном контакте.

Да, у меня сейчас четыре студента-дипломника в Китае, которые из-за локдауна не имеют возможности приехать в Украину. Мы общаемся онлайн. Но это, можно сказать, уже состоявшиеся художники. Они присылают мне эскизы, я им что-то надиктовываю в ответ. И даже в таком случае это сопряжено с большими трудностями, которые усугубляются языковым барьером. У меня в Китае есть друг — переводчик с большим опытом. Его русский безупречен, акцент отсутствует абсолютно, и словарный запас такой, что иной носитель языка позавидует. В основном он зарабатывает на переводах контрактов для горнодобывающей промышленности.

У нас с ним произошел такой случай. Однажды, когда я читал китайским студентам лекцию по перспективе — не самую сложную — он попросил меня остановиться: он оказался неспособен ее перевести. Лекцию отменили. В итоге переводчик взял три дня на изучение темы перспективы: терминологии, нюансов контекста. И только после этого у нас с ним получилась полноценная лекция. Это еще раз говорит о том, что обучение живописи требует значительного времени и профессионального подхода.

Европа разучилась рисовать

Украине есть чем гордиться, есть что продвигать и развивать. У нас очень много талантливых художников, которые ценятся за рубежом больше, чем на родине. На всем постсоветском пространстве смогли сохраниться всего лишь несколько «реалистических» (в адекватном современности творческом понимании реализма) школы живописи — в Москве, Петербурге и у нас, в Киеве и Харькове.

В Европе эта академическая традиция оказалась во многом утраченной. И в Барселоне, и в Вене, и в Мюнхене давным-давно отошли от профессионального подхода к обучению. Европейская концепция такова, что изобразительное мастерство вторично, главное в картине художника — это идея, а не качество исполнения. Подход, при котором уровень реализации идеи неважен, по сути, привел к исчезновению профессии художника.

Критерии профессионализма оказались предельно размыты. Возникла ситуация, когда примерно 80% тех, кто в Европе занимается живописью, — это дилетанты, которые по большому счету не умеют рисовать. Украинская школа сохранила то, что утрачено на Западе, поэтому она ценится во всем мире. Я знаю случай, когда одна из выпускниц нашей академии, которая училась довольно посредственно, на тройки, вышла замуж и переехала жить в Австрию, сейчас преподает в Венской академии художеств. И, как выяснилось, на общем фоне она лучшая — профессионал номер один. Потому что в Украине ее чему-то научили, научили реально делать руками. Или взять, например, моих студентов, которые стажировались в Барселоне. Слава богу, сейчас весь мир открыт, можно многое самому изучать и сравнивать. Так вот, наши студенты были крайне удивлены, что каталонские профессора по сравнению с ними практически не умеют рисовать.

Портрет — исчезающий жанр

Нужно сказать, что искусство портрета в современном мире стремительно исчезает. Оно исчезает вместе с реалистической живописью и вытесняется портретной фотографией.

Даже в Украине, где школа еще сохранилась, в жанре портрета могут работать единицы. Хотя в свое время, после падения «железного занавеса», Запад не случайно ринулся к нам — из нашей страны вывозилось огромное количество картин, настоящую ценность которых украинцы тогда не понимали. Да и сейчас мало кто понимает.

Возможно, свою роль сыграла специфическая психология восприятия портрета в странах Восточной Европы. У нас оно очень персонализировано. Портрет — это не столько самоценное произведение искусства, сколько нечто вроде «рисованной фотографии» конкретного человека. У нас поэтому почти никто не готов купить и повесить на стену портрет чужого ему человека.

За рубежом дело обстоит иначе. В том же Китае мой портрет Параджанова вызвал настоящий ажиотаж. Хотя, казалось бы, где Китай, а где Параджанов, о котором китайцам практически ничего не известно. Но их интересует не столько личность человека, который изображен на портрете, сколько то, как он изображен художником.

Параджанов внешне очень фактурен. Это сложная, самобытная личность. Все это я постарался передать в портрете, над которым работал 1,5 года. Китайцам портрет Параджанова очень нравится. Меня даже неоднократно просили повторить картину — еще раз написать этот портрет. Естественно, я сказал, что это невозможно.

Культура копирования

Вопреки расхожему мнению, китайцы прекрасно отличают оригинальную авторскую работу от копии. Но нужно понимать ценность копирования для китайца: оно помогает транслировать опыт прошлых поколений в веках. Традиционная китайская живопись стоит исключительно на копировании шедевров старых мастеров. Только после того как ты научился идеально повторять образец, на высшей ступени мастерства (в Китае их пять!), можешь позволить себе «произвольную программу».

Поэтому вовсе не желание кого-то обмануть, а бережное отношение к лучшим образцам искусства, желание учиться у лучших сформировало в Поднебесной непонятную западному сознанию «культуру копии». Хотя нужно сказать, что китайцы здесь не одиноки. Например, благодаря тому, что в Древнем Риме старательно подражали греческим образцам, до нас дошло многое из искусства эллинов, что могло быть безвозвратно утрачено.

Мне довелось бывать в огромных цехах, где китайские художники занимаются копированием различных картин, начиная от Рембрандта и заканчивая Климтом. Это довольно сложное ремесло, которое также требует немалого профессионализма. В Китае даже существуют специальные училища и колледжи, которые готовят копиистов.

Так что даже «подделка» нуждается в мастерстве. Она тоже может быть плохого и хорошего качества, профессиональной и аматорской. И все же в Китае появляется все больше людей, которые ценят единичность и уникальность произведения. Они всегда интересуются: сколько было повторов, два, три или более? Растиражированная картина тоже имеет ценность, но чем меньше тираж, тем выше ценится работа. Для китайцев важно, это первоисточник или «вариация на тему», авторская копия или изготовленная учеником мастера.

Что делать с пресловутым «я так вижу»?

Есть пул популярных профессий, в которые наблюдается массовый исход молодых людей. У нас явный переизбыток психологов, юристов, журналистов, пиарщиков, литераторов, разного рода консультантов. С художниками дело обстоит не лучшим образом.

Вообще, непрофессионализм — пресловутое «я так вижу» — это настоящий бич нашего времени. Тех, кто позиционирует себя как художник, в мире с каждым годом все больше, но по-настоящему профессиональных, хороших мастеров, по-прежнему мало.

Почему голубь, которого за 5 минут нарисовал Пикассо, прозвучал на всемирной выставке? Для того чтобы критерии оценки не размывались, как раз и существуют музеи и другие институции.

Пикассо, по его собственному признанию, к этой кажущейся «простоте» шел всю жизнь. В современном же мире все процессы ускорились, человек в нем ориентирован на мгновенный результат. К искусству, которое является базовой потребностью человека, тянутся многие. Но успех при этом, на который они рассчитывают, должен прийти мгновенно. 11 лет учиться рисовать или потратить 2 года на создание одной картины — в нашу эпоху многим это кажется абсурдом. Поэтому неудивительно, что большинство современных «шедевров» предназначены для одноразового использования. На поверку они оказываются мыльным пузырем, фикцией, не выдерживающей проверку временем.

На самом деле, размытость критериев оценки — очень болезненная проблема. Это не вина современных людей, а беда. Сегодня человек растерян, ему сложно ориентироваться в стремительном потоке противоречивой информации и трендов. Вот почему адекватное восприятие искусства нужно прививать с начальной школы. А у глав государств и правительств должен существовать совещательный орган, состоящий из настоящих профессионалов.

Но где критерии профессионализма? Как отличить хорошее качество от плохого, искусство от неискусства?

Центральная часть триптиха «Караван»,
2020.
Холст, масло,
250x202 см

Левая часть триптиха «Европейцы в Поднебесной»,
2020.
Холст, масло,
202x281 см

Правая часть триптиха «Встреча китайских купцов»,
2020.
Холст, масло,
200x281 см

Триптих «Великий шелковый путь», 2020.
Холст, масло, 200x250 см

Критерий 1. Необразованных профессионалов не бывает

Как отличить хорошего художника от плохого, можно поучиться уже сейчас — у современных профессиональных галеристов. И них-то как раз существуют вполне конкретные критерии оценки. Например, галерист всегда интересуется образованием художника. Конечно, в истории живописи существуют самородки, такие как Пиросмани или Примаченко, но это, как правило, «народный примитивизм». Имея образовательную платформу, профессиональный художник может успешно работать в любом жанре. Порой очень тонкая грань отделяет его от дизайнерского «оформительства» или даже талантливого дилетантства. Но, поверьте мне, она есть.

Всякое искусство имеет право на жизнь, но ничто не должно существовать вместо другого. Поэтому мне не очень импонирует позиция некоторых «прогрессивных» деятелей, которые объявляют неактуальным и непрофессиональным все, что не соответствует их художественной концепции. Как позитивный пример, часто приводят экспозиции PinchukArtCentre, где выставляется самое авангардное, яркое, передовое. При этом забывают, что сам Виктор Пинчук является обладателем огромной частной коллекции классики, одной из лучших в Украине.

Жанры существуют не просто так — хорошо бы, чтобы в них ориентировались и зрители, и сами художники. Когда мы говорим об актуальном современном искусстве, нужно понимать, что какие-то идеи уместно выразить в плакате, а что-то только в инсталляции или в графике. Но если перенести эти подходы в живопись, то они не сработают.

Живопись — это органический синтез психологии восприятия, энергетики художника, его мастерства, его проб и ошибок, глубоких и концептуальных смыслов. Но когда смешение и размывание жанров является самоцелью и трактуется как «новая норма», то живопись исчезает. Вы можете попросить бармена приготовить коктейль и смешать ингредиенты по какому-нибудь классическому рецепту — это будет вкусно и эстетично. Но профессиональный бармен никогда не предложит вам водку с пивом, добавив туда для пущего эффекта денатурат.

Даже в абстрактной живописи очень легко определить, заканчивал автор картины академию или нет, насколько успешно и старательно он в ней учился. Такой художник понимает, что такое пятно, линия, основы композиции, соотношение черного и белого в картинной плоскости… Как сказал великий танцовщик и хореограф Иван Васильев, тот, кто танцует классику, будет блистать в любом жанре.

Критерий 2. Деньги — не мерило качества

Не самую благовидную роль играет и система грантов, которая загоняет художников в узкие конъюнктурные рамки. Они начинают рисовать то, за что им гарантированно заплатят прямо сейчас. У молодых формируется конъюнктурное мышление, которое противопоказано настоящему творчеству как зоне свободы, новаторства и эксперимента. Это имеет самые разрушительные последствия для искусства.

Но особенно молодому художнику тяжело противостоять такому соблазну, как грант, ведь это маркер того, что он будет соответствовать моде. А значит, будет востребован, попадет на выставку и т.д. Но, конечно, такой заранее предрешенный успех картины ничего не говорит о ее реальных художественных достоинствах.

Система искусствоведения должна быть настроена таким образом, чтобы предлагать людям полный срез изобразительного искусства на сегодняшний день и давать объективное представление о его прошлом и настоящем. Посещая музей или галерею, человек должен увидеть и оценить разные идеи, стили и жанры, сравнить, разобраться в искусстве и его временном развитии.

Нередко система аукционов, оценок и рейтингов грешит, потому что покупается то, что проплачивается. Грубо говоря, художники сами покупают у себя, выставляя заоблачную цену на свои картины. Таким образом возникает «надутый», завышенный спрос на их картины, которые в реальности таким спросом не пользуются. Некоторые художники попадают в свою же ловушку. Они готовы бы продать свои картины по реальной цене, но снизить аукционные цены уже не в состоянии. Поэтому далеко не все, что прошло через грантовые и аукционные фильтры, является шедевром, достойным той суммы, в которую его формально оценили.

Критерий 3. Настоящее искусство — неагрессивно

Не секрет, что дилетантов намного больше, чем профессионалов. Профессионалы ведут себя более сдержанно. А дилетанты, орудуя локтями, расталкивают представителей профессиональной среды, потому что им надо поймать хайп, нужно угнаться за сиюминутной модой, успеть продвинуть то, что продается именно сейчас. Яркий пример — картины, которые представлены на Андреевском спуске. Его история начиналась еще когда

будущий президент Украины Леонид Кравчук был советским руководителем, а я возглавлял Киевскую организацию Союза художников Украины. Мы долго добивались, чтобы нам дали возможность выставить свои работы на Андреевском спуске. Видимо, наши настойчивые просьбы надоели ЦК партии, и нам наконец разрешили организовать там выставку. Но — только на один день!

Художники готовились к этому событию очень серьезно, сами занимались организацией, транспортом. На этой выставке были представлены такие классики украинской живописи, как Яблонская, Лопухов, Шаталин, Пузырьков и многие другие, приняли в ней участие и молодые авторы.

А теперь сравните это с тем, что сейчас выставлено на Андреевском спуске: в какой-то момент место в одном ряду с Яблонской занял аматор. Со стороны неискушенный зритель мог сделать ложный вывод, что их картины равноценны. Но выгнать такого аматора с Андреевского спуска уже нельзя. Он вам ответит, что у него свое «особое» видение, что это недемократично, его зажимают, и он тоже имеет право на творчество.

И на Андреевском спуске мы имеем то, что пользуется спросом у широкой публики, но к серьезному, настоящему искусству в основном не имеет никакого отношения. Начало — в страдании…

Андреевский спуск стал синонимом чего-то некачественного. Теперь, если покупателю цена настоящей живописи кажется дорогой, — ему говорят: «Это вам на Андреевский спуск!» К сожалению, все это формирует вкус не только людей из народа, но и элиты.

Однажды меня пригласили написать портрет дочери одного высокопоставленного чиновника от культуры. Когда я пришел к нему домой, то ужаснулся — все стены были завешаны картинами с Андреевского спуска. Ему отрекомендовали меня как профессионального портретиста. Но, естественно, моя работа ему понравиться не могла — он был ориентирован совсем на другое качество.

Критерий 4. Профессионал — человек с «историей»

Еще один критерий профессионализма: творческий путь художника. Сколько у него работ, с какой интенсивностью он творит, насколько он одержим своей профессией. Потому что сейчас возникло такое явление как «художник пяти картин». То есть человек сделал нечто, что, по его мнению, может претендовать на шедевр. Однако шедевры не рождаются в вакууме, им предшествуют большой жизненный опыт и напряженный творческий поиск.

Упомянутая модель творчества весьма популярна на Западе, где самореализацию поощряют в ущерб профессионализму. Человек берет на работе месячный отпуск, арендует студию и за месяц «стахановским методом» выдает на-гора серию картин, делает персональную выставку. После этого он возвращается к основной деятельности — на завод или за офисный стол. Конечно, это аматорское представление об искусстве. Для настоящего художника живопись является единственной профессией и средством заработка.

Критерий 5. Интерьерная живопись — не совсем искусство

Согласно статистике, во всем мире основное потребление приходится на «интерьерную живопись». Такие картины, которые пишут и покупают для оформления пространства, для «пятна на стене», составляют примерно 80% рынка. Это больше про оформительство, чем про искусство. Подлинное искусство — это не просто пятно на стене. Это все довольно сложно — сложные творческие задачи, сложные проблемы, сложные смыслы и идеи, сложный, высокий уровень мастерства. Поэтому людей, у которых есть необходимость выйти за рамки оформления интерьера, которые стремятся к глубокому пониманию и анализу искусства, объективно не так уж много.

Подлинное искусство по-хорошему элитарно. Оно требует специальных знаний, вкуса, понимания, значительных временных и финансовых затрат, на которые готов решиться далеко не каждый. Поэтому я рад, что в Украине появляются новые коллекционеры и меценаты. Возрождается качество художественной среды. Когда-то Андрей Мыльников на защите дипломных работ выпускников Академии художеств в Санкт-Петербурге сказал замечательную фразу: «В конце концов, мы не должны каждый год выпускать Рафаэлей».

Конечно, Рафаэли рождаются раз в двести лет. Но я счастлив, что среди студентов академии глубокие, думающие люди, которые серьезно относятся к живописи. И это вселяет надежду в будущее украинской художественной школы, которая высоко ценится и, уверен, будет цениться во всем мире.

Режиссер	Клод Ланцман
Страна	Франция
Год	1985

ФИЛЬМ, СОДРАВШИЙ КОЖУ С НАШИХ ИЛЛЮЗИЙ

ОСНОВАНО НА РЕАЛЬНЫХ ИНТЕРВЬЮ

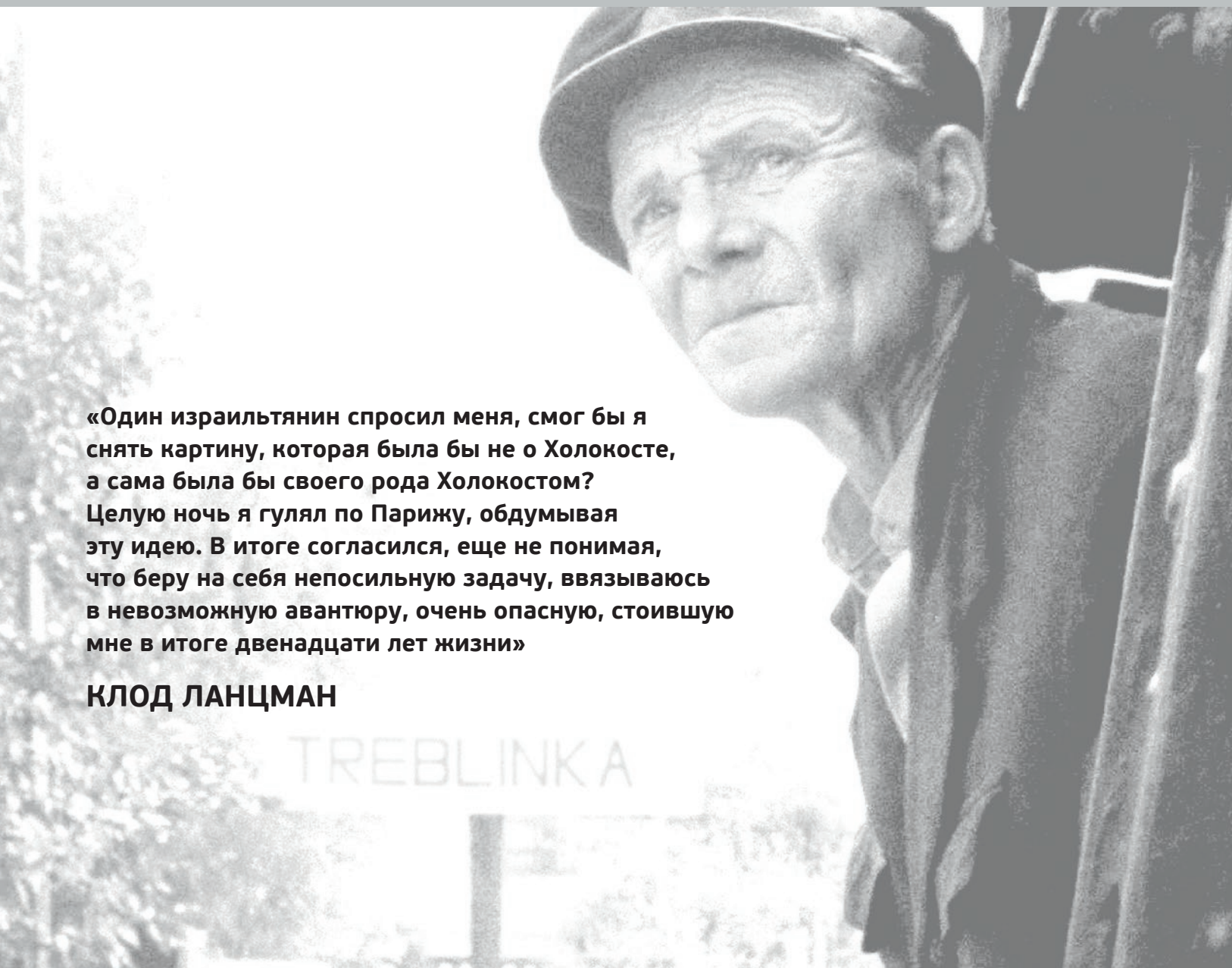
Режиссер фильма «Шоа» (фр. Shoah) Клод Ланцман понимал, что даже его 9-часовая картина не способна ответить на вопрос, что такое Холокост на самом деле.

Само слово «шоа» (на иврите. הָאוֹשׁה — бедствие, катастрофа) многозначно и встречается в Танахе 13 раз в различном контексте. В книге Мишлей, Притчах Соломона, — это «гроза», «внезапно поднявшаяся буря», «вихрь». В книге Иова и книге Теилим — это «мрак», «тьма», «темная пустыня».

То есть в случае с «Шоа» мы имеем дело не с локальным бедствием одного народа, а с метафорой глобальной катастрофы, постигшей мир людей в результате обрушившейся на них стихии зла, имеющей космические масштабы и иррациональную, нечеловеческую, непостижимую умом природу.

Не вошедшие в окончательный монтаж материалы были использованы впоследствии в фильмах: «Живой и уходящий» (1999), «Собибор, 14 октября 1943 года, 16 часов» (2001), «Доклад Карского» (2010), «Последняя несправедливость» (2013) и «Четыре сестры» (2018).

SHOAH



«Один израильтянин спросил меня, смог бы я снять картину, которая была бы не о Холокосте, а сама была бы своего рода Холокостом? Целую ночь я гулял по Парижу, обдумывая эту идею. В итоге согласился, еще не понимая, что беру на себя непосильную задачу, ввязываюсь в невозможную авантюру, очень опасную, стоившую мне в итоге двенадцати лет жизни»

КЛОД ЛАНЦМАН

Писатель, журналист и кинопродюсер Клод Ланцман. Париж, 2016.
Фотография Жоэля Саге / AFP by Getty Images

Клод Ланцман — фигура знаковая для мировой культуры XX и XXI веков. Интеллектуал, журналист, писатель, философ, режиссер. Он был культовой личностью в европейском культурном сообществе. Близкий друг Жан-Поля Сартра. Его невероятный роман с Симоной де Бовуар длился долгих семь лет и сам по себе достоин отдельной экранизации. Но прежде всего Ланцман известен как режиссер знаменитого кино-эпоса о Холокосте — «Шоа». Фильм вышел еще в 1985 году и стал настоящей мировой сенсацией.

К сожалению, у нас он до сих пор практически неизвестен, хотя без него разговор о современном мировом кинематографе и культуре вряд ли возможен. Альманах Huxleў решил восполнить этот досадный пробел.

Искусство после Освенцима

Об этой проблеме впервые заговорил немецкий философ и социолог культуры Теодор Адорно. «Писать после Освенцима стихи — это варварство, оно подтачивает и понимание того, почему сегодня невозможно писать стихи», — заявил он в своей работе «Культурная критика и общество» в 1951 году. Этот тезис стал своего рода водоразделом в послевоенной философии культуры.

Апофеоз расчеловечивания, с которым Европа столкнулась при Холокосте, поставил под сомнение все «человеческое содержание» цивилизации: представления о добре и зле, морали и законе, государстве и обществе, идеологии и культуре… Как соотнести страшный опыт дегуманизации с привычной художественной практикой?

Кинематограф родился в Европе, которая доверила ему воплотить свои старые иллюзии и грезы. Менее чем через полвека та же Европа породила Холокост, который не оставил камня на камне от иллюзии о человеке и человечности.

Он стал «мерой мер» всех последующих фантазий, социальных экспериментов, культурных трендов и политических вожделений.

Вправе ли искусство игнорировать Холокост? А если не вправе, то как оно должно о нем говорить? Ведь описывать страшный опыт дегуманизации придется «важнейшему из всех искусств», которое само во многом ответственно за эту дегуманизацию. Так может ли кино после Освенцима оставаться прежним?

Адорно напоминает, что в свое время Кьеркегор выстроил свою критику эстетического вокруг тезиса, что интеллектуалы и художники не являются равными партнерами бытия, творят с позиции «неучастия в бытии». В случае с Холокостом подобная эстетическая «отстраненность» немыслима!

Клод Ланцман вспоминал, как возникла идея снять фильм о Холокосте:

«Один израильтянин спросил меня, смог бы я снять картину, которая была бы не о Холокосте, а сама была бы своего рода Холокостом?

Целую ночь я гулял по Парижу, обдумывая эту идею. В итоге согласился, еще не понимая, что беру на себя непосильную задачу, ввязываюсь в невозможную авантюру, очень опасную, стоившую мне в итоге двенадцати лет жизни».

Чтобы рассказать о Холокосте, Ланцману потребовалась совершенно другая эстетика.

Революция Ланцмана

Сюжетность — без нее невозможно кино- или литературное повествование. Но в случае с Холокостом она препятствует пониманию масштаба той катастрофы, которая произошла с человечеством. Поскольку эта катастрофа не сводима ни к одному отдельно взятому, даже самому сильному по эмоциональному воздействию сюжету.

Вообще, многое из того, что касается Холокоста, находится за пределами возможностей сознания человека. Например, как бы ни была чудовищна статистика, приводимая в документальных фильмах, наш мозг все равно не в состоянии адекватно осознать всю стоящую за этими цифрами правду.

Поэтому в фильме «Шоа» Ланцман отказывается от всех привычных атрибутов жанра — сюжета, статистических данных, карт, архивных фото и видео — всего, что уводит от страшной сути. Его картина длится 9 часов, значительно превышая прокатные нормы.

Так же Холокост превышает пределы нашего понимания и времени, являясь непреходящим событием в истории человечества. Холокост — это не то, что когда-то произошло между евреями и немцами, это то, что продолжается со всеми нами прямо сейчас.

Ланцман сознательно предваряет фильм словами «Действие начинается в наши дни». Потому что «наши дни» — это и 1985-й (год выхода фильма), и 1942-й, и любой день, когда зритель картины переходит невидимую грань времени.

О катастрофе свидетельствуют такие же люди, как и мы. Зритель находится с ними лицом к лицу, становясь вместе с автором фильма соучастником 9-часового «допроса с пристрастием» жертв и палачей.

9 часов все они существуют на грани бытия и небытия.

«Живых в этом фильме нет, — признавался Ланцман. — И я сам не называю их «выжившими», а скорее, «людьми, вернувшимися с того света, призраками».

Полноправными участниками картины являются не только интервьюируемые «призраки», но и те, кого нет в кадре, — Холокост вычеркнул их из жизни.

«Присутствие» одних в мире живых является причиной «отсутствия» в нем других. **Людям, вернувшимся с того света, приходится говорить не только о мертвых, но и ЗА них.**

Влад Михеев
эксперт по стратегическим коммуникациям, кандидат филологических наук

Банальность зла

«Банальность зла: Эйхман в Иерусалиме» — так называется книга, написанная философом Ханной Арендт, ставшей свидетельницей суда над подполковником СС Адольфом Эйхманом, который проходил в Израиле в 1961 году. В книге Арендт собрано множество свидетельств и примеров реакции людей на Холокост.

Пытаясь разобраться в причинах трагедии, Арендт делит людей совсем по другому принципу. Не на палачей и жертв, а на тех, кто способен критически мыслить, и тех, кто на это не способен. Она не находит в Эйхмане ничего необыкновенного или патологического.

Он обычный, банальный обыватель, который «выполнял свой долг», «подчинялся приказу» и «просто делал свою работу» — именно так Эйхман и интерпретировал свои преступления: он не осознавал, что это преступления, никакой ненависти к евреям не испытывал, а банально следовал законам, установленным государством.

«Банальность зла» по Арендт — это действия обывателя, который не ведает, что творит. Критическое мышление предполагает ответственность. Но на нее-то как раз и оказывается неспособен обыватель, который «просто живет», перекладывая ответственность на государство, партию и фюрера, думающих за него. Очень многие евреи эту позицию не поняли и не приняли. В Израиле Арендт и ее книги бойкотировали около 30 лет.

Ланцман, который славился своим несговорчивым и неуступчивым характером, также не пожелал принять теорию Арендт о «банальности зла». Он считал, что зло не имеет права прятаться за маской банальности.

Впрочем, сам Ланцман был скорее доказательством правоты того, как критическое «небанальное» мышление способно противостоять смерти и злу. Его фильмы это и есть эстетическая реакция такого мышления на непостижимое, чем на самом деле и является Холокост. Они движимы чувством того, что Жан-Поль Сартр, близкий друг Клода Ланцмана, обозначил бы как «вовлеченность», где критическое мышление и эстетика не отслаиваются от этического начала.

В противном случае мы получаем эстетически безупречный и новаторский «Триумф воли» Лени Рифеншталь, который превращается в триумф зла. Хотя сама Рифеншталь, по аналогии с Эйхманом, считала, что «просто делала свою работу» режиссера.

К «банальности зла» можно подойти и с другой стороны. В одном из интервью фильма нацист из Треблинки чуть ли не со скрытой иронией описывает поведение еврейских женщин незадолго до газовой камеры.

Он говорит о превышающих понимание вещах, как о чем-то обыденном. Его не приводит в отчаянье хайдеггеровское «Sein zum Tode» (*«бытие к смерти»*). Потому что для него это вовсе не экзистенциал, а банальная повседневность.

Культура и смерть

Фильм «Шоа» не кричит о трагедии, не ведет диалог с палачами и жертвами, не ин-

формирует, не убеждает. Он — свидетельствует. С помощью кажущейся «простоты» приемов Ланцман совершает своего рода кинематографическую революцию. Он дает свой ответ на вопрос, каким может быть кино после Освенцима.

«Я говорил со многими людьми, выжившими при Холокосте… Но чего-то не хватало, я не сразу понял, чего именно. Постепенно я начал понимать. Все, с кем я общался, были живы, они были — выжившие. Мертвых там не было. Я осознал наконец, что главной темой фильма должна быть смерть», — рассказывал Ланцман.

Пожалуй, впервые за всю историю Европа столкнулась со Смертью в ее «беспримесном виде», очищенном от культурных наносов, находящемся за гранью когнитивных способностей человека.

Этот кризис репрезентации до сих пор не преодолен в современном искусстве. Апеллировать к высоким идеалам, к чему-либо трансцендентному, после Освенцима невозможно.

Культура как сфера, которая работает со смыслами, скомпрометировала себя, поскольку не преодолела искушения тоталитаризмом. Но зло по-прежнему соблазнительно для художника. Этот соблазн постоянно маячит перед ним, как перед Фаустом Томаса Манна, которого, кстати, во время написания романа консультировал Теодор Адорно.

Нынешняя культура, которая сегодня по преимуществу культура массовая, не случайно старается всячески избегать темы смерти, а значит, и темы Холокоста.

Во-первых, потому что она «не терпит памяти, хранящейся в бессознательном».

Во-вторых, по словам известного философа и литератора Бориса Парамонова, «…большие темы ушли — не могли не уйти — из искусства новейшего времени, потому что из жизни они ушли.

Человечеству остались вместо идеалов — простейшие радости бытия: пока ты еще не разорван на куски артиллерийским снарядом, наслаждайся безопасным сексом…

И нельзя не заметить в нынешнем искусстве, которое пытается быть чем-то вроде искусства, то есть выступает с некими «проектами», этой удрученности темой смерти…

Настоящее искусство помалкивает в тряпочку или занимается высоколобыми шутками, потеряв веру не только в себя, но и в человечество».

Культура всегда «срисована» с общества, а общество, где царит культ успеха и «вечной молодости», не хочет больше думать о болезнях, страданиях, смерти и зле.

«Если вы смотрели фильм Клода Ланцмана «Шоа» — именно смотрели, от начала до конца, все девять часов, лучше подряд, лучше на большом экране, — то не забудете об этом опыте никогда.

Хочется сравнить его с прочтением, например, «Войны и мира», но сравнение будет слишком приблизительным: скорее уж это похоже на первую в жизни смерть близкого родственника.

«Шоа» оставляет на памяти шрам, от которого не избавиться. Но этот шрам необходим, чтобы повзрослеть», —

Антон Долин, кинокритик

Ужас смерти связан с тем, что она превращает людей в вещи, — с жуткой наглядностью это продемонстрировали абажуры из человеческой кожи и газовые камеры нацистов. Адорно полагал, что чем меньше субъекты живут, тем ужаснее представляется им смерть.

Сегодня, когда живут долго, сыто и тотально и их бытию ничего не угрожает, безразличие воспринимается как благо.

«Смерть превратилась в нечто совершенно чуждое, чужое; причина — исчезла непрерывность в потоке опыта; и это исчезновение имеет социальные причины».

Вот поэтому фильмы, подобные «Шоа», обязательны к просмотру. Они восстанавливают эту память культур о смерти и непрерывность человеческого опыта. Сам Ланцман считал «забвение» болезнью человечества, а любую болезнь, как известно, нужно лечить.

Моя родина — этот фильм

Когда на экраны Советского Союза вышел фильм Михаила Ромма «Обыкновенный фашизм», он не остался незамеченным в Европе. Королева Бельгии даже распорядилась, чтобы в бельгийских учебных заведениях его посмотрели все школьники.

Но нельзя сказать, что судьба фильма Клода Ланцмана в Советском Союзе и на постсоветском пространстве сложилась особо удачно. Широкому зрителю он практически неизвестен. В кинотеатрах, школах и по ТВ его не демонстрируют.

Хотя сам фильм и многие сцены из него стали классикой, оказав огромное влияние не только на французское, но и на мировое кино. Та же невероятная сцена с парикмахером была многократно растиражирована и процитирована в кинематографе.

Предположу, что фильм «Шоа» пытаются не замечать по тем же причинам, что и отрицают реальность Холокоста. После просмотра картины Ланцмана, которая была задумана в том числе и как ответ на попытки сфальсифицировать историю, усомниться в этом невозможно.

Однако отрицание Холокоста — это не только бессознательное «восстание против памяти».

В 1985 году, после выхода фильма на экраны, Ланцман рассказывал о растерянности апологетов антисемитской идеологии.

Когда в 1987-м его показали по французскому телевидению, они отреагировали на это массовым распространением листовок с призывом: «Откройте глаза! Разбейте ваши телевизоры!»

Их расклеивали, разбрасывали, рассовывали по почтовым ящикам. Они не только сами не хотели видеть истину, они мешали видеть ее другим.

Правда о Холокосте неудобна для тоталитарного, сектантского сознания, которое всегда подпитывается каким-нибудь оптимистическим мифом, культивируемым в современном мире сознательно и с далеко не безобидными целями.

А фильм «Шоа» сдирает заживо кожу с этого мифа, не давая спрятаться нашему сознанию за очередной идеологической иллюзией или в очередной раз оправдать себя «банальностью зла».

Когда после выхода фильма об Израиле журналистка задала Ланцману вопрос: «Мсье, скажите, ваша родина — Франция или Израиль?», он ответил: «Моя родина — этот фильм».

Я думаю, его слова вполне можно отнести и к фильму «Шоа». И это самый радикальный ответ, который современное культурное сознание может дать сегодня нацистской пропаганде и любой человеконенавистнической идеологии.

8 ФИЛЬМОВ О ХОЛОКОСТЕ:
попытка разобраться в природе зла

«Шоа», 1985
«Список Шиндлера», 1993
«Пианист», 2002
«Мальчик в полосатой пижаме», 2008
«Сын Саула», 2015
«Жена смотрителя зоопарка», 2017
«Свидетели», 2018
«Собибор», 2018

HALT
RBEIT MACHT FREI

УРОКИ ВАДИМА ПЕРЕЛЬМАНА: «ИЛЬ ОНАЙ АУ»

Беседовала Жанна Крючкова

Вадим Перельман — необычный человек и режиссер. Во-первых, он гражданин мира. Родился в Украине, «прописан» и живет в Канаде, США, Европе, снимает в Голливуде и России. Во-вторых, мало кто из его коллег может похвастаться таким потрясающим дебютом в кино.

На счету его фильма «Дом из песка и тумана» (2003) три номинации на «Оскар», одна на «Золотой глобус», а также высокая оценка самого Стивена Спилберга, который помог этой картине состояться. Перельман умеет очень тонко передать оттенки эмоций, каждое движение души, заставляя зрителей сопереживать своим героям. Это мастерство блестяще проявилось и в фильме «Уроки фарси» (2020), который создавался многонациональной командой: немцами, французами, украинцами, россиянами, белорусами, аргентинцами... Здесь, как и в первой картине, исследуется тема поиска «общего языка» людьми, принадлежащими к разным этнокультурным мирам. По иронии судьбы мультилингвальный фильм «Уроки фарси» был выдвинут на «Оскар», но в итоге дисквалифицирован из-за многонационального состава актеров и съемочной группы.

О языке эмоций и мистике в его жизни Вадим Перельман рассказал в откровенном интервью альманаху Huxleў.

Вместо пролога:

Вадим Перельман: Здравствуйте, Жанна! Кстати, так зовут мою маму.

Жанна Крючкова: Меня в честь бабушки назвали. Между прочим, она снялась в «Адмирале Ушакове» Михаила Ромма. В массовке, в роли придворной дамы.

Вадим Перельман: Моя бабушка в этом же фильме снялась — броненосцем.

Жанна Крючкова: Ничего себе! Интересное совпадение.
(*Смеются*)

: В Испании посмотрела фильм «Уроки фарси». На мой взгляд, это шедевр. Начну наше интервью с игры для посвященных. Иль онай ау*. Как часто вам говорят эту фразу в последнее время?

Вадим Перельман: Мне достаточно часто говорят эту фразу. Вчера говорили. Кстати, а что я отвечаю?

: Иль бар онай ау.**

Вадим Перельман: Молодец (*смеется*). Это очень приятно будет писателю, если он об этом где-то прочитает, потому что он всегда хотел, чтобы язык был жив.

: Показ «Уроков фарси» на Berlinale. Gala Special. 10-минутные овации. Вы в зале. Вы ждали этого. Какие эмоции вы испытали в этот момент?

Вадим Перельман: Это всегда неожиданно. Делая фильм, я никогда не знаю на 100%, получится ли действительно хорошее кино и будет ли оно принято успешно. Я скорее чувствую и надеюсь, но не могу точно знать, пока не увижу, как на него реагирует публика. Студии, продюсеры, мамы, жены, друзья, коллеги — все не считается. Так со всеми моими фильмами.

Когда идешь на премьеру, готовишь себя ко всему. Специально делаешь себя черствее, чтобы не быть ранимым. Говоришь себе: «Даже если им все не понра-

* «я тебя люблю».
** «я тоже тебя люблю».

вится, ну и фиг с ним. Сделал так сделал. Мне нравится!» Весь показ ты в напряжении, а когда раздаются овации в конце, выдыхаешь: «Ну и хорошо».

В Берлине случилась интересная вещь. Кинотеатр — огромный двухъярусный дворец, зрители — киноманы, актеры. Все знают, что я сижу в зале и что их любимый актер Ларс Айдингер, главный герой картины, тоже в зале. У меня промелькнула мысль, что это влияет на восприятие фильма. Это же не Канны, где могут и освистать, если фильм не нравится. Поэтому минуте берлинских оваций я не особенно поверил. Скептично отнесся, настороженно.

А через два дня был показ в Потсдаме, в небольшом кинотеатре мест на триста. Премьера из тех, на которые не ходят в костюмах. Обычная публика, народ — от студентов до русских эмигрантов. Причем это был понедельник, шел дождь, на улице было холодно и противно. Но овации продолжались минут 15, хотя никто не снимал. Зрители аплодировали не мне — экрану. Для них меня в зале не было. В каком-то смысле этот показ стал для меня еще важнее.

: Можно ли сказать, что фильм «Уроки фарси» — история про землян, людей, не ограниченных территорией, вероисповеданием, языком?

Вадим Перельман: Это действительно универсальная история. Она не про евреев, персов, немцев или кого-то еще. Как в «Доме из песка и тумана», герои могли быть любой национальности, необязательно иранцами. Могли быть русскими или китайскими эмигрантами, но ситуация от этого бы не поменялась.

«Уроки фарси» — не специфический фильм о Холокосте, это специфический фильм о человеческом выживании. Фильм про силу души, воли, мозга. Каждый режиссер ищет себя в произведениях. Жиль — еврей, который выдает себя за перса, чтобы выжить в лагере. Это я, когда попал в Канаду, не зная английского, и первые годы в эмиграции был вынужден притворяться и постоянно чувствовал себя фейковым.

: Согласны ли вы с тем, что в фильме нет одного главного героя, а есть отношения пары «ученик-учитель»?

Вадим Перельман: Согласен. И меня это привлекает. В фильме «Дом из песка и тумана» было подобным образом. Кстати, это хороший вопрос. Я раньше об этом не думал, но, видимо, я непроизвольно выбираю именно такие истории, и они у меня получаются.

О ЧЕМ ФИЛЬМ «УРОКИ ФАРСИ»?

Фильм снят по сценарию Ильи Цофина, написанному по мотивам небольшого рассказа немецкого сценариста и драматурга Вольфганга Кольхаазе «Персидский для капо».

Действие картины разворачивается во время Второй мировой войны, в 1942 году. Спасаясь из оккупированной Франции, бельгийский еврей Жиль Кремье (Науэль Перес Бискаярт, «120 ударов в минуту») сталкивается с расстрельной командой нацистов.

Чтобы избежать казни, он выдает себя за перса, и его отправляют в концлагерь, где он поступает в распоряжение немецкого офицера Клауса Коха (Ларс Айдингер, «Гольциус и Пеликанья компания», «Зильс-Мария», «Персональный покупатель»). Кох по профессии шеф-повар. Он мечтает после войны воссоединиться с братом, сбежавшим подальше от нацистского ада в Иран, и открыть в Тегеране ресторан.

Но, к сожалению, Кох не знает фарси, поэтому чудом оказавшийся в концлагере «перс» приходится как нельзя кстати. Кремье вынужден давать Коху уроки фарси — языка, которого он на самом деле не знает. Зато обладает прекрасной памятью и воображением, чтобы придумать его. По сути, он вынужден учить его параллельно со своим учеником. Перед зрителями разворачивается напряженная лингвистическая дуэль, в которой на кону стоит жизнь человека.

Изначально крайне подозрительный Кох постепенно проникается доверием к своему учителю. Ему настолько нравится красивый восточный язык, что он даже начинает сочинять на нем стихи.

Кох не догадывается, что большинство корней псевдофарси «перс» берет из видоизмененных фамилий заключенных. После того как войска союзников захватывают концлагерь, выдуманный язык помогает установить имена и фамилии нескольких тысяч людей, уничтоженных нацистами.

Кремье и придуманный им язык становятся вместилищем памяти о них, своего рода лингвистическим памятником жертвам Холокоста.

КАКОЙ ОН, НАСТОЯЩИЙ ФАРСИ?

В фильме «Уроки фарси» псевдоперсидский выполняет роль своего рода lingua franca — наречия, общего для людей, для которых родными являются совсем другие языки. Как средневековая латынь или современный английский.

И точно такую же роль — lingua franca — играл в свое время настоящий фарси для Ближнего Востока, Центральной и Южной Азии. Мелодичный и образный, он был языком высокой культуры, на нем разговаривали элиты разных стран.

По-видимому, в фильме для нацистского офицера, сознание которого отравлено идеей расового превосходства, фарси в качестве предмета изучения выбран неслучайно. На каком же еще языке говорить истинному арийцу, как не на древнем индоевропейском языке «арийского происхождения»? Абсурдный и искусственный характер расовых теорий Третьего рейха оттеняется, таким образом, «ненастоящестью» лагерного фарси, которому представителя высшей расы учит ненастоящий перс.

Сегодня на планете существует около 6–7 тысяч языков, причем примерно 30% служат средством общения в популяции не более чем тысячи человек. С фарси — другая ситуация, фактически он является языком международного общения, хотя формально и не признан в качестве такового.

На современном персидском говорят 125 миллионов человек по всему миру: в Иране, Афганистане, Таджикистане, а кроме того, многочисленные персоязычные группы в Ираке, Бахрейне, Узбекистане, Пакистане, Армении, Израиле и Туркменистане. Он оказал огромное влияние на словарный запас многих языков. Например, понятное практически всему миру благодаря посредничеству английского языка слово «paradise» (рай) персидского происхождения.

Значение фарси для развития мировой культуры и цивилизации позволило европейским лингвистам еще в 1872 году на конгрессе в Берлине признать его мировым классическим языком — наравне с древнегреческим, латынью и санскритом.

: Знаю, что фильм уже был номинирован на «Оскар» и вскоре снят с гонки.

Вадим Перельман: Нас номинировали на «Оскар» как «лучший зарубежный фильм», а потом дисквалифицировали с формулировкой: «Не на языке страны». «Уроки фарси» снят в Беларуси, в Бобруйске и на площадке киностудии «Беларусьфильм».

: Есть некая ирония в том, что фильм о языке столкнулся с языковым препятствием...

Вадим Перельман: Но главная причина — недостаточно белорусов на ключевых позициях. По правилам Американской киноакадемии, хотя бы писатель, режиссер, композитор или один из главных актеров должны быть белорусами.

Наша международная группа получилась чужой и там, и там. Но для меня это ничего не значит. Когда я увидел публику на премьере в Берлине — не овацию, а именно лица людей, — совсем другое было чувство.

«Дом из песка и тумана» приняли очень хорошо, но там люди выходили, как из Мавзолея, пришибленные, эмоционально убитые. А тут — «под позитивом», потому что есть положительный финал, насколько его можно так назвать. 50 тысяч евреев погибли, но главный герой выжил, чтобы поставить монумент этим людям.

: Не считаете ли вы, что штамп Made-in — архаика, особенно в креативных индустриях?

Вадим Перельман: Считаю. Реальности бизнеса таковы, что 90% фильма — это ко-продакшн разных стран. Всегда на «Оскаре» была формулировка «фильм на иностранном языке», и если бы нас судили по языку, то у нас он действительно не английский. Если бы мы заранее знали, что правила будут такими строгими, попытались бы выступить от Германии: у нас были немцы в фильме. Но и здесь нет гарантий: страна подает только один фильм, может, у них был бы фильм сильнее, да мы и не знакомы с их политикой выдвижения.

: «Уроки фарси» — вымысел или реальность?

Вадим Перельман: В фильме написано «Вдохновлено реальными событиями». За основу сценарист Цофин взял рассказ Вольфганга Кольхаазе «Персидский для капо» с похожим сюжетом. Думаю, такая история вполне могла иметь место. Но документальных подтверждений нет. Вообще, реальных историй выживания миллион. Например, художник и писатель еврейского происхождения Бруно Шульц из Дрогобыча

На съемках фильма «Уроки фарси»

смог избежать гибели во время оккупации, потому что рисовал фрески в доме эсэсовца Феликса Ландау.

: Как у вас случилась любовь со сценарием?

Вадим Перельман: Случайно. Меня позвали на съемки фильма «Елки-5» в Москве. Мне, кстати, за него стыдно. Но я очень хотел приехать, чтобы вернуть свою девушку, а теперь уже жену. После съемок я подружился с талантливым продюсером Тимуром Бекмамбетовым. Он показал мне сценарий «Уроков фарси» — и я влюбился в него сразу. Так я заплатил «Елками-5» за то, что завоевал любимую и получил прекрасный сценарий.

В целом, хороший сценарий найти сложно. А именно он собирает вокруг себя отличных людей. Я постоянно в поиске материалов и книг. В моей библиотеке уже пара тысяч бумажных книг и десятки тысяч электронных.

: Многие фильмы проваливаются из-за невыразительного финала. Здесь же — до слез, до мурашек по коже...

Вадим Перельман: Открою тайну. Чтобы финальная сцена получилась такой эмоциональной, я контролировал монтаж каждого кадра, то есть 1/24 секунды. Старался показать, как персонажи реагируют на слова главного героя. Их взгляды — вот что важно. Именно в них зрители видят себя. А когда видишь себя — плачешь. Даже когда мы смотрим ужастики, представляем себя в этой ситуации. «А…у...» — и что-то выпрыгивает, но оно же не тебя пугает, а персонажа на экране.

: А вы можете расплакаться при просмотре фильма, чтении книги?

Вадим Перельман: Когда впервые читал книгу «Дом из песка и тумана», я плакал в конце. И на площадке, и во время монтажа своих фильмов могу расплакаться. В последний раз такое было, когда смонтировали финальную сцену «Уроков фарси».

: Прочла, что до сих пор ваш любимый фильм «Похитители велосипедов» Витторио де Сика, 1948 года. Что именно в нем вас так зацепило?

Вадим Перельман: Честность этого фильма. Мне близка тема отцов и сыновей, я планирую ее затронуть в своих будущих картинах. Я потерял отца, когда мне было 9 лет. Я не согласен с формулировкой, что это фильм о маленьком человеке в безжалостном мире. Для меня это кино о большом человеке.

А фильм любимый, потому что очень простой: архетипный, универсальный и эмоциональный. Концовка гениальная — равной нет в кинематографе. Я не могу без слез вспоминать эту сцену. Все кричат: «Вор! Грязный вор!» — и пинают отца. А мальчик смотрит на это широко открытыми глазами, потому что его отца, его Бога, его идола называют вором и с отвращением вы-

талкивают. Мол, ты не стоишь даже того, чтобы тебя арестовать. Отец идет и плачет, потому что он честный, настоящий человек, а совсем не вор. А мальчик идет в стороне и смотрит на него. Этот взгляд — кто он, просто человек, не вор, или, может, действительно вор? Потом мальчик сближается с отцом и берет его за руку. Что может быть лучше этого момента?

: «Истинную легкость может почувствовать только тот, кто осознает собственную значимость», — цитата из одного произведения. Вы разделяете это мнение?

Вадим Перельман: Я не знаю творческих, действительно одаренных людей, которые полностью осознают свою значимость. Если осознают, то ничего они не стоят. Это fake, подделка.

Творческий человек постоянно мучается, сомневается, и поэтому у него получается то, что он делает. Это не имеет ничего общего с легкостью.

Нет, не разделяю. И чья это была цитата?

: Это из книги Айн Рэнд. Просто знаю, что вы отказались снимать фильм по книге «Атлант расправил плечи», потеряв возможность заработать пару миллионов.

Вадим Перельман: Я отказался снимать фильм по книге Айн Рэнд, когда приехал на семинар рэндистов. Они высказывались в духе «экология, чистый воздух, благотворительность — это для лохов». Будучи лидерами в своих индустриях, они гордо называли себя «prime movers». Если бы у меня была небольшая компания-перевозчик, то я бы назвал ее Prime Movers (*смеется*).

Книги Айн Рэнд несут радикальную идеологию. Она пропагандирует рациональный и этический эгоизм, отвергая альтруизм. Мне это неблизко. Эту философию автор проталкивает в своих текстах. Конечно, как режиссер я мог бы ее завуалировать, но она все равно бы проглядывала.

: О вашей избирательности как режиссера написано даже в «Википедии». Это ваше ДНК?

Вадим Перельман: Я ни разу не пожалел о тех проектах, от которых отказался. Если бы они были хорошими, я бы согласился. Я стараюсь не вступать в дерьмо, потому что запах останется на моих туфлях и будет со мной везде. И даже при такой избирательности были проекты, о которых я жалею. Я отказался от съемок «Мастера и Маргариты», потому что это не фильм, а книга. Есть книги, которые — не фильмы, поэтому никто их толком и не сделал. Слава богу, я это почувствовал. Или, например, «Броненосец Потемкин» — предложение от Sony Pictures. Его вообще не нужно делать. Это кусок пропаганды, хорошо сделанной коммунистической пропаганды. Там же не просто коляска падает с лестницы. В этом есть огромный политический месседж. Зачем это снимать в 2012 году? А во-вторых, классику кинематографа не стоит трогать: лучше бы все равно я не сделал.

: Что для вас успех?

Вадим Перельман: Меня часто спрашивают, почему я снимаю так мало фильмов. Тебе же предлагали, ты был очень популярным в Голливуде и мог браться за фильмы с гонорарами в пару-тройку миллионов. Почему ты не живешь, как Майкл Бэй? Почему не ездишь на Феррари? Сколько твой фильм сделал Box Office? Слава богу, эти вопросы меня не сильно волнуют. И так мне легче жить. А вернее, сложнее. И главное мерило успеха для меня — лица зрителей на премьере моих фильмов. Их эмоции.

: Многие философы говорят, что сейчас человечество нуждается в высших ценностях как никогда. А их забвение станет самой большой катастрофой. Считаете ли вы, что деятели искусства ответственны за то, что транслируют в мир?

Вадим Перельман: Прежде всего, ценности для всех разные. Даже 10 библейских заповедей не объединяют людей. Я считаю, что человек имеет некую мораль от рождения, а среда и общество навязывают ему другую. Многие люди искажают ценности по своему разумению, создавая новые интерпретации. Так появляется чувство радикальной правоты.

В гитлеровский Германии тоже были ценности. Лени Рифеншталь в фильмах «Триумф воли» и «Олимпия» в наилучшем виде показывала Третий рейх и совершенство арийской расы. С профессиональной точки зрения, ее фильмы эстетичны и талантливы, но это — пропагандистская грязь.

Есть и положительные примеры. Один из лучших феминистских фильмов «Sweetie» («Дорогая») австралийского режиссера Джейн Кэмпион сделан очень тонко — как соблазнение. Тебя не окунают мордой в лужу в попытке сделать из тебя феминиста. Но в конце фильма я поднимаю руки. Я сдаюсь. Я — феминист. И именно это для меня подлинное искусство. И тонкая трансляция прогрессивных ценностей. Кстати,

ошибочно полагать, что документальные фильмы нейтральны. Нет. Они также всегда несут позицию творца, потому что творец все видит через свою призму.

: У Булгакова в «Мастере и Маргарите» Иешуа задает вопрос Пилату: «Не думаешь ли ты, что ты ее подвесил?» Насколько человек может контролировать свою собственную жизнь?

Вадим Перельман: Я верю в судьбу. Мы можем только контролировать свою карму через совокупность собственных поступков. Это перекликается и с христианством: «И как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними». Уверен, что если так делать, то все в жизни сложится.

: Вселенский причинно-следственный закон таки работает?

Вадим Перельман: Да. Всегда. И чудеса случаются. Моя мама считает, что я невероятный счастливчик. Я родился в рубашке. У меня постоянно какие-то совпадения, и когда мне нужно — выпадет шанс. Даже книгу «Дом из песка и тумана», по которой потом поставил фильм в Голливуде, я случайно купил в аэропорту. И не просто в аэропорту, а именно в Риме, первом городе, где оказался после эмиграции из Украины. Но тогда я был бездомным тинейджером, а тут через Рим летел транзитом на съемки большого рекламного проекта. Рим очень люблю. Знаковый для меня город. Может поэтому мне нравится фильм «Похитители велосипедов» — потому что бедные герои так же бродят по Риму, как я когда-то.

: А был ли какой-то мистический эпизод на съемочной площадке «Уроков фарси»?

Вадим Перельман: Мы нашли в архивах оригинальную фотографию немцев на пикнике, где один из них с аккордеоном в руках, и решили воспроизвести

Фото: AP / US Мемориальный музей Холокоста

ЯЗЫК ЛЮБВИ

В авраамических традициях отношение к слову особое. Пророческое слово открывает людям волю Божию, оно несет миру жизнь, любовь и спасение. Есть в «Уроках фарси» один персонаж — немой. Его спасителем и защитником является как раз «творец языка» — Жиль. То есть в условиях концлагеря слово не метафорически, а реально становится для героев фильма равным жизни, путеводной нитью, спасающей от смерти. Придуманный «персом» язык как бы творит мир людей заново, превращаясь в «новый завет». В пространстве «фарси» происходит восстановление естественного состояния, присущего миру до грехопадения. В этом мире, в точном соответствии с проповедью Евангелия, «нет ни эллина, ни иудея», а «лев возлежит рядом с агнцем», — «фарси» стирает грань между немцем и евреем, палачом и жертвой. Язык очеловечивает даже «абсолютное зло» — наблюдаем, как в эсэсовце Кохе постепенно проступают человеческие черты.

Неслучайно творение языка начинается с любви. Первые связные предложения, которые произносятся герои на «фарси», — о любви: иль онай ау («я тебя люблю») и иль бар онай ау («я тоже тебя люблю»). Немец и еврей (лев и агнец) как будто признаются друг другу в любви, и после этого между ними начинается настоящая «химия». Язык любви также способен «сотворить вечную память» погибшим узникам концлагеря и — воскресить их. Воскрешение имени здесь равносильно воскрешению умершего человека. Воскрешением мертвых заканчивается история человечества в авраамических религиях. И точно так же заканчивается в фильме история ненависти, которую победили Любовь и Слово. Зло изгоняется из мира людей «во тьму внешнюю», метафорой которой является «иранская тюрьма», куда в самом конце повествования отправляется Кох.

Напомним, первым зафиксированным искусственным языком был «язык ангелов» Хильдегарды Бингенской, святой XII века. Сверхчеловеческие сущности не могут говорить на языке, естественном для народов, населяющих землю. Жиль, таким образом, соединяет в себе не только два языка, но и две сущности — земного человека с конкретной этнической принадлежностью и «перса», который «не от мира сего».

ИСКУССТВЕННЫЙ ЯЗЫК

«Фарси» в фильме Вадима Перельмана — один из множества искусственных языков, которые придумало человечество. Специально для этой картины его по просьбе сценариста и режиссера создал профессиональный лингвист. Он взял за основу китайскую грамматику, которая является одной из самых простых в мире. Но при этом придал «персидским» словам удивительно точное восточное звучание, что вполне логично, если учесть, что новый язык, оказывается, скрывается не где-нибудь, а внутри еврейских фамилий («Царствие Божие внутрь вас есть»). Ирония в том, что недоверчивый эсэсовец даже представить себе не может, что этот язык, изобилующий непривычными для немецкого слуха дифтонгами и аффрикатами (у настоящего фарси действительно есть такая особенность), на самом деле «расово нечист».

Интересно, что «новый язык» в фильме возникает как следствие межэтнического контакта немца и еврея, в точности следуя мысли Лейбница о том, что «языки образуются благодаря сношениям различных народов между собой». Немецкий философ впервые поднял вопрос о возможности создания искусственного «алфавита человеческих мыслей», реконструкции универсального «адамова языка», который способен устранить трудности понимания и объединить все человечество. Лейбниц приводит одни из самых первых примеров подобных экспериментов, хотя более ранние попытки предпринимались еще во времена Античности и Средневековья.

Методы первых создателей искусственных языков напоминают принципы, которым следовал лингвист, придумавший язык для «Уроков фарси». Одним их упомянутых Лейбницем изобретателем был некий «армянский доминиканец». На основе латыни он придумал очень простой язык, в котором не было ни падежей, ни времен, ни флексий. Второй известный Лейбницу искусственный язык создал французский иезуит Лаббе, также избавивший латынь от «лишних» правил. С тех пор победное шествие искусственных языков по миру не прекращалось. У них даже появилась своя классификация и имелись реальные последователи. Феномен искусственных языков становится предметом все более пристального внимания ученых. И этот интерес далеко не праздный.

эту сцену в фильме. И вот день съемок. Я не знал, как буду снимать сцену с аккордеоном. Думаю: «Сейчас актер будет имитировать исполнение, а потом смонтируем». И вдруг актер Йонас Най, игравший нациста, говорит: «А я умею петь и играть на аккордеоне». И он прекрасно все сделал. Так что в фильме все оригинальное.

: Какой у вас стиль управления на площадке?

Вадим Перельман: Стиль разный. Я очень требовательный. Не терплю человеческую тупость. Особенно тупость в квадрате. Когда одни и те же ошибки повторяются. Могу ругаться, орать. Почему?

Представьте себе, что вы художник. Берете бумагу, запираете дверь, наливаете себе водки и рисуете. Просто берете и рисуете.

Но фильм так сделать невозможно. Потому что у вас толстый карандаш длиной 10 метров, который нереально поднять одному. Поэтому у вас есть 30 человек, которым вы говорите: «Поднимайте этот карандаш и рисуйте на огромном плакате!» И попробуй объяснить каждому: чуть-чуть левее, чуть-чуть сильнее. Некоторые не держат вес, некоторые не могут, хоть и стараются. При этом все хорошие люди и хотят хорошо. Но не у всех получается. А добавьте к этому ограничение по времени. У вас всего столько-то часов на работу. Не так сделали — в корзину.

А вы, как режиссер, как творец, очень-очень хотите выразить то, что задумано, потому что в этом проекте ваша жизнь! Без определенного прессинга может ничего и не получиться. По крайней мере, у меня так.

: Один из возможных рисков при производстве хорошего фильма — большое количество сильных стейкхолдеров в одном проекте. Как вы видите идеальную структуру финансирования под ваши фильмы?

Вадим Перельман: Важно, чтобы было мало партнеров. Хорошо, когда есть безликие фонды, которые поддерживают фильм, но не вмешиваются в процесс. Чем меньше поваров, тем лучше еда.

После того как сценарист пишет сценарий, он трепетно отдает его, как ребенка, режиссеру, другому родителю. И тот должен с уважением растить этого ребенка.

Единственно правильное решение — оставить режиссера, единственного творца, в покое.

: Альберт Эйнштейн называл себя гражданином мира и поддерживал эту идею на протяжении всей своей жизни, заявив, что «Национализм — это детская болезнь. Это корь человечества». Согласны ли вы с этим высказыванием?

Вадим Перельман: Я абсолютно согласен. Особенно потому, что он был евреем и я тоже еврей (*смеется*).

: В «Википедии» написано, что Вадим Перельман «a Ukrainian-Canadian-American film director», наши соседи включают вас в списки выдающихся русских режиссеров, получивших признание в Голливуде. Как мне вас подписать в издании?

Вадим Перельман: Не нужно национальностей и привязок. Я человек мира.

Я везде себя по-разному и одновременно одинаково чувствую. Родился и вырос в Украине, потом была Италия, паспорт у меня сейчас канадский, у меня есть вид на жительство в Штатах, был бы российский паспорт, легче было бы с визой, в Праге квартира, и там тоже живу.

Жанна, пишите: режиссер. И все.

ДЕМИУРГИЧЕСКИЙ БУМ И ПРИРУЧЕНИЕ «ЧУЖОГО»

В одном из вариантов финала «Уроков фарси», так и не вошедшего в фильм, через 15 лет после войны состоялась встреча Кремье и Коха — единственных людей на планете, которые являлись носителями уникального лагерного «фарси». На нем умеют говорить только эти двое и больше — никто!

Всем известен эсперанто — самый знаменитый искусственный язык, который, тем не менее, является родным примерно для 2000 человек на Земле.

Но, вероятно, наиболее успешный и масштабный проект — это иврит, язык десятимиллионного населения государства Израиль, который, по мнению исследователя Гилада Цукермана, представляет собой семито-европейский гибрид.

И, конечно, главной областью бытования искусственных языков стали художественные миры: эльфийский язык Джона Толкина, гномский Терри Пратчета, ардритский Станислава Лема, языки, специально созданные для фильма «Аватар», сериалов «Star Trek» и «Игра престолов»...

Постмодернистская парадигма породила «демиургический бум». Предполагается, что каждый говорящий может сегодня стать создателем и носителем своего собственного языка.

Конструирование искусственных языков становится популярным. К этим проектам подключается все больше энтузиастов. Например, в США действует даже «Общество моделирования языков», объединяющее несколько десятков таких «конструкторов».

Как и в случае с «Уроками фарси», искусственные языки могут стать способом познания мира, решения важных мировоззренческих, культурологических и психологических проблем.

Язык — главный инструмент построения вымышленных миров, позволяющий создать для этих миров духовную культуру, преодолевающую межличностные и межэтнические барьеры, предрассудки и стереотипы восприятия «своего» и «чужого».

Александр Клименко. Юрий Гагарин. Священная жертва. Трансгемпоральная фотография, 150 х 150 см. Из коллекции Жанны Крючковой

Вместо эпилога:

Жанна Крючкова: У нас в альманахе есть рубрика «Музыка мысли», где мы просим известных людей поделиться одним из своих любимых стихотворений. Какое ваше?

Вадим Перельман: «Прерванный полет» Владимира Высоцкого.

Жанна Крючкова: Благодарю за «Уроки фарси» и интервью. Желаю, чтобы иль онай ау стал глобальным мемом — современным «эсперанто» свободных людей.

Вадим Перельман: О, это было бы прекрасно!

Владимир Высоцкий

Прерванный полет

Кто-то высмотрел плод, что неспел, неспел,
Потрусили за ствол — он упал, упал...
Вот вам песня о том, кто не спел, не спел
И, что голос имел, не узнал, не узнал.

Может, были с судьбой нелады, нелады
И со случаем плохи дела, дела —
А тугая струна на лады, на лады
С незаметным изъяном легла.

Он начал робко — с ноты «до»,
Но не допел ее, не до...

Не дозвучал его аккорд, аккорд
И никого не вдохновил.
Собака лаяла, а кот
Мышей ловил...

Смешно, не правда ли, смешно! Смешно!
А он шутил — недошутил,
Недораспробовал вино
И даже недопригубил.

Он пока лишь затеивал спор, спор,
Неуверенно и не спеша, не спеша.
Словно капельки пота из пор, из пор,
Из-под кожи сочилась душа, душа.

Только начал дуэль на ковре, на ковре,
Еле-еле, едва приступил,
Лишь чуть-чуть осмотрелся в игре,
И судья еще счет не открыл.

Он знать хотел все от и до,
Но не добрался он, не до...

Ни до догадки, ни до дна, до дна,
Не докопался до глубин
И ту, которая ОДНА,
Недолюбил, недолюбил, недолюбил, недолюбил!

Смешно, не правда ли, смешно, смешно...
А он шутил — недошутил?
Осталось недорешено
Все то, что он недорешил.

Ни единою буквой не лгу, не лгу,
Он был чистого слога слуга, слуга.
Он писал ей стихи на снегу, на снегу —
К сожалению, тают снега, снега.

Но тогда еще был снегопад, снегопад
И свобода писать на снегу —
И большие снежинки, и град
Он губами хватал на бегу.

Но к ней в серебряном ландо
Он не добрался и не до...

Не добежал бегун-беглец, беглец,
Не долетел, не доскакал,
А звездный знак его Телец
Холодный Млечный Путь лакал.

Смешно, не правда ли, смешно, смешно,
Когда секунд недостает, —
Недостающее звено
И недолет, и недолет, и недолет, и недолет?!

***

Смешно, не правда ли? Ну вот!
И вам смешно, и даже мне.
Конь на скаку и птица влет —
По чьей вине, по чьей вине, по чьей вине?

1973

НОВАТОРСКИЙ КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЕКТ

ОДЕССКАЯ АКАДЕМИЯ КЛАССИЧЕСКОЙ МУЗЫКИ

ЦЕЛЬ: создание будущей музыкальной элиты Украины.

Основатели и кураторы Академии — Максим и Виорика Дедиковы, известные музыканты, заслуженные деятели искусств Украины, руководители благотворительного фонда Animato.

Президент Академии — Татьяна Бурда, основательница Invogue Fashion Group.

ГЛАВНАЯ МИССИЯ ПРОЕКТА:

предоставление одаренным детям возможности принимать участие в мастер-классах от лучших исполнителей классической музыки и выдающихся педагогов со всего мира.

Ученики Академии — талантливые скрипачи и виолончелисты из разных уголков нашей страны.

Обязательное условие — статус гражданина Украины.

Социальный проект с меценатской поддержкой для юных музыкантов, полностью благотворительный.

ПРИГЛАШЕННЫЕ ПЕДАГОГИ АКАДЕМИИ:

Федор Рудин — скрипач-виртуоз, концертмейстер Венской оперы, Австрия

Эдгар Моро — виолончелист из Франции, который уже в возрасте 17 лет стал лауреатом Международного конкурса им. П. И. Чайковского

Кирилл Трусов — скрипка, Германия

Сантьяго Каньон Валенсия — виолончель, Колумбия

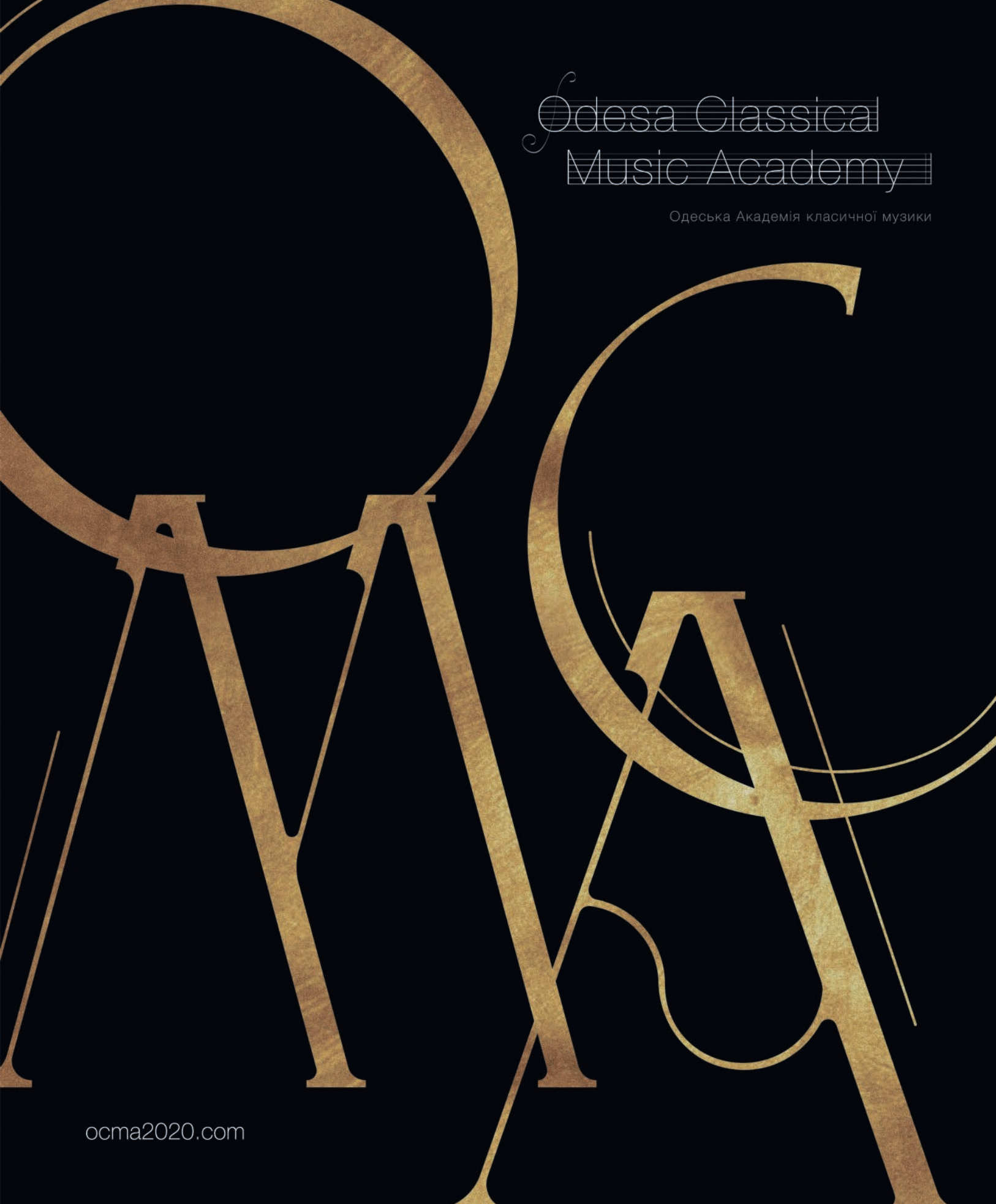
Конкурсная комиссия выбирает талантливых юных музыкантов для участия в мастер-классах Академии у приглашенных педагогов, а победители получают стипендию на мастер-классы в Swiss international Music Academy и Tsinandali Festival Academy.

О вступлении в ОСМА подробнее на сайте ocma2020.com.

Иван Удовиченко, 2004 г.р, Харьков.
Педагог: Варенина Людмила Александровна

Odesa Classical Music Academy

Одеська Академія класичної музики



ocma2020.com

«КРЫМСКИЙ БЕТХОВЕН» АЛЕМДАР КАРАМАНОВ

Есть люди, которым свыше предначертано стать легендой. Таким человеком является наш великий соотечественник — композитор Алемдар Караманов, автор государственного гимна Республики Крым, создатель музыкального направления «Религия в симфонизме». Если вам до сих пор неизвестно это имя, значит, вы не все знаете о музыкальной культуре XX века, природе гениальности и даже... о самом себе. Потому что любое откровение — это всегда личная, мистическая встреча с Тайной.

О своем опыте таких встреч мы попросили рассказать исполнителя музыки Караманова, пианиста с мировым именем Алексея Ботвинова.

Алексей Ботвинов
пианист, народный артист Украины,
основатель Odessa Classics

Время диссидентов

Сегодня, в XXI веке, невозможно представить, что какая-то симфония может находиться под запретом. Однако в советское время власть запрещала некоторые произведения для публичного исполнения в филармониях. В отношении классической музыки это выглядело наибольшим абсурдом. Ведь музыка — это достаточно «абстрактное» искусство, там нет слов, а значит, не может быть выражения антисоветской позиции. В молодости я видел, какие плоды давала эта политика в области культуры. Величайшие имена в истории музыки предавались забвению. Яркий пример — судьбы двух величайших композиторов, которые остались собой в XX веке: Альфреда Шнитке и Алемдара Караманова. Если первый хорошо известен во всем мире, то второй, не уступающий ему по масштабу творческого дарования, до сих пор остается недооцененным. Мистическим образом оба композитора сыграли огромную роль в моей жизни.

После окончания консерватории в Одессе я с 1987 по 1989 год учился в аспирантуре Московской консерватории. Моим учителем была Вера Горностаева, один из величайших музыкальных педагогов своего времени. На весь Союз преподавателей такого уровня было всего 3–4 человека. Вера Васильевна была открытой диссиденткой. Ее дом был островком свободы, на котором собирались очень интересные люди, общественные деятели, представители различных творческих профессий, в том числе и музыканты. Здесь свободно можно было рассуждать о Солженицыне, Войновиче, Ростроповиче... Поднимались такие «запретные» темы, о которых в Одессе тогда говорили полушепотом. Волей-неволей, я был погружен в эту атмосферу, потому что в консерватории классов не хватало и какие-то занятия проходили в квартире Горностаевой.

Запрещенная музыка

Однажды, когда я дожидался Веру Васильевну у нее дома, мое внимание привлекла нотная рукопись, лежавшая на рояле. Я принялся ее изучать. Это был фортепьянный концерт № 3 Алемдара Караманова, который назывался «Аве Мария». Имя Караманов мне ничего тогда не говорило, я впервые увидел его на этой рукописи. Но меня сразу поразил музыкальный язык — это не походило ни на что, с чем мне приходилось сталкиваться ранее. Мне захотелось сыграть этот концерт. И тут в комнату вошла Вера Васильевна. «Удивительно! — сказала она. — Эти ноты лежат здесь уже несколько лет и ждут того, кто их откроет. Попробуй сыграть...» От Веры Васильевны я впервые услышал о Караманове — гениальном композиторе и религиозном диссиденте. Партийные функционеры запретили исполнять его произведения, потому что он давал им религиозные названия и категорически отказывался их менять. Позже я узнал, что перу Караманова принадлежали 24 симфонии для большого оркестра. Имя для каждой из них он выбрал из мира Библии.

Вера Васильевна поведала мне, что Караманов закончил Московскую консерваторию еще в 60-х. Одновременно с ним учились Альфред Шнитке, Эдисон Денисов и Софья Губайдулина. Они общались, дружили, обменивались музыкальными идеями. Среди них имя Шнитке — самое громкое в мире музыки, однако и Денисов с Губайдулиной входят в двадцатку лучших композиторов прошлого века. А вот Алемдара Караманова еще только предстоит открыть миру. Горностаева рассказала мне, что Шнитке считал Караманова наиболее выдающимся среди этой консерваторской четверки. Потом я у Шнитке нашел подтверждение этому признанию. Он неоднократно говорил, что есть талантливые композиторы, а есть Караманов — настоящий гений, уникальная личность, которая на самого Шнитке оказала огромное влияние. В 50-е и 60-е годы они действительно дружили и много общались. Невероятно, как в одной пространственно-временной точке сошлись две таких мощных фигуры — случай в истории небывалый!

Симфонии, о которых никто не знал

Шнитке, Денисов и Губайдулина после окончания Московской консерватории стали культовыми фигурами. Они были на слуху даже после того, как конец оттепели ознаменовался гонениями на авангард. Шнитке много сделал для кинематографа. Он написал музыку к 70 фильмам и таким образом зарабатывал на жизнь. Эдисон Денисов и Губайдулина сочиняли для театра... Но Караманов — единственный из них, кто принял радикальное решение, — он уехал из Москвы! Хотя его многие отговаривали от этого шага. В частности, тот же Шостакович. Который Караманова очень высоко ценил. Однако Алемдар Сабитович был непреклонен. Он переехал в Симферополь, где существовал на очень маленькую зарплату, но при этом очень много писал. И практически все — все 24 симфонии! — в стол. Правда, он никогда не оставлял надежды на то,

Алемдар Караманов. Фотография Чарльза Хопкинсона

что когда-нибудь они будут исполнены перед публикой. Я бывал в его симферопольской квартире. Это очень аскетичная, крохотная хрущевка. Уму не постижимо, как в этом маленьком пространстве рождались такие великие вещи!

Я был очень заинтригован рассказом Горностаевой о Караманове. Мне захотелось побольше узнать о фортепьянном концерте, который я случайно обнаружил у нее дома. Оказалось, что произведение было написано еще в 1968 году. Тогда же состоялась одна-единственная и очень неудачная попытка его исполнения. Потом Караманов передал рукопись Горностаевой — она всегда с радостью шла на контакт с диссидентами и искренне помогала им. Ей были интересны яркие и необычные люди, выходившие за рамки «советской нормы». Передавая ей партитуру, Алемдар Сабитович попросил найти пианиста, который сможет понять и «расшифровать» ее по-настоящему. И вот наконец, через много-много лет, Горностаева, услышав мое исполнение, решила, что нашла такого пианиста. Так состоялась моя встреча с великой музыкой. Сначала — с рукописью, а потом и с ее автором.

Это были глаза пророка

Алемдар Караманов приехал в Москву по приглашению Веры Васильевны. С первой же встречи мне стало понятно, что это уникальная личность. Поразили его глаза. Это был взгляд, который, как мне кажется, может быть только у гениев или религиозных пророков. Когда я сыграл Караманову концерт, он сказал: «Это то, что нужно!» и даже «Это конгениально». И тогда Горностаева предложила этот концерт для дальнейшего исполнения. Сначала был небольшой тур с оркестром, название которого я уже запамятовал. А в 90-м году состоялось выступление в большом зале Московской консерватории с Большим симфоническим оркестром под управлением Владимира Федосеева. Оркестр исполнял симфонию Караманова, а я солировал с «Аве Мария». Концерт имел большой резонанс и прекрасный отклик прессы. О нем писали практически все центральные газеты.

После этого не осталось сомнений — впереди нас ждет всплеск интереса к музыке Караманова. И действительно, Федосеев с оркестром запланировали большое турне по Великобритании. Примерно 20 выступлений, где должна была звучать только музыка Караманова. В том числе и концерт, который играл я. Однако на сей раз этим планам помешала уже не советская власть, а сама судьба. Объявили забастовку музыкальные профсоюзы (вы не поверите, в Британии есть и такие!). Поэтому отменили все зарубежные туры, в частности и московского оркестра. Эта неудача очень расстроила Федосеева. Он настолько огорчился, что мгновенно охладел к дальнейшему продвижению музыки Караманова. Ну а мне, молодому начинающему музыканту, тогда это было не под силу.

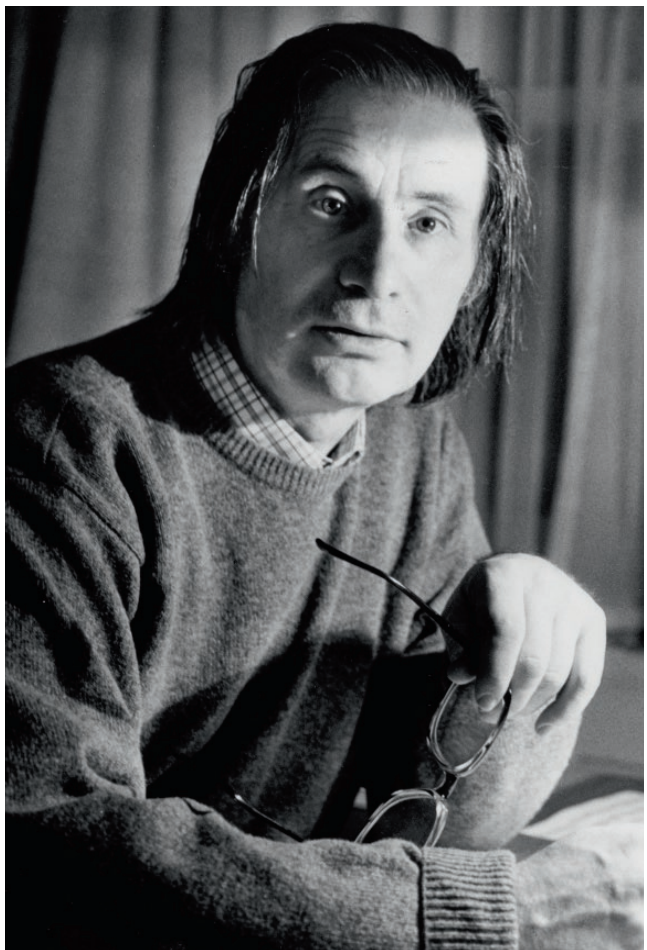
Он хотел быть услышанным

К счастью, в это же самое время независимая Украина наконец заметила своего великого соотечественника. На него не просто обратили внимание. Музыку Караманова начали осознавать как национальное культурное достояние. Алемдар Сабитович написал гимн для Автономной республики Крым. Правительство вручило ему Шевченковскую премию. Был учрежден музыкальный конкурс его имени. То есть свою заслуженную славу он в конце жизни все-таки получил. Но, к сожалению, это все происходило внутри страны, а за пределами Украины значение и величие карамановской музыки до сих пор не вполне известно. Сам Караманов отсутствие доступа к мировой аудитории переживал довольно болезненно. Ему очень хотелось, чтобы после стольких лет забвения мир услышал его.

Я надеюсь, что со своей стороны вношу заметный вклад в то, чтобы Алемдара Караманова, нашего великого соотечественника, узнали и полюбили во всем мире. В последние годы я сделал несколько своих авторских аранжировок концерта № 3. Я включил его в свои сольные программы за рубежом и с огромным удовольствием отмечаю, что музыка Караманова пользуется неизменным успехом в Швейцарии, Германии... Она производит огромное впечатление на европейцев.

Сегодня многие уже признают, что Караманов — фигура мирового масштаба, которая заслуживает признания не меньше, чем Шнитке. Нужно сказать, что в свое время Альфреду Гарриевичу повезло — его музыку продвигал выдающийся скрипач Гидон Кремер. Благодаря ему Шнитке заметили в Европе, и впоследствии он стал непререкаемым авторитетом в мире музыки. У Караманова своего Кремера тогда не нашлось, да и вряд ли это было в его ситуации возможно. Но времена, слава богу, меняются. И я уверен, что полноценное открытие миром Алемдара Караманова еще впереди. У меня для этого есть все основания.

Альфред Шнитке. Фотография Ингвильд Сорби



Шнитке считал его «живым классиком»

Интересно, что на этом мистические совпадения не закончились. Вместе с Дэниэлом Хоупом, одним из выдающихся скрипачей современности, мы записали на Deutsche Grammophon концерт музыки Шнитке. Диск получил массу самых комплиментарных рецензий. Всегда приятно, когда высоко ценят твою работу. Но самым настоящим открытием для меня стал рассказ Хоупа о его общении с Альфредом Шнитке. Я, к сожалению, Альфреда Гарриевича в Москве не застал. Когда я учился в аспирантуре, он уже перебрался в Гамбург, где как раз с ним и познакомился студент Хоуп.

МУЗЫКА — ЭТО УНИВЕРСАЛЬНЫЙ КОД, КОТОРЫЙ ВЗЫВАЕТ К НАШЕМУ СОЗНАНИЮ, МИНУЯ ОГРАНИЧЕНИЯ, КОТОРЫЕ НАКЛАДЫВАЮТ НА ЧЕЛОВЕКА ЯЗЫК, ГРАЖДАНСТВО ИЛИ НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

У них сложились достаточно теплые и доверительные отношения. Шнитке посвящал его в секреты своего мастерства и стиля. Можно сказать, что у них произошло такое же творческое «совпадение» композитора и исполнителя, как у меня с Карамановым.

В начале 90-х, еще будучи студентом, Хоуп сумел организовать для Шнитке большой фестиваль в Великобритании. И он задал композитору вопрос: кого из бывшего СССР вы хотели бы видеть на фестивале в качестве приглашенных «звезд»? Шнитке назвал две фамилии, одной из которых была Караманов. Естественно, Хоуп удивился — он впервые слышал это имя! Он пытался навести справки, но никто в его музыкальном окружении не знал, кто это такой. Однако, прислушавшись к мнению Шнитке, организаторы пригласили Алемдара Сабитовича на фестиваль в качестве гостя. Это был не просто первый визит Караманова в Великобританию — это вообще был его первый выезд за пределы СССР. Несмотря на то что композитор ничего не писал для

сольной скрипки, Хоуп тем не менее сделал решающий шаг к продвижению Караманова, организовав его первый зарубежный визит. После этого у Алемдара Сабитовича состоялось даже несколько концертов в Европе. Конечно, Хоуп не знал, кто такой Караманов, но доверял мнению Шнитке. А Шнитке, по словам Дэниэла, ставил Караманова так высоко, что все были заинтригованы. «Вы не представляете, что это за человек, — говорил он, — вы когда увидите и услышите его, то сразу поймете, что это гений и живой классик».

Универсальный язык

Когда мы впервые познакомились с Дэниэлом и он предложил мне вместе записать Шнитке, я, естественно, ничего не знал про его историю с Карамановым. Как не мог предугадать и того, что у нашего диска будет такой большой успех. Но, как оказалось, нас удивительным образом связывает то, о чем мы даже не догадывались, — музыка Караманова. Для меня это стало еще одним доводом в пользу того, что нужно сделать еще одну попытку открыть миру эту великую музыку. Вписать ее в мировой культурный контекст так, как она этого заслуживает.

Обратите внимание, музыка — это универсальный код, который взывает к нашему сознанию, минуя ограничения, которые накладывают на человека язык, гражданство или национальная идентичность. Я — одессит, Хоуп — родом из ЮАР, Караманов — крымский татарин, Шнитке — немец из Поволжья.

В этом смысле для меня была очень показательна ситуация, когда мы с Хоупом записывали диск на Deutsche Grammophon. Хоуп очень гордится тем, что он учился у Шнитке, который объяснял ему какие-то исполнительские нюансы, особенности своего стиля. А я никогда со Шнитке лично не общался. Но когда во время работы над диском мы встречались в студии и начинали играть, то понимали друг друга без слов. Хоуп удивлялся: «Тебе не нужно ничего разъяснять, ты откуда-то и так все знаешь, хотя никогда не общался со Шнитке лично!» Я думаю, что между людьми возможно общение на уровне «планетарных» смыслов, подключение к энергиям, которые выходят за пределы рационального понимания и наших идентичностей.

Композитор и исполнитель: найти друг друга

В союзе музыканта и композитора первое слово, конечно, принадлежит композитору. Но пока музыка не исполнена, она не родилась. Можно сказать, что по-настоящему она рождается только в процессе интерпретации. Любой композитор это знает и мечтает встретить своего исполнителя. Есть много примеров, когда у шедевров, таких как опера Бизе «Кармен» или Первая симфония Рахманинова, были провальные премьеры. Для Рахманинова это первое исполнение стало настоящим кошмаром, он настолько переживал фиаско, что чуть не покончил с собой... Неудачным оказалось и первое исполнение «Аве Мария» Караманова, хотя к нему были привлечены замечательная пианистка и хороший оркестр. Но музыка оказалась «не их». Караманов очень расстроился. Он даже не стал никому показывать запись того первого концерта. Интересно, что Алемдар Сабитович сам был хорошим пианистом, но при этом не мог толком объяснить исполнительнице, как нужно играть его же собственное произведение. Именно поэтому он и отдал Горностаевой рукопись, чтобы она дождалась того, кто ее «расшифрует».

Удивительно, но я работал над «Аве Мария» без всякого участия со стороны педагога и был абсолютно погружен в это произведение. Когда композитор услышал мое исполнение, он сказал: «Ге-

Дэниэл Хоуп. Фотография Харольда Хоффмана

ниально! Наконец это именно то, что я имел в виду, что хотел выразить!» Для исполнителя не менее важно открыть «своего» композитора. Причем это открытие происходит неосознанно, иррационально. В юном возрасте у меня был, например, период Прокофьева, который длился примерно полгода. Потом год — увлечение Бетховеном, потом — Бахом... И вдруг в 16 лет я случайно услышал о конкурсе имени Сергея Рахманинова, решил принять в нем участие и стал готовиться. Неожиданно для самого себя я почувствовал, что это — моя музыка! Настолько она была родная и близкая, как будто специально создана для меня. С тех пор, на протяжении многих лет эта музыка — часть меня. Во всем этом есть какая-то загадка, которую я не могу объяснить: почему именно этот композитор? Но когда я стал изучать его биографию, узнавать о нем все больше и больше, я обнаружил, что мы действительно с Рахманиновым чисто по-человечески близки: у нас много общего в характере, в судьбе, в отношении к жизни и музыке... Почему так происходит, не берусь судить. Но большие

Алексей Ботвинов
пианист, народный артист Украины, основатель Odessa Classics

минает проповедь в храме. Ты обращаешься к большому количеству людей. И в этот момент ты максимально открыт, искренен и честен. Музыканту важно поделиться тем, что у него внутри, а не продемонстрировать умение быстро и громко играть. Внешняя техника — не самое интересное и не самое главное. Важно подтолкнуть слушателя к катарсису, передать свое ощущение красоты и гармонии — это удивительный и, по сути, духовно-религиозный процесс. Любопытно, что поздний Шнитке, так же, как и Караманов, обратился к религиозной тематике. В молодые годы, когда учились в консерватории, они интересовались преимущественно авангардом. Шнитке и Караманов были у нас одними из первых, кто работал в этом направлении. Шнитке до конца жизни в основном остался верен ему, а Караманов где-то на рубеже 66—67 годов резко изменил стиль. Как это объяснить рационально, я не знаю.

В разговорах со мной сам Алемдар Сабитович упоминал, что пережил некое религиозное откровение. И после этого стал

НАСТОЯЩЕЕ ИСКУССТВО — ЭТО СВОЕГО РОДА «МАШИНА ВРЕМЕНИ». ОНО СОЕДИНЯЕТ ЛЮДЕЙ, ЭПОХИ, ЦЕЛЫЕ КУЛЬТУРНЫЕ МИРЫ, ОТКРЫВАЕТ ДВЕРИ В ИНУЮ РЕАЛЬНОСТЬ. ИМЕННО ТАКОЙ ЯВЛЯЕТСЯ МУЗЫКА АЛЕМДАРА КАРАМАНОВА.

музыканты — это всегда соавторы композиторов. Они открывают в их музыке что-то свое, расставляют акценты так, как до них никто и никогда не делал. Новые открытия можно совершать бесконечно. Именно поэтому классические произведения до сих пор интересны — это всегда новая музыка.

Музыка как религиозное откровение

Вообще, рождение музыки сродни религиозному откровению, а концерт очень напо-

писать музыку, где есть соразмерность и красота, гармония, мелодизм. Но в то время, к сожалению, подобная стилистика считалась устаревшей, неактуальной. Можно было использовать какие-то мелодические элементы, но не более того. Когда я только начал изучать партитуру концерта №3, я показал ее одному консерваторскому товарищу — очень талантливому композитору. И он вынес произведению Караманова однозначный вердикт: «Это непрофессионально и примитивно, как «дважды два — четыре» — так уже дав-

но никто не пишет. Неужели ты всерьез собираешься это играть?»

Караманов опередил свое время

Мало кто понимал, что Алемдар Караманов просто опередил свое время. Он работал в стиле неоромантизма, но во многом предвосхитил минимализм — направление, которое возникло в США лет через 10 после создания «Аве Марии». Минималисты провозглашали возвращение музыки к своим корням, реабилитировали гармонию и мелодию. Многим после «зауми» авангарда эта музыка представлялась чересчур «простой», но сейчас она завоевала мировое признание. У Караманова есть нечто общее с минималистами, со Стивом Райхом и Филипом Глассом. Гласс, пожалуй, самый выдающийся из представителей этого направления. Он пишет потрясающую музыку, в том числе для кино. Произведения Гласса настолько понятны и близки современному слушателю, что их часто принимают за рок-композиции в акустическом исполнении. Получается, что Караманов двигался в этом направлении намного раньше.

Вообще, подобная эволюция была характерна для XX века. Мы уже упоминали, что к религиозной тематике и связанной с ней соответствующей эстетике обращался поздний Шнитке. Хотя он и раньше довольно часто вводил в свои произведения цитаты из музыки Средневековья и Ренессанса. Показателен также пример польского композитора Кшиштофа Пендерецкого. Он начинал с самого радикального авангарда, но в последний период жизни писал произведения, которые чем-то напоминали музыку Баха и имели отчетливо выраженное религиозное содержание. Это было движение от избыточной «сложности» авангарда к первозданной архетипической «простоте». Настоящее искусство — это своего рода «машина времени». Оно соединяет людей, эпохи, целые культурные миры, открывает двери в иную реальность. Именно такой является музыка Алемдара Караманова.

Мелодия не умерла

Мы помним, что в начале XX века появилась додекафония. Было провозглашено, что мелодия и гармония мертвы. Аргументировалось это тем, что культура исчерпала себя. Уже невозможно написать ничего нового, но главное — и не нужно. Однако, как оказалось, те, кто провозглашал эти принципы, поторопились... Начиная с 70-х годов музыкальная культура «зашла на второй виток», началась культурная реабилитация мелодии и гармонии. Во-первых, критики перестали громить «неоклассику». Во-вторых, она нашла свой путь к слушателю. И в-третьих, выяснилось, что новое все-таки можно создать. Сегодня неоклассицизм завоевывает новые позиции, и лично меня этот тренд радует. Потому что, когда я начинал, мне казалось, что новых открытий в классической музыке больше не будет, останется только «игра разума», которая интересна лишь людям с холодным сердцем.

Но сегодня, к счастью, неоклассицизм — это самое востребованное, самое лучшее и интересное в современной музыке. Появляются яркие неоклассические имена. Например, Макс Рихтер, который попытался «пересочинить» «Времена года» Вивальди, — это абсолютно гениальная вещь, которая задала целый тренд. Очень интересен проект композитора немецко-иранского происхождения Араша Сафаяна «Это (не) Бетховен». Или возьмем британского композитора Гарри Грегсона-Уильямса, который работает в «стиле Баха». Это замечательная попытка переосмыслить заново известные нам шедевры. Я считаю, что у этого направления большое будущее.

Алгебра или магия?

В трагедии Пушкина «Моцарт и Сальери» в монологе Сальери есть такие строки: «Музыку я разъял, как труп. Поверил я алгеброй гармонию». То есть он перебрал каждую косточку, рассмотрел под микроскопом каждую деталь живого организма. В музыке действительно есть математика, нечто вроде алгебраических формул.

У музыкантов высокого уровня всегда есть что-то от Сальери: они постоянно анализируют свое и чужое исполнение. И это мешает им сполна насладиться музыкой. Поэтому я испытываю огромную радость, когда играю для людей, которые не имеют серьезного музыкального образования, и вижу неподдельный восторг в их глазах. Ведь музыку пишут, конечно же, профессионалы, но не для узкого круга себе подобных, а для всего человечества. Иногда я сам, слушая большого музыканта, перестаю анализировать и превращаюсь в восторженного студента первого курса, для которого весь мир, как чистый лист, и еще есть место откровению.

Кстати, когда я занимаюсь с молодыми пианистами, даю какие-то мастер-классы, я могу объяснить и «разложить по полочкам» любого классика, но — кроме

Рахманинова! Его музыка настолько глубоко живет у меня внутри, что мне сложно подвергнуть ее холодному анализу. Это как препарировать самого себя. Да, безусловно, музыка — это большая «математическая» работа. И в основном ты занят этим математическим анализом... Но есть такие музыканты, которые превращают математику в магию. Тот же Дэниэл Хоуп или Михаил Майский умеют творить настоящее чудо. Когда я слушаю их «живьем», я получаю огромное наслаждение. Кстати, в записи эта магия живого исполнения исчезает.

Я помню, когда последний раз у меня отключалась «математика». Это было на моем фестивале Odessa Classics 2020, когда я слушал живые концерты Вадима Репина и литовского коллектива NICO под руководством Гедиминаса Гелготаса. Сначала я послушал их в записи. То, что они делают, показалось мне интересным, и я пригласил их на фестиваль. Но я не ожидал, что вживую это настолько увлекательно, талантливо и драйвово. К сожалению, сейчас роскошь живого концерта практически недоступна — из-за пандемии коронавируса Европа на карантине. Однако надеюсь, что запланированный на июнь этого года седьмой фестиваль Odessa Classics состоится. В течение 11 вечеров люди, соскучившиеся по общению, смогут сполна насладиться магией живого концерта.

Odessa Classics и мифы о классике

Классическая музыка не только меняется от эпохи к эпохе, но и сама меняет жизнь людей. Раньше она была доступна преимущественно аристократам, не более чем 1% населения. Сейчас ею активно интересуется 8–10%. Возможно, кто-то скажет, что это немного, но в абсолютном выражении это же миллионы людей! Причем стоит обратить внимание на «качество» аудитории. Те, кто слушает классическую музыку, — это наиболее активные люди — социально, культурно, политически и экономически. На поп-концерты собираются миллионы, а на концерты классики — десятки тысяч. Но именно эти последние оказывают существенное влияние на все общество. Классическая музыка не может и не должна быть масс-маркетом. У нее другая не только эстетическая, но и социальная функция. И, если хотите, другие отношения с вечностью. В ютубе у условного «Стаса Михайлова» может быть 50 миллионов, а у классического концерта 50 тысяч. Но время жизни у этих явлений разное. Первое забудется лет через 10, а классические произведения живут вечно. Жизнь того, что мы сейчас считаем шлягерами, коротка, а Бетховен, Рахманинов, Шнитке и Караманов с человечеством навсегда. Кроме того, нужно понимать, что современная музыка очень разная. Между классикой и роком, если это настоящая, искренняя музыка, не существует непреодолимой преграды. У меня был такой необычный эксперимент: с одним европейским рок-ансамблем мы решили осуществить синтез стилей Сергея Рахманинова и Pink Floyd. Это был очень интересный опыт, к которому, возможно, мы еще вернемся.

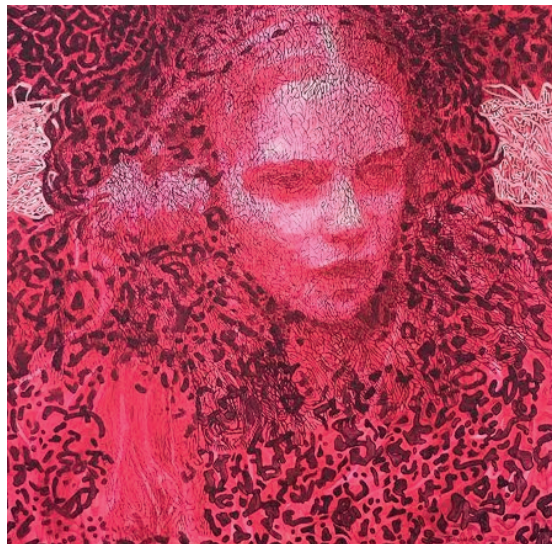
Существует миф о том, что классическую музыку слушает в основном старшее поколение. Но среди упомянутых мною 8–10% есть немало молодежи. В юном возрасте также можно получать удовольствие от классического произведения — никаких преград для этого нет. Хорошо, если у тебя есть какая-то гуманитарная база и минимальное музыкальное образование. Но можно обойтись и без этого. Я знаю множество случаев, когда молодой человек, который был бесконечно далек от классики, случайно попадал на концерт. И тут вступала в действие магия музыки... Внутри что-то «щелкает», что-то включает душу человека. А дальше он всю жизнь хочет все больше и больше пить из этого источника.

* * *

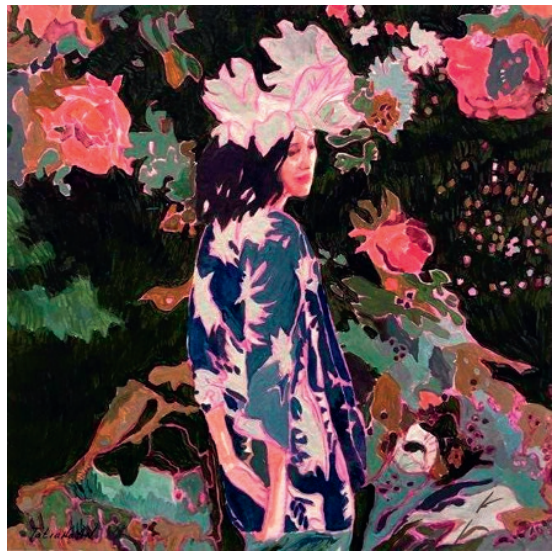
Мне кажется, что в современном мире, который переживает непростые времена, классическая музыка востребована как никогда. Даже в Украине, где, казалось бы, у людей столько проблем, что им не до классики. Когда семь лет назад мы задумали фестиваль Odessa Classics, планировали, что он будет длиться 4 дня. Конечно, я не ожидал, что уже через 3 года мы с трудом будем вписываться в две недели. Фестиваль превзошел все мои самые смелые мечты. На него с удовольствием приезжают музыканты с мировым именем, он включен во все мировые фестивальные справочники. После нашего успеха фестивальное движение оживилось в Киеве, Харькове, Львове и других украинских городах. Запрос на классику в Украине оказался невероятным. И сегодня можно смело сказать, что украинское фестивальное движение классической музыки, начало которому положил Odessa Classics, состоялось.

Уверен, что впереди нас ждет еще немало удивительных открытий, а Одесса вернет себе заслуженный статус интеркультурной столицы.

«Посланники», 2019.
Холст, акрил, 180x120 см



«Пряный запах горьких трав...», 2020.
Холст,акрил, 100x100 см



«Перед закатом», 2020.
Бумага, акрил, акварель, 30x30 см

Татьяна Ан, Киев — Амстердам

родилась 12 апреля 1961 года

Национальная академия изобразительного искусства и архитектуры, Киев

«Да будет Ренессанс!», 2020.
Холст, акрил, 80x120 см

ЛИТЕРАТУРНЫЕ КОНКУРСЫ HUXLEЎ

КИБЕРИАДА-2020

В течение 2020 года Huxleў проводил международный конкурс фантастического рассказа «КИБЕРИАДА».

Мы живем в эпоху глобальных трансформаций, не только технологических или политических, но и в первую очередь — трансформации мировоззрений. Жанр фантастики был выбран не случайно. Ведь это жанр творческой импровизации, художественного эксперимента с будущим. Взяв себе в союзники воображение, культура выполняет невероятно важную функцию — прогноза и предупреждения. Мы хотели создать экспериментальную площадку, где авторы и читатели тестируют различные версии альтернативной реальности.

Напутствие участникам конкурса дал Майк Гелприн, писатель-фантаст из Нью-Йорка, последователь Бориса Стругацкого и обладатель премий многочисленных конкурсов.

«Бытует мнение, что начинающим не пробиться в печать. Неверное.
Пробиться трудно. Но можно — для этого необходимо достигнуть всего лишь одной цели — из начинающего автора стать литератором», — написал Майк.

ПОБЕДИТЕЛЕМ КОНКУРСА стал рассказ Ольги Александровой «Алгофобия».

СПЕЦИАЛЬНУЮ ПРЕМИЮ получил рассказ Инны Деветьяровой «Мы наш, мы новый мир построим».

КИБЕРИАДА-2021

В 2021 году Huxleў принял решение продолжить конкурс «Кибериада».

ГЛАВНАЯ ПРЕМИЯ:

Публикация рассказа на страницах альманаха, а также вознаграждение в сумме 1000 у.е.

УСЛОВИЯ КОНКУРСА:

- Принимаются рассказы на русском языке объемом до 22000 знаков с пробелами
- К участию в конкурсе допускаются ранее не публиковавшиеся рассказы
- Рассказы не рецензируются
- От одного автора принимается один рассказ
- Страна проживания автора значения не имеет
- Рассказы проходят предварительный отбор редакцией на соответствие правилам
- Выбор победителей осуществляет авторитетное жюри
- Кроме рассказа, победившего в конкурсе, к печати могут быть отобраны произведения других авторов

Прием рассказов до 1.11.2021

Результаты будут объявлены 15.01.2022

Рассказы отправляйте на почту

editor@huxley.media

Всеволод Швайба «Внутренние дворы». 2020. Литография. 60 х 48 см

АЛГОФОБИЯ

Ольга Александрова, победитель конкурса «Кибериада»

— Тысячи лет в основе жизни была органика, и органика была жизнью, — говорил темноволосый юноша, тяжело ступая по просторному кабинету. — Человек приходил в этот мир через боль и кровь, чаще всего так же покидал его. Сожаления, слезы, безвозвратность. Мы преодолели законы жизни и перешли на новый уровень…

Слова адресовались широкоскулой женщине с вьющимися волосами, которая, впрочем, слушала его с выражением застывшего отвращения. — Мы преодолели некую гравитацию, стали действительно свободными, к тому же сегодня решены вопросы перенаселения.

— Сколько вам лет? — перебила его женщина.

Молодой человек остановился, на его самодовольном лице появилась улыбка. Казалось, он сконфужен.

— Вы не можете мне задавать подобный вопрос. Это незаконно.

— В Бога вы тоже не верите, как я понимаю, — не унималась женщина.

— Я агностик. Человек может верить, во что захочет. Это его личные проблемы.

— Понятно, — хмыкнула женщина. — В семьдесят пять пора давать более внятные ответы. Впрочем, некоторые с возрастом от ответов прячутся за общими фразами, в которых меньше смысла, чем в словах приветствия.

Юношу передернуло. Он заглянул в маленький прибор на столе:

— А… вы физиономист, работали в криминальной полиции… Ясно. Утерянная профессия, да-да. А что, разве плохо, что вам не нашлось места в новом мире? Или вы… хм, скучаете по преступникам?

— А вы скучаете по прежнему телу или вполне довольны этим? Вы в нем не дольше недели.

— Умница. Только не надо злиться. Будете как новенькая. В новом мире.

— Плевала я на ваш гребаный новый мир, — вспылила женщина.

— Ну-ну, не надо злиться.

— Хотите совет?

— Совет? Это вы мне? — на лице юноши улыбка стала шире. — Попробуйте.

— Избавьтесь от своих старческих замашек. Внешность пикапера не сочетается с манерами обитателя дома престарелых.

Юноша рассмеялся.

— Меня давно не интересуют женщины. Подбирая новую оболочку для своего старого, но крепкого духа, я руководствуюсь совершенно другими принципами, нежели внешняя привлекательность.

— Какими же? — спросила посетительница.

— Эта оболочка прослужит мне не менее двадцати лет без поломок и прочих неприятностей. Нет наследственных болезней, дурных привычек. Ничего плохого, кроме депрессии, с ним никогда не приключалось. Он даже ни разу не ломал руку или ногу. Блестящий вариант.

— Это же не первая оболочка?

— Третья, — самодовольно сказал юноша. — Раньше я был глупым. Первая оболочка прослужила мне лет пять, гиблый вариант, вторая — шестнадцать. Уже лучше, согласитесь. Непредвиденные обстоятельства — автокатастрофа.

Женщина с вызовом посмотрела на юношу.

— Пара вопросов. Если так прекрасен новый мир, в который так бодро стремится моя дочь, почему вы сами не воспользуетесь плодами прогресса?

— Помилуйте, но должен же кто-то чистить авгиевы конюшни?

— Это вы так о человечестве в целом?

— Это второй вопрос?

— Нет, — резко помотала головой женщина. — Второй вопрос заключается во внесении изменения в один из пунктов договора моей дочери, Эвелины Рерте.

— Невозможно, — запротестовал юноша. — Она совершеннолетняя, вышла из-под родительской опеки. Мы ничего не можем сделать. Если она подписала контракт на оцифровывание, он не имеет обратного хода! Тело ее уже забронировано, программа на семьдесят лет под нее составлена, потом отключение — и будьте здоровы, отправляйтесь хоть в рай, хоть в ад.

— Мое предложение четко изложено здесь. Чистый эксперимент, — сказала женщина, решительно продвигаясь к владельцу кабинета с зажатым в руке чипом. — И не пытайтесь расшифровать механизм самостоятельно. Только у меня есть ключ. Рассматривайте это как проект и бизнес-план. Вам понравится…

* * *

Папа говорил, что жалость нерациональна. И тогда, когда он, большой и крепкий, поднимал крошечную Лину над землей, прикладывая к коленке пластырь, и тогда, когда спустя десять лет сам лежал скрюченный под простынями, словно поверженный наземь великан. Но Эвелина ничего не могла с собой поделать: она испытывала нерациональную и оскорбительную для него жалость. Теперь она думала, что он был прав в свои стремительные последние дни, когда еще мог членораздельно говорить, — жалость нерациональна. Унизительна. Убийственна. Заглушая любовь, уважение, она перекрикивает память о том, как папа катал ее на закорках, водил показывать восстановленного динозаврика и возил к морю… Она ничего не помнила уже. Вернее, помнила факты, но не чувства. Это убивало любовь к нему. Память немедленно выдавала поверженного великана. Любовь оставалась известным фактом, а жалость — единственным чувством.

— Мы — то, что мы помним, — говорила мать.

— Мы — то, что мы придумали, — спорил папа.

Эвелина злилась на них. Глупые романтики. Мы — то, что с нами происходит. Вмешиваясь в наши истории, Мойры играют нашими судьбами. И вот — великан повержен. Лежит под простынями, речь его становится невнятной, взгляд обращен внутрь, ему не до Лины. И маме не до Лины. Стоит возле поверженного великана, не веря своим глазам. И великан ждет конца.

Мы — то, что мы помним? Мы — то, что придумали? Бред. Мы — то, что с нами сделали. Над нами сделали. Лина не позволит так с собой обойтись. Никогда не позволит.

* * *

На побережье ни души. Холодное утро сменил холодный пасмурный день. Мать настояла на поездке к морю. Надеялась остановить дочь. Ха! Наверное, она думает, что в памяти всплывет отпуск с папой. После его смерти они ни разу сюда не приезжали. Мать любила море. Лина и папа тоже любили. Но не так.

— Почему ты сюда не ездила после того, как папа умер? — спросила Лина.

Мать не ответила. Брызги долетали до ее лица, и она немного морщилась. Казалось, море — большой добрый зверь, и она с ним играет. Мать красиво будет стариться. Морщины, которые появлялись все чаще после смерти папы, не портили ее. Папа тоже имел право на седину и на морщины…

— Хочу погладить море, — сказала мать. Она любила выражаться необычно. Когда-то Лине это нравилось, но теперь — просто бесило. Она не увидит морщин на папином лице. Никогда. И никто не увидит ее морщин. Никогда.

Лина ложится на камни и закрывает глаза — она не хочет смотреть, как мать подойдет к морю. Как она будет его «гладить». Она не хочет потом это вспоминать. Не хочет испытывать жалость к ней, к ее одиночеству. Жалость все портит, убивает чувство. Мать вполне еще может устроить свою жизнь, если захочет. Даже родить себе нового ребенка. Ох, пусть эта неделя пройдет побыстрее…

Уже прохладно, и купаться совсем не хочется. Мама тоже не может решиться войти в воду. Море схватывает ее стройные ноги, и она внутренне подбирается, будто это может спасти дело. Надо бы просто выйти из воды, но она не выходит. Она становится выше, поднимает плечи, беспомощно складывает руки на груди. На лице у нее улыбка — ей нравится оставаться в море. Она его любит. Она любит этот мир, такой жестокий, такой несправедливый. Складывает на груди руки и улыбается. И что с ней поделать? Лина лежит на остывших камнях. Мама не просит ее встать, чтоб не простудиться. Это уже не важно. Она уже никогда не простудится. Никогда — страшное слово. Но иногда оно очень приятное. Никогда не заболеет, никогда не умрет, никогда не испытает боли, никогда…

— Оцифровывание — победа над смертью. Тело — в обмен на гарантии, — говорит Лина.

Мама не реагирует. В сорок три она умеет управлять чувствами. Уже совсем холодно в ресторане на пирсе, и они обе кутаются в грубые пледы, выданные суетливым официантом. Лина через неделю не будет чувствовать голода и холода. Не дождавшись устриц, она отламывает хлеб. Белое вино ей совсем не нравится. Особенно в сочетании с хлебом. Вино обжигает нежное горло, хлеб безвкусный. На мать она старается не смотреть.

Если посмотрит — в сердце прокрадется жалость. Ужасное, необъяснимое чувство. Сначала легко постучится: тук-тук, и не успел ты еще сообразить, просочится сквозь щели, опутает тебя сетью сомнений, вонзит в тебя уколы совести, раздавит грузом риторических вопросов и ненужных ответов… Фантазия услужливо подсунет ей варианты такого вечера следующей осенью, когда мать будет здесь одна. Или не одна?

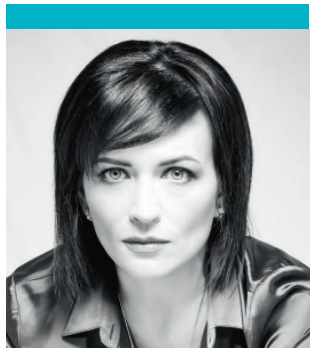
— Мам, это просто переход из одного состояния в другое.

— Не порть вечер, — резко сказала мама.

Разговор не ладился, и они просто молча пили вино, ежились от холода и ждали, когда вечер подойдет к концу. Обе. Когда заказали кофе, мать заговорила о чем-то значительном:

— Я собрала кое-какие деньги. Ты можешь сохранить свое тело, если внесешь некоторые изменения в контракт.

— Это ни к чему, да и никаких денег не хватит для моей программы.



Ольга Александрова, Киев:

«В наши времена нужна действительно фантастическая удача и сказочное везение.

В свою очередь желаю, чтобы Huxley приобретал все больше преданных читателей и формировал свою аудиторию единомышленников, что так важно сегодня».

Лина выбрала программу VIP. Что мелочиться? Фактически она не только уходила от жизненных проблем, она погружалась в фонтан удовольствий на семьдесят лет. Но условия базировались на непременной передаче своего молодого тела. То есть вписаться в программу VIP можно, если ты старше 18, но младше 20, без вредных привычек и патологий. Все. Никакие деньги, просьбы, форс-мажоры ничего не меняют. К тому же твое тело использовалось сразу.

Когда-то люди боялись перенаселения. Кто мог думать, что добрая половина народа перейдет в цифровое существование, без шума и пыли, без войн и катаклизмов, по доброй воле? Чье-то тело будет утилизировано, чье-то использовано тем, кто в силу косности и безыдейности захочет жить в реале. Жить, болеть, страдать, стареть, умирать… Или брать новое тело, дабы избежать печальной судьбы.

Особенно программа полюбилась старикам: вернуться в 20, в любую псевдореальность и пережить то, на что раньше духу не хватило. Десятилетний эксперимент и неожиданное отключение. Микрожизнь.

— Пройдет пара лет, и ты придешь к моему решению, — заявила Лина.

— Пройдет пара лет, и ты горько пожалеешь, — парировала мать.

— Папа был бы жив, если бы…

— Папа никогда не выбрал бы оцифровку, — резко возразила мать.

— Да что ты? По-твоему, лучше потерять человеческое лицо под кровавыми простынями?

— Замолчи! — стукнула рукой по столу мать. — Он никогда не терял лицо!

Началось, не хватало еще разбираться, кто его больше любил!

Они пришли в гостиницу совсем поздно. Лина легла в постель, отключив браслет. Сон сморил ее сразу. Она даже не слышала, как за тонкой стенкой мама ходит по комнате, не слышала шепот моря за окном и жалость, скребущуюся в соседний номер… Через 135 часов это будет в прошлом.

* * *

— Мы ознакомились с вашим предложением, оно одобрено, — сказал пожилой юноша. — Но… вы не готовы.

— Вас это не касается. Я приняла решение.

Юноша встал из-за стола.

— Признаться, мне ваше предложение непонятно. Но там, наверху,

решили ввести такой вариант контракта.

— Только после использования своего права Эвелиной, — предупредила женщина.

— А если она не захочет возвращаться?

— Значит, сделка не состоится, — развела она руками.

Юноша потер переносицу, будто привык, что там очки.

— Оболочка не давит? — поинтересовалась женщина.

— Что-что? — переспросил он.

— Вы привыкли к очкам, привыкли к полноте. Вы вернетесь в свой прежний вид. Молодой человек покинул этот мир напрасно.

— Конфликт с родителями, нулевые перспективы…

— Какая прекрасная осведомленность! Знаете, я навела некоторые справки. Вы вели этого парнишку. Вы все подстроили. Он был геймер, но зависимости лечатся. «Зачем лечить такое прекрасное тело?» — подумали вы.

— Это очень жесткое обвинение.

— Конечно. Но я не бросаю слов на ветер.

— Может, скажете, зачем мне это?

— Вы стали не нужны, решили подстраховаться. Зачем выбирать из известных вариантов, когда можно взять от жизни все? База данных открывает широкие перспективы. Органика — это единственная возможная форма жизни. Все остальное — чепуха. Уязвимый возраст, от 18 до 20. Родители не успевают глазом моргнуть, как контракт состряпан, человек оцифрован. Взять вашу оболочку. Глубокая депрессия. Он не подходил для контракта. Его нельзя было использовать. Мать попала в психушку — она не знала, что происходит в голове у сына. Отец на грани. Не высока ли плата за ваш новый облик? Я хорошо подготовилась. Если что-то пойдет не так, история с юношей будет известна не только мне и моим адвокатам.

Юноша выглядел подавленно.

— Вы не знаете моих обстоятельств, — тихо сказал он.

— Обстоятельства не меняют суть преступления, — заметила женщина.

— Вы безжалостный человек, — медленно проговорил хозяин кабинета.

Женщина промолчала. Не хотела спорить.

* * *

Эвелина думала, что прощание выйдет комканым. Но, несмотря на ее опасения, все прошло гладко. Мать вызвалась привезти дочь в центр оцифровки, и Лина не возражала. Такси подкатило к небоскребу. За внешним роскошным фасадом скрывалось довольно-таки унылое помещение. К немалому удивлению обеих, все выглядело, как в приемной поликлиники. Возможно, из-за большого количества пожилых людей. Они ждали своей очереди перед кабинетами с номерами. Номер на кабинете совпадал с номером их временных браслетов. Сидя в удобных креслах, они переговаривались. Что они чувствовали теперь? Старые тела после оцифровки кремировали. Некоторые приходили парами — муж и жена, некоторых сопровождали дети… Невольно Лина подумала, что где-то рядом, внутри — крематорий и что ее молодое тело туда не попадет.

— Вам вниз, где хранилище, — сообщила молоденькая девушка, которая уже не подпадала под программу VIP.

— Мам, я дальше сама, — сказала Лина.

Неожиданно мать схватила ее за руку и так крепко держала ее, что Лине показалось: вот-вот — и кости будут трещать.

— Мам!

— Ты не хочешь мне что-то сказать?

— Мам, я люблю тебя.

— Я тебя тоже люблю, — выдохнула женщина, и на ее скуластом лице застыло выражение боли…

* * *

Лина легла в капсулу. В принципе, она ничего не почувствовала. В принципе, все чувства остались в прошлом.

Стерильный мир принял ее.

Более всего это было похоже на социальные сети или бесконечный просмотр видео.

Хорошо, что пустота заполнялась шумом, иначе мысли одолели бы. Эти мысли напрямую Лину не касались, они были какими-то общими, всплывающими «из космоса», как сказал бы папа, потому что, по сути, ничего не происходило. Вначале странно было. Потом привыкла. Ничего стало всем. Иногда она устанавливала контакт с друзьями и мамой. Чаще с друзьями, но со временем их любопытство было удовлетворено, связь ослабела.

— Ты как? — спросила мать.

— Да так… — жаловаться не хотелось. В конце концов, ее выбор.

— Ты еще с кем-то общаешься?

— Да. Почему ты спрашиваешь?

— Я не смогу выходить на связь в ближайшие полгода.

Если бы у Лины было сердце, оно бы защемило. Но у нее теперь не было сердца, желудка, легких, рук и ног. У нее были только цифровые мозги и остатки чувств. Фантомные боли.

— Постарайся воспользоваться путешествием или что-то… Не скучай…

— Если сейчас все программы откатать, что я буду делать следующие семьдесят лет? — спросила Лина.

— Руководствуйся принципом ничего не откладывать на завтра.

На полгода Лина погрузилась в вакуум. Мать была последней ниточкой, соединявшей ее с реальным миром. Она так и не узнала, что стало причиной перерыва в общении.

В социальных контактах Лины появлялись и исчезали люди. Она пробовала путешествия, была в двух экзотических странах. А однажды ввязалась, правда, без особого успеха, в мозговой штурм. Тоска. Все тоска. На нее волнами накатывали воспоминания. Отец, поверженный великан под простынями. Последняя поездка к морю с мамой. Мама идет в воду. Лина ложится на остывшие камни: ветер играет ее челкой, камни неприятно впечатываются в спину. Запах моря. Холодно. Она хотела бы почувствовать холод или голод, или хоть что-то. Она вспоминала, как пахло море, как волосы щекотали лоб и щеки. Ей становилось себя жалко. Жалость перекрывала все чувства…

* * *

Женщина со скуластым лицом сидит в приемной. Дни превратились в бесконечное сидение в приемных.

— У вас широкое лицо, не такое, как у вашей дочери. Некоторое портретное сходство получить можно, но, в принципе, мы увидим иное лицо, — говорит лысенький человечек.

— Я согласна.

— Омоложение и изменение внешности одновременно мы уже проводили, так что проблем не будет.

Женщина вспоминает поездку к морю. Холодные брызги долетали до ее лица. Нос втягивал острый воздух моря. Больше никогда… Она вспоминает лицо своего мужа. Ладони касались его шероховатых плохо выбритых щек.

— Ты не побрился, — ворчала она.

— Нет, — отвечал он, и щеки оживали в улыбке под ее ладонью. Море шептало, сулило десять дней тепла и любви. Маленькая Лина играла теплыми камнями.

— Папа, давай строить крепость!

Она любила папу больше. Женщина не обижалась. Она только думала: «Если бы тогда раковая клетка поселилась в ней, снесла ее, скучала бы дочь по ней так же, как по отцу? Жалела бы ее, как его?» Последние слова, сказанные перед оцифровкой, — такие пустые. Неужели ей ничуточки не жаль бедную одинокую мать?

Женщина стоит перед зеркалом, глядя на свое чужое лицо. Эвелина будет довольна.

* * *

Среди новых контактов Эвелины появился человек, которому она доверяла. Раньше у него было редкое заболевание кожи — буллезный эпидермолиз, синонимом жизни являлась боль. Родители перевели его в цифру при первой возможности — то есть когда был готов его мозг.

— Мир отвратителен, я рад, что получил возможность оцифроваться, — сказал он ей как-то. — Избавление от боли — что может быть лучше? Ты тоже избавилась от нее?

— Я хотела избавиться от боли, но не думаю, что мне это удалось, — уклончиво ответила Лина.

— Так не бывает.

— Бывает, если боль не физическая.

— Значит, ты не была больна? Но тогда… зачем? — не унимался новый друг. Он был удивительно красив. Наверное, его внешность в цифре ничуть не напоминала его реального.

Стерильная тоска заполнила все пространство, и не было спасения от нее. Вскоре с Линой связались руководители центра.

— Мисс Рерте, мы понимаем, у вас возникли проблемы. Вы не совсем удовлетворены происходящим. Видимо, ваше представление о цифре и цифровая реальность не совсем соответствуют.

— Видимо, — призналась Лина.

— Ваша мать считала, что вы захотите вернуться. В принципе, вы прошли все тесты, и у нас не возникло проблем с вашей адаптацией. Но родители иногда знают нечто такое, чего мы не можем предвидеть.

— Моя мать исчезла полгода назад. Надеюсь, у нее весомые причины не общаться со мной.

— Весомые. Именно, — заявил голос.

* * *

— Гарантии зафиксируют два адвоката: цифровой и реальный.

— Нет возражений, — поднял руки юноша. — Вы знаете, ваша программа, рассчитанная на помощь родителей запутавшимся детям, уже в работе.

— Только после Эвелины.

— Конечно-конечно. И не забывайте, это очень дорогой проект. Не думаю, что будет наплыв желающих. Кстати, о вашей дочери. Вы уверены, что она захочет вернуться?

Женщина откинулась на спинку стула.

— Вам утром были предоставлены копии разговоров.

— Не успел разобрать.

— Конечно, успели, — с нажимом сказала женщина.

— Вы так поменяли внешность, что я с трудом вас узнаю, — пожаловался юноша.

Посетительница действительно сильно изменилась. Она выглядела лет на двадцать пять, черты ее лица стали мягче, голос звонче…

— Вы тоже изменились, — заметила женщина. — Пробежки вам не помешают.

— Так… дела! Жалко времени!

— Поспешите, а то его совсем не останется, — напомнила она.

* * *

Лине сообщили безо всяких дополнительных подготовок, что письмо доставлено. Выглядело все достаточно обыденно, как обычный сеанс связи, только отвечать Лина не могла…

«Дорогая Эвелина, я знала, что раньше или позже ты поймешь, какую глупую юношескую ошибку ты совершила. Мир несовершенен, но это все, что у нас есть. Думаю, на тебя очень повлияла смерть отца. Как правило, люди так не умирают теперь. Медицина шагнула вперед, и то, что с ним произошло, — абсолютное исключение. Мы поздно хватились. Я много лет не могла простить себе наше легкомысленное отношение к здоровью. Но твое решение… Я бы это уже просто не пережила. Поверь мне, я ухожу без сожаления, абсолютно счастливой. К тому времени, как ты увидишь мое письмо, я отключусь. Я верю, что буду с папой, я на это надеюсь. У тебя есть возможность воспользоваться моим телом для выхода из цифры. Ты будешь первым человеком, который вернется в реальную жизнь в теле близкого родственника. Прости мне поездку к морю, если она была травматичной для тебя. Это я прощалась с миром. Оцифровывание — не победа над смертью, это победа над жизнью. Но теперь и нам, и им известно: есть нечто, что может быть сильнее наших страхов…»

* * *

Вот уже три месяца Лина обживалась в своем новом теле, не похожем ни на нее, ни на ее маму. Новая жизнь, новые знакомые. Чувство счастья с чувством вины.

Однажды она поехала к морю, в то самое место. Здесь она маленькой строила с папой замки, здесь она лежала на холодных остывших камнях перед оцифровкой, там они с мамой пили противное белое вино…

Мы — то, что мы помним…

Мы — то, что мы придумали…

Мы — то, что с нами происходит…

У Лины теперь странное лицо — широкие скулы, но мягкие черты. Мама не хотела, чтобы жалость съедала Лину. Она хотела, чтобы дочь жила на полную катушку, добирая то, что сама у себя украла. «Живи за нас двоих!» — говорила она в последнем письме. И Лина жила.

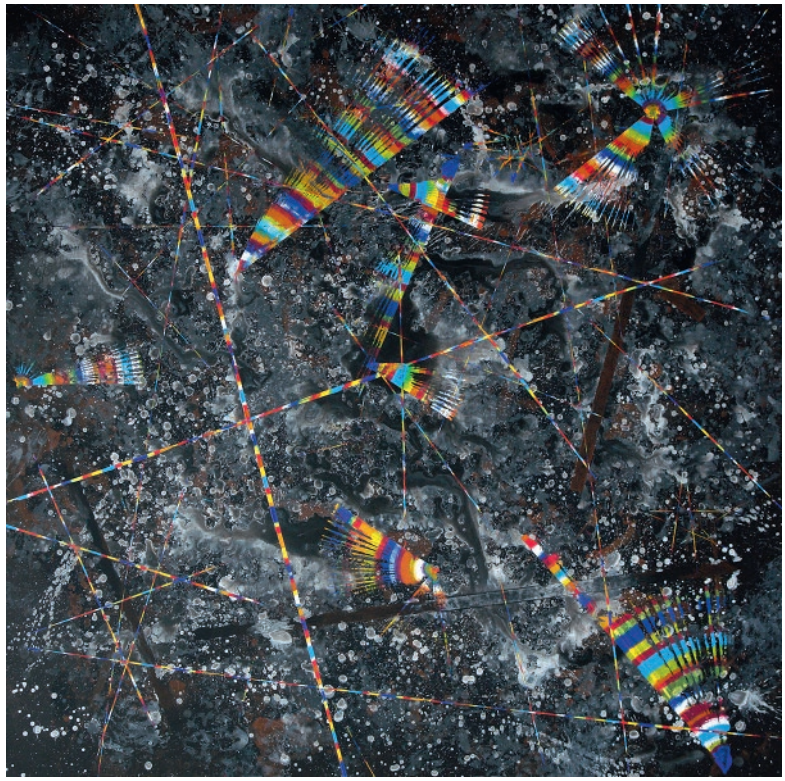
Задумываясь, не слишком ли легко она приняла жертву, Лина возвращалась к маминым письмам, которые поступали ей исправно раз в неделю, словно с того света, постепенно убеждая ее в том, что мама ни о чем не жалела. Однажды она напомнила ей миф об Орфее и Эвридике. Возлюбленная Орфея осталась в мире мертвых, поскольку он оглянулся. Мама говорила, что для нее это было бы самым тяжелым ударом — оглянуться и потерять. Мама не оглядывалась, выводя ее из цифровой реальности.

Мама, пожалуй, хотела, чтобы Лина призналась, как ей жаль ее, одинокую женщину, которую оставили два любимых человека в опустевшем без них мире, но тогда Лина этого просто не понимала. Она бежала от жалости, отрицала жалость, презирала ее. А теперь она думала о том, что только жалость чего-то в этой жизни и стоила. Жалость, боль, разочарование, стремление и, конечно, любовь, которая невозможна без боли и жалости. Все эти болезненные, ранящие чувства делают нас живыми. Боль ее больше не пугала, напротив, она свидетельствовала, что Лина жива. И это было прекрасно, поскольку если мы живы, все еще возможно.

THE IDEA PAGE

«При правильном их применении, слова способны быть всепроникающими, как рентгеновские лучи. Прочтешь — и ты уже пронизан и пронзен»
ОЛДОС ХАКСЛИ

«Грезы Дали», 2012.
Бумага, С принт, 60 х 80 см



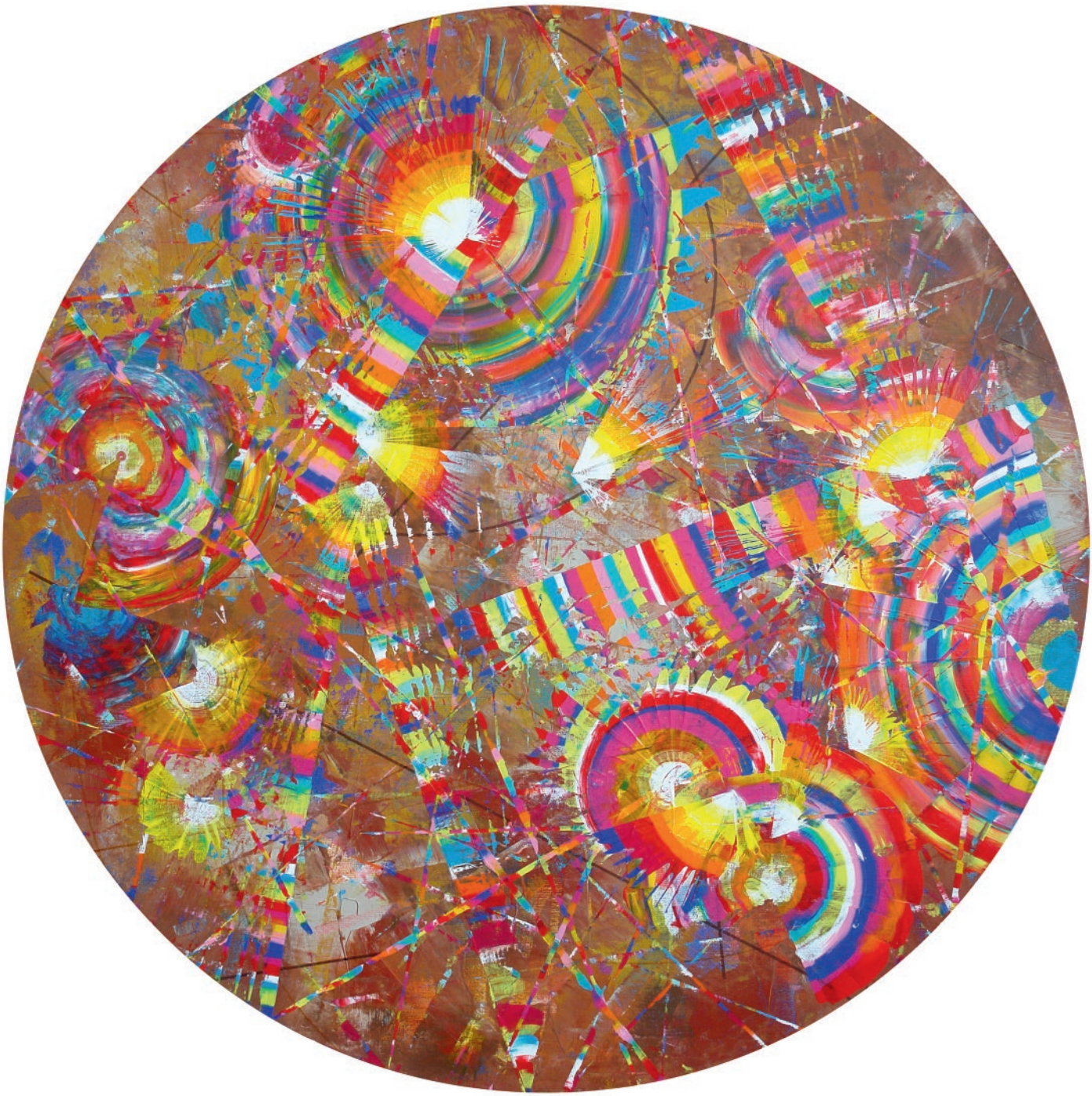
«Музыка космоса», 2019.
Холст, акрил,150 х 150 см

Александр Клименко, Киев

родился 23 июля 1963 г.

Национальная академия изобразительного искусства и архитектуры, Киев

«Земные радости и космический энтузиазм», 2020.
Холст, акрил, авторская техника, 100 см



Олдос Хаксли — писатель-пророк, писатель-сатирик и философ. Он был признан выдающимся интеллектуалом своего времени. Хаксли принадлежал к британской культурной элите, в их роду была целая плеяда выдающихся ученых, писателей и художников.

В разные годы Хаксли семь раз был номинирован на Нобелевскую премию по литературе. Он был гуманистом и пацифистом и интересовался философским мистицизмом и духовными практиками.

Автор известного романа-антиутопии «О дивный новый мир» также был мастером классической английской новеллы с характерными для нее чертами: ирония, лаконичность, парадоксальный сюжет и неожиданный финал.

Мы решили познакомить читателей альманаха с одной из новелл автора*.

---

* Перевод С. Сухарева.
Х-16 Контрапункт. О дивный новый мир. Обезьяна и сущность. Рассказы: Пер. с англ. / О. Хаксли. — М.: НФ «Пушкинская библиотека», ООО «Издательство АСТ», 2002. — 986, [6] с. — (Золотой фонд мировой классики). www.lib.ru

ПОРТРЕТ

Олдос Хаксли

— Картины? — переспросил мистер Биггер. — Вы хотите взглянуть на картины? Ну что ж, сейчас в наших залах выставлено немало современных работ, очень интересных. Французы, англичане…

Покупатель протестующе поднял руку и покачал головой.

— Нет-нет, ничего современного! — решительно заявил он. В произношении его слышался приятный северный выговор. — Картины мне нужны настоящие, старые. Рембрандт, сэр Джошуа Рейнольдс и всякое такое.

— Превосходно, — кивнул мистер Биггер. — Старые мастера. Разумеется, у нас есть и старинная живопись.

— Дело в том, — заговорил посетитель, — что недавно я приобрел дом, и довольно-таки просторный. Поместье, — прибавил он внушительно.

Мистер Биггер улыбнулся: непритворное простодушие посетителя не могло не вызвать симпатии. Любопытно, как ему удалось разбогатеть? Поместье… Премило сказано. Такие вот, как он, проложили себе путь от рабской зависимости к дворянству, с низших ступеней феодальной пирамиды взобрались на самую ее верхушку. Его собственная судьба, судьба целых классов угадывались в той гордости, с какой он произнес: «Поместье»…

Незнакомец продолжал говорить, и мистер Биггер заставил себя сосредоточиться.

— …В таком доме и с моим положением в обществе, — услышал он, — нужны картины. Старых мастеров, конечно, — Рембрандтов и как их там еще…

— Безусловно, — подтвердил мистер Биггер. — Полотно старого мастера — это символ преуспевания.

— Вот-вот, — вскричал его собеседник с довольным видом, — именно это я и хотел сказать.

Мистер Биггер с улыбкой склонил голову. Отрадно повстречать человека, который все сказанное воспринимает буквально, не замечая скрытых колкостей.

— Конечно, старые мастера требуются нам только для гостиной: покупать их еще и для спален — это уже чересчур.

— Разумеется, чересчур, — согласился мистер Биггер.

— Собственно говоря, — продолжал Владелец Поместья, — моя дочь сама немного рисует. И довольно мило. Кое-какие ее рисунки я отдал вставить в рамки, чтобы развесить в спальнях. Полезно, когда в семье есть художник. Не надо тратиться на картины. Но для гостиной, конечно, необходимо что-нибудь эдакое, старинное.

— Думаю, у меня есть как раз то, что вам нужно. — Мистер Биггер поднялся и позвонил в колокольчик. «Моя дочь немного рисует»... Он представил себе пышную блондинку за тридцать, похожую на официантку, все еще не замужем и слегка перезревшую.

В дверях появилась секретарша. — Мисс Прэтт, принесите мне венецианский портрет — тот, что в задней комнате. Вы знаете, что я имею в виду.

— Устроились вы тут как будто неплохо, — заметил Владелец Поместья. — Дела идут ничего, верно?

Мистер Биггер вздохнул:

— Если бы не кризис… Нас, торговцев произведениями искусства, он задевает чувствительнее всего.

— Кризис!.. — Владелец Поместья фыркнул. — Да я с самого начала его предвидел. Кое-кто, похоже, вообразил, будто добрым временам и конца не будет. Вот олухи! Я-то все распродал еще на гребне волны, потому и могу теперь покупать картины.

Мистер Биггер тоже развеселился: покупатель оказался как раз какой надо.

— Вот если бы тогда, во время бума, у меня нашлись покупатели…

Владелец Поместья расхохотался так, что из глаз у него потекли слезы. Он все еще смеялся, когда мисс Прэтт снова вошла в комнату с картиной в руках, держа ее перед собой наподобие щита.

— Поставьте картину на мольберт, мисс Прэтт, — сказал мистер Биггер. — Вот, — обернулся он к Владельцу Поместья, — что скажете?

Глазам их предстал поясной портрет полнощекой белолицей дамы в платье из голубого шелка с отделанным зубчатыми фестонами корсажем, туго стягивающим высокую грудь, — типичное изображение итальянской аристократки середины восемнадцатого века. На пухлых губах дамы играла легкая самодовольная улыбка, в одной руке она держала черную маску, как будто только что сняла ее, придя с карнавала.

— Очень мило, — проговорил Владелец Поместья, но тут же с сомнением прибавил: — На Рембрандта не слишком похоже, верно? Краски уж больно яркие, чистые. Обыкновенно у старых мастеров ничего толком не разберешь — сплошной мрак и все как в тумане.

— Справедливо, — сказал мистер Биггер. — Однако не все старые мастера схожи с Рембрандтом.

— Наверно, нет. — Владелец Поместья, казалось, все еще не был разубежден.

— Это венецианская школа восемнадцатого столетия. Она всегда отличалась светлым колоритом. Имя художника — Джанголини. Умер он рано, и нам известно не более полудюжины его картин. Это одна из них.

Владелец Поместья кивнул. Что-что, а цену всякой редкости он знал хорошо.

— С первого взгляда в картине находят влияние Лонги, — беспечно пояснял мистер Биггер. — А в трактовке лица усматривают morbidezza, как это встречается у Розальбы.

Владелец Поместья в замешательстве переводил глаза то с мистера Биггера на картину, то с картины на мистера Биггера. Что может быть тягостней беседы с человеком, знающим куда больше, чем ты?

Мистер Биггер сполна воспользовался своим преимуществом.

— Забавно, — продолжал он, — что здесь совершенно не признают сходства с манерой Тьеполо. А каково ваше мнение?

Владелец Поместья кивнул. Лицо его вытянулось и помрачнело, углы ребяческого рта опустились. Казалось, он вот-вот расплачется.

— Как приятно, — заметил мистер Биггер, сжалившись наконец, — поговорить с человеком, который по-настоящему разбирается в живописи. Истинных знатоков так мало.

— По правде говоря, как следует я в это никогда не вникал, — скромно сознался Владелец Поместья. — Но уж если мне что-то нравится, я это вижу сразу.

Его лицо просветлело: он снова почувствовал себя на твердой почве.

— У вас врожденное чутье, — сказал мистер Биггер. — Это весьма редкий дар. Об этом я догадался по вашему виду — стоило вам войти в галерею. Владелец Поместья был явно польщен.

— Ну что вы, что вы, — пробормотал он, чувствуя, как вырастает в собственном мнении. Он критически склонил голову набок. — Да, картина, по-моему, очень хорошая. Очень. Однако мне хотелось бы что-нибудь историческое — надеюсь, вы меня понимаете. Что-нибудь связанное с известными в истории личностями. Портрет какой-нибудь знаменитости — Анны Болейн или, скажем, Нелл Гвинн, герцога Веллингтонского или вроде того.

— Но, дорогой мой сэр, я просто не успел вам сказать. Эта картина тоже по-своему знаменита. — Мистер Биггер подался вперед и легонько похлопал Владельца Поместья по колену. Глаза его под кустистыми бровями оживленно заблестели, он снисходительно и понимающе улыбнулся. — С написанием этого портрета связана в высшей степени примечательная история.

— В самом деле? — Владелец Поместья заинтересованно приподнял брови. Мистер Биггер откинулся на спинку кресла.

— Дама, которую вы видите перед собой, — начал он, указывая на портрет, — была супругой четвертого графа Хертмора. Ныне этого рода не существует: девятый по счету граф скончался в прошлом году. Я приобрел эту картину при распродаже фамильного имущества. Грустно быть свидетелем исчезновения старинных родовитых семейств.

Мистер Биггер вздохнул. Владелец Поместья сохранял торжественный вид, как если бы находился в церкви. Оба помолчали, затем мистер Биггер заговорил снова, уже другим тоном:

— Судя по известным мне изображениям, четвертый граф Хертмор был

длиннолиц, сумрачен — короче, блестящей внешностью не отличался. Нельзя было представить его себе молодым: он принадлежал к тем людям, которым на вид всегда около пятидесяти. Главный интерес его жизни составляли музыка и римские древности. На одном из портретов в левой руке он держит флейту из слоновой кости, правой опирается на обломок римского изваяния. Едва ли не половину жизни он провел в Италии в поисках античных редкостей и слушая музыку. На пятьдесят пятом году он вдруг решил, что настало время жениться. Вот его избранница. — Мистер Биггер указал на портрет. — Состояние и титул, очевидно, возместили многие недостатки графа. При взгляде на леди Хертмор едва ли скажешь, что она питала живой интерес к римским древностям. Полагаю, что теория и история музыки столь же мало ее волновали. Она любила наряжаться, блистать в свете, флиртовать, играть в карты — словом, наслаждаться жизнью сполна. Новоиспеченные супруги, надо думать, не слишком ладили между собой, однако до открытого разрыва дело не доходило. Спустя год после женитьбы лорд Хертмор предпринял очередную поездку в Италию. Супруги прибыли в Венецию ранней осенью. Для лорда Хертмора Венеция была городом нескончаемой музыки. Его ждали ежедневные концерты Галуппи в сиротском приюте «Мизерикордия». Его ждали творения Пиччинни в театре «Сайта-Мария». Его ждали оперные премьеры в театре «Сан-Моизе» и дивные кантаты во множестве соборов. Его ждали любительские концерты, ждали Порпора и лучшие певцы Европы, ждал Тартини, ждали другие величайшие скрипачи-виртуозы. Леди Хертмор ждала от Венеции совсем иного. Для нее Венеция означала азартную игру в «Ридотто», балы-маскарады, веселое общество за ужином — словом, все удовольствия самого увлекательного из городов на свете. Так как оба вели независимый образ жизни, ничто не нарушило бы их счастья, если бы однажды лорду Хертмору не пришла в голову злополучная мысль заказать портрет супруги. Ему рекомендовали Джанголини как молодого, подающего большие надежды живописца. Вскоре начались сеансы. Джанголини был красив и дерзок, Джанголини был юн. Искусством любви, как и кистью, он владел в совершенстве. Могла ли леди Хертмор устоять перед ним, если только ей не были чужды человеческие слабости? А человеческие слабости были ей отнюдь не чужды.

— Как и всем нам, верно? — Владелец Поместья ткнул мистера Биггера пальцем в бок и расхохотался.

Из вежливости мистер Биггер тоже немного посмеялся; когда же приступ веселья у собеседника миновал, он возобновил свой рассказ:

— В конце концов они задумали бежать вдвоем за границу, обосноваться в Вене и жить на фамильные драгоценности рода Хертморов, заботу о сохранности которых леди Хертмор должна была взять на себя. Драгоценности эти стоили не менее двадцати тысяч, а в Вене, во времена Марии-Терезии, на одни только проценты с этой суммы можно было существовать вполне безбедно.

Подготовка к побегу длилась недолго. Друг Джанголини оказал влюбленным всяческое содействие: раздобыл паспорта на вымышленное имя, нанял лошадей, которые должны были ожидать их на материке, предоставил им в распоряжение собственную гондолу. Бежать они условились сразу после заключительного сеанса. И вот этот день настал. Лорд Хертмор, как обычно, в гондоле доставил супругу в мастерскую Джанголини, где она устроилась в похожем на трон кресле с высокой спинкой, и снова отправился на концерт Галуппи в «Мизерикордии». В ту пору карнавал был в полном разгаре. Даже среди бела дня по улицам все расхаживали в масках. Леди Хертмор носила маску из черного шелка — ту самую, что вы видите на портрете у нее в руке. Ее супруг, отнюдь не склонный к увеселениям и порицавший карнавальный разгул, все же предпочитал следовать причудливым нравам горожан, дабы не привлекать к себе ненужного внимания.

Обычным одеянием знатных венецианцев в карнавальные недели были черный плащ до пят, громадная треугольная черная шляпа и маска из белой бумаги с длинным носом. Так же одевался и лорд Хертмор, ничем не желая отличаться от других. Угрюмый, невозмутимо степенный английский милорд, облаченный в шутовской наряд участника веселого маскарада, должно быть, представлял собой на редкость нелепое и ни с чем не сообразное зрелище. «Панталоне в костюме Пульчинеллы» — так прозвали его наши любовники: старый дурень в извечной комедии, выряженный шутом. Итак, в то утро, как я уже сказал, лорд Хертмор, как обычно, явился в нанятой гондоле вместе со своей супругой. Что до леди Хертмор, то она явилась со спрятанной в складках просторного плаща кожаной шкатулкой, в которой на шелковой подкладке уютно покоились фамильные драгоценности Хертморов. Сидя в темной каюте гондолы, супруги провожали взглядом соборы, роскошно украшенные палаццо и высокие, скромного вида здания, медленно скользившие мимо них.

Из-под маски Панча голос лорда Хертмора звучал глухо, размеренно, невозмутимо:

— Высокоученый падре Мартини, — говорил он, — намерен оказать мне высокую честь — отобедать завтра у нас. На свете нет человека, более сведущего в истории музыки. Я прошу вас отнестись к нему со всею предупредительностью.

— Вы можете быть уверены в этом, милорд. — Она едва сдерживала внутреннее ликование, готовое вот-вот прорваться наружу. Завтра в обеденный час она будет уже далеко отсюда, за кордоном. Миновав Горицию, она будет мчаться по направлению к Вене. Бедный старик Панталоне! Впрочем, жалости к нему она совсем не испытывала. В конце концов, он остается со своей музыкой, к тому же у него целая куча мраморных обломков. Под плащом она еще крепче сжимала шкатулку с драгоценностями. Сколь восхитительно волнующей была ее тайна!

Мистер Биггер заломил руки и театральным жестом прижал их к левой стороне груди. Он испытывал подлинное блаженство. Повернув к Владельцу Поместья свой острый, словно бы лисий, нос, он благодушно улыбнулся. Владелец Поместья сидел неподвижно, весь обратившись в слух.

— И что же? — с нетерпением спросил он. Мистер Биггер разжал пальцы и уронил руки на колени.

— Итак, — продолжал он, — гондола приближается к дому Джанголини, лорд Хертмор помогает супруге выйти, ведет ее в мастерскую художника на втором этаже, с привычными изъявлениями вежливости препоручает ее его заботам и затем отправляется на утренний концерт Галуппи в «Мизерикордии». В распоряжении любовников остается добрых два часа для последних приготовлений.

Как только старый Панталоне скрывается из виду, в комнату вбегает приятель художника — в маске, в плаще, как и все на улицах карнавальной Венеции. Следуют приветствия, рукопожатия, смех не смолкает ни на минуту: все удалось как нельзя лучше, ни у кого не возникло ни малейшего подозрения. Леди Хертмор извлекает из складок плаща шкатулку с драгоценностями. Она открывает ее: тотчас же раздаются по-итальянски бурные восклицания, выражающие изумление и восторг. Бриллианты, жемчуга, огромные изумруды Хертморов, рубиновые застежки, алмазные серьги — все эти сверкающие, искрящиеся вещицы любовно рассматриваются, передаются из рук в руки. По мнению приятеля, все это богатство стоит не менее пятидесяти тысяч цехинов. Любовники в экстазе бросаются в объятия друг друга. Друг Джанголини напоминает, что напоследок предстоят еще кое-какие дела. Нужно пойти в полицейское управление за паспортами. О, это простая формальность, но без нее не обойтись. Он отправится вслед за ними и продаст один из алмазов, чтобы обзавестись суммой, необходимой для путешествия.

Мистер Биггер прервал свой рассказ, закурил сигарету и, выпустив изо рта облако дыма, заговорил снова:

— Итак, закутавшись в плащи и надвинув капюшоны на глаза, они разошлись в разные стороны — друг Джанголини в одну, художник со своей возлюбленной в другую. О, любовь в Венеции!

Мистер Биггер мечтательно закатил глаза.

— Случалось ли вам влюбляться в Венеции, сэр? — спросил он Владельца Поместья.

— Нет, дальше Дьеппа я нигде не бывал, — отозвался тот, покачав головой.

— О, вы многое потеряли в жизни. Навряд ли тогда вам удастся представить, что чувствовали юная леди Хертмор и Джанголини, когда они скользили по бесконечным каналам, глядя друг на друга через прорези масок. Быть может, они целовались — это не так просто, когда на лице маска, — и, кроме того, существовала опасность, что кто-нибудь узнает их через окошечко гондолы. Нет, пожалуй, — задумчиво заключил мистер Биггер, — им достаточно было только смотреть друг на друга. В Венеции, когда медленно плывешь вдоль каналов, вполне довольно созерцания, одного лишь созерцания.

Он слегка покрутил в воздухе рукой и умолк. Сохраняя молчание, он несколько раз глубоко затянулся; когда же заговорил снова, голос его звучал негромко и ровно:

— Спустя примерно полчаса после их ухода к дверям дома Джанголини приблизилась гондола, из нее вышел человек в бумажной маске, закутанный в черный плащ, с неизменной треугольной шляпой на голове, и поднялся по лестнице в мастерскую художника. Она была пуста. С мольберта улыбался портрет — мило и слегка глуповато. Но художника нигде не было видно, и кресло для модели пустовало. Сохраняя невозмутимый вид, человек в маске с длинным носом оглядел комнату. Его рассеянный взгляд задержался, наконец, на открытой шкатулке, беспечно оставленной любовниками на столе. Глубоко посаженные, окруженные тенями глаза под гро-

тескной маской долго и пристально всматривались в брошенный предмет. Длинноносый Пульчинелла, казалось, погрузился в размышление.

Вскоре на лестнице послышались шаги, раздался смех. Человек в маске повернулся к окну, чтобы выглянуть на улицу. За его спиной с шумом распахнулась дверь: возбужденные, беззаботно веселые, в комнату со смехом влетели любовники.

— А, caro amico! Уже здесь? Что с бриллиантом?

Закутанная в плащ фигура у окна не шелохнулась. Джанголини оживленно продолжал рассказывать: с подписями не возникло ни малейшего затруднения, расспросов не последовало, паспорта лежали у них в кармане. Можно было отправляться немедленно.

Леди Хертмор принялась вдруг безудержно хохотать: она никак не могла остановиться.

— Что случилось? — смеясь вместе с ней, спросил Джанголини.

— Я представила, — еле выговорила она в промежутке между приступами хохота, — я представила себе, как старик Панталоне сидит в «Мизерикордии», мрачный, будто сыч, и слушает, — она едва не задохнулась, голос у нее задрожал и сделался пронзительным до визга, как будто она говорила сквозь слезы, — слушает допотопные нудные кантаты этого нудного старика Галуппи.

Человек у окна обернулся.

— К сожалению, мадам, — произнес он, — ученый маэстро сегодня нездоров. Концерт не состоялся, и посему я взял на себя смелость возвратиться ранее, чем обычно. — Он снял маску. Их взорам предстало узкое, серое, бесстрастное лицо лорда Хертмора.

Любовники застыли на месте, как пораженные громом. Леди Хертмор схватилась за сердце: в груди у нее словно что-то оборвалось, под ложечкой засосало от непереносимого ужаса. Бедняга Джанголини стал белее своей бумажной маски. Даже тогда, во времена чичисбеев, этих узаконенных воздыхателей, бывали случаи, когда взбешенные от ревности мужья прибегали к кровопролитию. Художник не имел при себе оружия, а одному только небу было ведомо, какие смертоносные предметы могли скрываться под загадочным черным плащом лорда. Однако лорд Хертмор не совершил ничего варварского и достоинства своего не уронил.

Как всегда суровый и невозмутимый, лорд Хертмор приблизился к столу, взял шкатулку с драгоценностями, со всею тщательностью закрыл ее, со словами «кажется, это моя шкатулка» опустил ее в карман и вышел из комнаты. Оставшись одни, любовники недоуменно смотрели друг на друга.

Рассказчик умолк.

— А что было дальше? — спросил Владелец Поместья.

— Ничего особенного, — ответил мистер Биггер, грустно покачав головой. — Джанголини рассчитывал на побег с полусотней тысяч цехинов. Леди Хертмор, по зрелом размышлении, перестала привлекать мысль о любви в шалаше. Место женщины, решила она наконец, дома, там, где ее фамильные драгоценности. Но придерживался ли лорд Хертмор того же мнения? Вот в чем заключался главный вопрос — вопрос тревожный, мучительный. Она должна была убедиться во всем собственными глазами. Она явилась как раз к обеду.

— Его высочайшее превосходительство ожидает в столовой, — сообщил мажордом.

Перед ней распахнулись высокие двери, она вошла плавно и величественно, с гордо вскинутым подбородком — но что за смятение царило у нее в душе! Ее супруг стоял у камина. Он сделал шаг ей навстречу.

— Я ждал вас, мадам, — произнес он и проводил леди Хертмор к ее месту.

Это было единственным упоминанием лорда Хертмора о случившемся. Вечером он послал слугу в мастерскую художника за портретом. Портрет входил в их багаж, когда месяц спустя они отбыли в Англию. Вся эта история передавалась вместе с картиной из поколения в поколение. Я услышал ее от давнишнего друга семьи в прошлом году, когда покупал портрет.

Мистер Биггер бросил окурок сигареты в камин. Ему льстила мысль, что он прекрасно справился с ролью рассказчика.

— Очень интересно, — заметил Владелец Поместья, — в самом деле, очень. Что-то по-настоящему историческое, верно? Не уступит тому, что можно порассказать про Нелл Гвинн или Анну Болейн.

Мистер Биггер улыбнулся загадочно, отстраненно. Он вспомнил Венецию: русскую графиню, которая остановилась в пансионе, где он жил; дерево с пышной кроной во дворе за окном его спальни; пряный, дурманящий запах духов (от него тотчас перехватывало дыхание); купание на Лидо, гондолу, купола храма Спасения на

фоне подернутого дымкой неба — точь-в-точь как его изобразил Гварди… Каким страшно далеким и давним все это казалось теперь! Тогда он был еще совсем юнцом, это было его первое настоящее приключение.

Он очнулся от воспоминаний, заслышав голос Владельца Поместья, заставивший его слегка вздрогнуть:

— Так сколько вы хотите за эту картину?

Вопрос был задан умышленно небрежно, с напускным равнодушием: торговаться он действительно умел.

— Что ж, — проговорил мистер Биггер, неохотно расставаясь с русской графиней и райской Венецией четвертьвековой давности, — за гораздо менее ценные работы я запрашивал и тысячу, однако не возражаю, если эта картина перейдет к вам за семьсот пятьдесят.

Владелец Поместья присвистнул:

— Семьсот пятьдесят? Нет, это слишком!

— Но, дорогой мой сэр, — запротестовал мистер Биггер, — подумайте-ка, сколько бы вам пришлось выложить за полотно Рембрандта такого же размера и качества — тысяч двадцать, не меньше. Семьсот пятьдесят фунтов вовсе не так уж много. Напротив, если учесть значительность того, что вы намерены приобрести, цену можно назвать заниженной. Вы достаточно проницательны для того, чтобы видеть, что это замечательное произведение искусства.

— О, этого я не отрицаю, — согласился Владелец Поместья. — Я только к тому клоню, что сумма-то довольно изрядная. А знаете, я рад, что дочка рисует. Вообразите-ка, если бы мне пришлось украшать спальни картинами по семьсот пятьдесят фунтов за штуку! — Он захохотал.

Мистер Биггер улыбнулся.

— К тому же, — заметил он, — это весьма выгодное вложение капитала. Спрос на поздних венецианцев растет. Будь у меня свободный капитал… — Дверь приоткрылась, и в комнату просунулась белокурая, вся в кудряшках голова мисс Прэтт.

— Мистер Кроули желает знать, нельзя ли ему увидеться с вами, мистер Биггер.

Мистер Биггер нахмурился.

— Велите ему подождать, — бросил он с раздражением. Кашлянув, он снова повернулся к Владельцу Поместья: — Будь у меня свободный капитал, я целиком вложил бы его в поздних венецианцев. Весь, до последнего пенни.

Произнося это, он мысленно прикидывал, сколько же раз на словах он собирался вложить весь свой капитал в примитивистов, в кубистов, негритянскую скульптуру, в японские гравюры и так далее…

В конце концов Владелец Поместья выписал чек на шестьсот восемьдесят фунтов.

— Хорошо бы получить от вас машинописную копию этого рассказа, — сказал он, надевая шляпу. — Отличная штука, чтобы занять гостей во время обеда, как вы считаете? Только бы хотелось уточнить как следует все подробности.

— Конечно, конечно, — откликнулся мистер Биггер, — подробности — вот самое главное! — Он проводил этого невысокого толстячка к дверям. — До свидания. До встречи. — Они расстались.

У входа показался высокий бледный юноша с длинными бакенбардами. Темные глаза его глядели задумчиво, во всем его облике было нечто романтическое и в то же время вызывающее легкую жалость. Это и был Кроули, художник.

— Простите, что заставил вас ждать, — сказал мистер Биггер. — Зачем вы хотели меня видеть?

Мистер Кроули выглядел смущенным, он колебался. Как тяготили его такие визиты!

— Дело в том, — выдавил он наконец из себя, — что мне сейчас позарез нужны деньги. Я думал, что, может быть… если вы не против… может быть, это не очень вас затруднит… я бы хотел получить плату за ту штуку, которую сделал для вас на днях. Мне ужасно совестно вас беспокоить.

— Что вы, что вы, голубчик. — Мистер Биггер проникся сочувствием к этому незадачливому бедняге. Несчастный Кроули был беспомощен, словно ребенок. — О какой сумме мы с вами тогда условились?

— Двадцать фунтов, кажется, если не ошибаюсь, — робко напомнил мистер Кроули. Мистер Биггер достал из кармана бумажник.

— Пускай будет двадцать пять, — сказал он.

— Нет-нет, что вы… Спасибо огромное! — Мистер Кроули вспыхнул, как девушка. — Быть может, вы не откажетесь выставить некоторые мои пейзажи? — рискнул спросить он, воодушевленный благожелательным видом мистера Биггера.

— Нет, ваших работ не нужно. — Мистер Биггер непреклонно покачал головой. — От современной живописи проку мало. Лучше приносите мне своих старых мастеров, сколько можете.

Он побарабанил пальцами по гладко выписанному плечу леди Хертмор:

— Попробуйте-ка еще кого-нибудь из венецианцев, — прибавил он. — Этот имел большой успех.

Олдос Хаксли, 1936. Фотография Sotheby's Cecil Beaton Archive

Я ПРИСОЕДИНИЛСЯ К КЛУБУ ДРУЗЕЙ HUXLEЎ!

Если меня спросить, что я ценю больше всего, я всегда отвечаю: «Свободу»... Если меня спросить о вещах, которые меня сформировали, сделали мою жизнь лучше, то я всегда говорю, что одно из самых чудесных воспоминаний в моей жизни — это разговоры моих родителей с друзьями о науке, философии, культуре... Думаю, что именно они меня сформировали. Наверное, именно по ним я больше всего скучаю... И вот!! Частный проект Huxleў. Мог ли он быть не частным? Думаю, нет... Рада ли я ему? Счастлива, что есть люди, для которых эти темы важны, интересны и увлекательны... Снова счастлива. Спасибо за Huxleў!

Ольга Гуцал

сооснователь «Камион-Оил», Autobooking,
автор книги «Если прыгнули, то гребите»

Для меня сообщество друзей Huxleў — это про баланс. Баланс и единство между противоположными, на первый взгляд, искусством и бизнесом. Искусство — это некое развитие, стремление к идеалу, то, что заставляет человека совершенствоваться и дает возможность развиваться внутри своего собственного пространства. Альманах Huxleў балансирует между искусством и бизнесом, он создан для людей, которым близок дух творчества и предпринимательства. Для меня свет — главный инструмент моего бизнеса. Но свет — тоже искусство, которое требует баланса. Именно он создает тень, которая позволяет раскрыться свету. И настоящий шедевр — это игра света и тени. Поддерживаем баланс в жизни и создаем не теряя радости!

основатель, арт-директор
компании Expolight

Николай Каблука

Что значит для меня состоять в Клубе друзей Huxleў? Прежде всего это сопричастность к Смыслу. Мое решение стать членом клуба не было спонтанным. В какой-то момент я осознала, что моя встреча с Huxleў становится катализатором перемен в моей жизни и моем мышлении. Уверена, что стремление окружать себя красотой и творчеством — это истинная потребность каждой человеческой Души. Альманах Huxleў — это больше чем журнал, это проводник в другой мир. Внести лепту в развитие этого уникального для Украины проекта — это возможность быть рядом с теми, кого объединяют полезность и смыслы — развитие Человека и его Души.

Марина Дяченко

владелец бизнеса,
CEO компании MANEZH

Почему я решил поддержать проект? Читаю однажды вечером статью «Вселенная-25: мышиный рай как пророчество о будущем». И тогда я задумался над тем, что же нас может спасти. А это — познание себя и того, что и кто тебя окружает, через развитие и осмысление происходящего сегодня. В наше время, находясь в постоянном потоке, очень важно находить полезную информацию, которой можешь доверять. И в этом, конечно, альманах Huxleў — лучший. Спасибо, что вы есть.

P. S. А рубрики «Нетривиальные решения» и «Корни и крылья» мы обсуждаем всей семьей за совместными ужинами, делясь интересными фактами.

президент «Украинской Ассоциации Индустрии Игрушек»,
управляющий компании KIDDISVIT, соинвестор «Бізнес 100»

Павел Овчинников

Иль тебя я Онай Ау люблю

Huxley.media

* на языке «Уроков фарси»

